

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители:

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
И ИНФОРМАЦИОННЫХ
КОММУНИКАЦИЙ КБР
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР

Главный редактор

ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Руслан Ацканов
Анатолий Бицуев
Эльдар Гуртуев
Адам Гутов
Ахмат Гыллыев
Хачим Кауфов
Валентин Кузьмин
Магомет Кучинаев (отв. секр.)
Владимир Мамишев (ст. ред.)
Светлана Моттаева
Ахмат Мусукаев
Ахмат Созаев
Зейтун Толгуров
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Юрий Багов
Михаил Балкизов
Тауби Бегретов
Хасан Думанов
Мурат Карданов
Алибек Мирзоев
Замир Мисроков
Юрий Тхагазитов
Аслан Урусбамбетов
Аминат Уянаева
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев
Тембулат Эркенов

4. 2008

ИЮЛЬ-АВГУСТ

В разное время об Айшет написаны стихи, эссе, статьи Жан-Жака Берне, Поля де Сен-Виктора, Жюля Сури, Эдмона Пилона, Эмиля Анрио, Андре Моруа и многих других.

Новый исторический роман Исхака Машбаша «Графиня Аиссе» посвящен трагической судьбе черкешенки Айшет, в детстве похищенной и проданной в рабство в Турцию, затем выкупленной французским послом в Стамбуле графом Шарлем де Ферриолом и воспитанной в Париже в высшем свете французского общества в XVIII веке, впоследствии ставшей знаменитой писательницей, автором известных «Писем к госпоже Каландрини».

«Графиня Аиссе», как и другие исторические повествования И. Ш. Машбаша, отличается глубоким историзмом. В нем правдивому художественному исследованию подвергается процесс нравственной деградации высшего общества Франции времен королей Людовика XIV и XV, – с одной стороны, и сохранение «черкесской нимфой», как назвал героиню романа Вольтер, своей чести, достоинства и расплата за них, – с другой.

Асламурза ГЕДГАФОВ

Великая сила единения

К 300-летию победоносной битвы кабардинцев против крымских татар на высокогорном плато горы Кинжал и на равнинных берегах реки Гунделен в 1708 году

Вначале немного о побудительных причинах нашествий на адыгские земли и крымских татар, и других любителей полакомиться чужим добром.

Как известно, все живые существа, к сожалению, и человек в том числе, живут по закону джунглей: сильные пожирают слабых. Тем не менее природа-матушка, чтобы поддержать равновесие жизни на земле, наделила

существа каждого вида средствами защиты от врагов. Это и быстрые ноги, и панцири, и инстинкт, и ум, да и, самое главное, наконец, – это способность вида жить в мире и согласии с соседями и сплотиться в борьбе против любых агрессоров. Видимо, так рассуждал и знаменитый философ XIII–XIV вв. Данте Алигьери, когда впервые в европейской истории высказался в пользу создания единого национального государства, как единственного пути к ликвидации раздробленности нации и ослабляющих ее междоусобий.

Таких же взглядов придерживался и Инал – родоначальник адыгских князей, которому удалось-таки объединить все адыгские племена в единое государство, существовавшее в мире и согласии под его началом до 1427 г. «Князь Инал пользовался в народе большим уважением, и подданные нарекли его *великим и мудрым* и любили его, как отца. Он на протяжении всей своей жизни ни о чем так не заботился, как о благосостоянии подданных и о спокойствии края. Он был наименован *святым*, и впоследствии вошла в употребление поговорка: «Дай, Боже, Иналов день!» Так сказано в книге «История адыгейского народа» Ш. Ногмова (Нальчик: КГИ, 1947. С. 55).

Инал, едва успев подписать с абхазскими племенами соответствующие документы о мире и об их равноправном вхождении в единое братское государство адыгов, скончался смертью праведника. Его сыновья (их было пятеро), из которых, к сожалению, ни один не обладал блестящими

организаторскими качествами отца, повернули ход нормального развития сложившейся страны вспять, поделив ее на три княжества. С этого времени распад большой страны адыгов на мелкие княжества стал неуправляемым и дошел до абсурда. Уже к середине 16-го столетия некогда обширная страна была поделена на множество мелких, неспособных жить самостоятельно родовых княжеств, которые то и дело враждовали и грабили друг друга.

Во главе этих княжеств, как ни печально, стояли вздорные, возмнившие себя пророками князя-самодуры, которым не было дела до единства и благосостояния народа, да и мира в крае. Положение у них катастрофически усугубилось, и они стали легкой добычей враждебных соседей, особенно после того, как образовали две противоборствующие группировки, одна из которых была ориентирована на Турцию, другая – на Россию. Воспользовавшись этим безумным разрушением единства адыгов изнутри, аварцы, кумыки, калмыки, лезгины, ногайцы, кубанские и крымские татары и прочие «благородные» соседи стали систематически совершать вооруженные разбойничьи набеги и грабительские походы то на одно, то на другое адыгское княжество за легкой добычей, так же спокойно и безнаказанно, как ныне наши горожане ездят на свои пригородные дачи за выращенным урожаем. К сожалению, бывало и так, что отдельные князья, пренебрегая патриотическим чувством долга перед своим родным народом, легко присоединялись то к одним, то к другим непрощеным гостям и принимали участие в разорении родной земли. А недруги то и дело, разделавшись с владениями одних князей, уничтожали и владения других, примкнувших к ним князей. И это было вполне естественно, ведь изменники родины никогда не пользовались доверием и у врагов. Короче, разобщенные адыгские племена трудились, как волы, не покладая рук, а произведенное ими добро (хлеб, тучные стада, табуны, отары, да и юноши и девушки) доставалось вооруженным враждебным соседям, повадившимся жить за счет легкой военной добычи с богатых адыгских земель. А бестолковые князья все не могли расстаться со своими вздорными и мелочными амбициями, вместо того, чтобы объединиться и отстаивать свободу и независимость своего народа, своей родной земли и богатств, созданных на ней. А это вполне возможно. Нет сомнений в том, что только эти губительные нашествия враждебных соседних народов, ставшие реальными со смертью царя адыгов Инала, и распад его единого государства на мелкие племенные княжества, причинивший стране разорения, помешали развитию просвещения, шедшему из Греции, и ввергли народ в мрак невежества и варварства. Они впоследствии, к сожалению, стали и основной причиной поражения адыгов в Русско-кавказской войне, продолжавшейся 150 лет, начиная с 1722 г., и унесшей из жизни девять десятых народонаселения адыгов.

...Самое раннее нашествие крымских татар на Кабарду произошло в 1570 г. Они участвовали в 17–18 столетиях, особенно после того, как прочно утвердилась политическая ориентация Кабарды на Россию.

В самом начале 18-го столетия крымский хан Каплан-Гирей совершил

очередной варварский поход на Кабарду, который, как свидетельствуют история и народное преданье, закончился для него весьма плачевно. Два крупных сражения, которые имели место во время этого похода, разыгались на землях, принадлежавших князьям Атажукиным: на большом высокогорном плато горы Кинжал и на обширной равнине в районе впадения реки Гунделен в Баксан. В этих сражениях, естественно, вместе со всем родным кабардинским народом принимали самое активное участие и жители атажукинских сел, но обо всем по порядку.

В то далекое время землями, прилегавшими к рекам Нальчик, Шалушка, Чегем, Баксан, Гунделен, Малка, Золка управлял (владел) старший князь Кабарды Кургоко Атажукин – один из немногих, еще оставшихся в рядах адыгских властителей, ориентированных на Россию, на единство адыгских племен и мирное соседство со всеми княжествами и народами Кавказа, которому удалось-таки тогда по-доброму сплотить вокруг себя местных родовых князей. С доблестью воина он сочетал и большие организаторские и хозяйственные способности и тем самым возбуждал к себе неподдельное уважение всех, кто имел с ним дело; его слово высоко ценилось среди адыгов и в его владениях верили ему и повиновались беспрекословно. На этого человека адыгским народом и было возложено ведение переговоров об уменьшении чрезмерно большой дани с крымским пашой – главой крымского оккупационного войска, стоявшего уже несколько лет в Кабарде и взымавшего непомерную ежегодную дань с населения.

В тот момент, когда Атажукин излагал свою просьбу, как пишет А. Мисостов (Терские ведомости, 1894. № 97), хан курил трубку с длинным чубуком. Пока говорил князь Атажукин, он не выпускал изо рта чубука, искоса поглядывая на стоящего перед ним на коленях князя. Когда князь кончил говорить, хан сказал: «Ты и твой народ жалуетесь на непосильную дань и просите от меня грамоту. Вот возьми». И с этими словами он высыпал жар из своей большой трубки на бритую голову князя Атажукина. «Ступай и объяви своему народу о моей милости».

«Поступок этот сильно огорчил князя, однако же он не подал паше ни малейшего вида неудовольствия, – добавляет Ш. Ногмов в книге «История адыгейского народа» (Нальчик: КГИ, 1947. С. 100, 101), – но, простившись с ним, он в тот же день собрал многих князей и почетных узденей и, рассказав о случившемся, объявил им свое намерение: в следующую ночь умертвить всех турок и крымцев, где бы они ни находились... Все единодушно откликнулись на предложение Кургоко и в следующую же ночь привели его в исполнение».

Единственный род, гласит преданье, который струсил и не исполнил волю князя и народа, был окрещен метким фамильным именем Тэтэршыньэ (Татаробязнов).

Летом 1708 г. Каплан-Гирей с войском, состоявшим из крымских татар и турок, численность которого по различным источникам составляла от 40 000 до 100 000 человек, совершил печально для него закончившийся поход в Кабарду, преследуя, в основном, три цели: наказать кабардинцев

за поголовное уничтожение солдат крымского войска, занимавшихся сбором дани, утвердить в Кабарде власть Турции и Крыма и собрать еще более значительную материальную и людскую – до трех тысяч девушек и юношей – дань с населения. Численность вооруженных сил Кабарды была на порядок ниже, чем у агрессора (от 7 до 12 тысяч воинов).

О битвах, разыгравшихся тогда на землях атажукинских князей, и разгроме татар писали турецкий историк Фунцукулу, француз Ф. Дюбуа де Монпере, Ш. Ногмов и др. Более лаконичную и яркую зарисовку этих событий, на мой взгляд, дал Ш. Ногмов. «По прошествии некоторого времени, – пишет он, – крымский хан с войсками подступил к границам кабардинским. Предупрежденные еще во время прибытия хана за Кубань, кабардинцы все свое имущество, жен, детей отправили в ущелье Урда. Хан, узнав об этом, изменил путь и расположился лагерем на бугре Кинжал. В тот же день пришел в кабардинский стан Халелий, лазутчик из татар, живший прежде у князя Кургоко. Он уведомил князя подробно о намерениях хана, упомянув при этом, что если кабардинцы в следующую же ночь не нападут на крымцев, то в другую или третью ночь на них самих непременно будет сделано нападение. Кургоко тотчас же велел собрать около трехсот ослов и к каждому привязать по две вязанки сена. Наступила ночь, он отправился на неприятеля и, приблизившись к нему, велел зажечь сено и выстрелами гнать всех ослов на неприятельский лагерь. Надвигающиеся огни и ужасный рев ослов до того перепугали врагов, что они в беспамьятстве и смятении стали рубить друг друга; с рассветом же стремительно бросились на них кабардинцы и совершенно их разбили, взяв много пленных и большую добычу. Толстый паша Алегот в бегстве упал со скалы, на половине которой, зацепившись за дерево, повис и кончил жизнь в таком положении. Место называется теперь «Алегот гумм и Шухупа», то есть «Алеготова скала». В сражении было убито несколько их предводителей. Прогнав остальных крымцев к реке Куме, кабардинцы возвратились в свои пределы. Остальные неприятельские войска отступили к Хаджикале. Уведомленный обо всем этом, султан снова прислал войско, к которому присоединилось много татар и некоторые закубанские изменники, и все это полчище пошло на кабардинцев, ожидавших неприятеля на реке Гунделен. В произошедшем кровопролитии крымцы были опрокинуты, и кабардинцы преследовали и их вплоть до Кубани, а оттуда возвратились восвояси. Между тем изнуренный неприятель расположился лагерем в долине Ладжимачай, не имея с кабардинцами более никакого дела. Распространившаяся через несколько лет заразительная болезнь многих из них истребила, и только незначительная часть возвратилась в отечество. С тех пор прекратились и все делавшиеся кабардинцам притеснения (Ногмов Ш. История адыгейского народа. Нальчик: КГИ, 1947. С. 102, 103).

Здесь нельзя не согласиться и с М. Алхасовым, когда он утверждает, что разгром крымцев в Кабарде на плато горы Кинжал и на реке Гунделен в 1708 г. помог Петру I в 1709 г. в Полтавской битве (отсутствием на стороне шведов союзной татарской армии) и спас Россию от поражения в

Северной войне, которое было чревато самыми серьезными последствиями для русской государственности (КБП. 1996, 26 нояб.).

И в памяти благородных, живущих и ныне в Заюково потомков тех адыгов, которые в 1709 г. на атажукинских землях Кабарды разбили наголову войско Каплан-Гирея, хранится много рассказов и легенд. Есть и одна удивительная, глубоко патриотическая и, по своей сути, трагическая песня о событиях тех далеких дней.

Грозные обстоятельства, военная изобретательность хода тех кровавых битв, героические образы участников тех трагических событий по всем человеческим меркам заслуживают, чтобы они с большой силой запали в воображение и память народа. Поэтому-то адыгский труженик-воин и воплотил их в песне, полной и патриотического энтузиазма и какого-то чисто адыгского юмора и презрения к смерти. Песня эта называется «Кэнжалыщхэ зауэ» (Битва на кинжалинском плато). Несколько лет тому назад – со слов местного сторожила Мухамеда Пшиготижева – она записана и сохранена для потомков талантливым заюковским журналистом и песенником Хамидби Хупсергеновым, к сожалению, недавно ушедшим из жизни. Мой скромный подстрочник этой песни с кабардинского выглядит так:

***Песня о битвах кабардинцев
против крымских полчищ в 1708 году***

Адыги в ладах с мечом,
Неустрасимы пред врагом.
Нагрянет войско – они рубят мечом,
Стрелами сверкают, как солнце лучом.
Со страху бегущих заклемят позором,
Закажут и дорогу ходить дозором.
Адыги умрут, но не отступят,
А врага таки достойно встретят.
Удары держат они без стога,
Недрузгов встречают без поклона.
Зло и насилие не прощают,
Врагов в одном порыве сокрушают.
Ударят раз – нет жожака,
А разят они, как молнии «рука».
Под каждым Альп – конь крылатый,
Как знак врагу в путь обратный.
Если адыг струсил на поле брани,
Врагу спину показал,
Навеки имя его в песне бранной,
Как народ исстари сказал.
Храбрецы с утра оседлав коней,
Встрепенулись, как орлы пред взлетом с полей.
Не дрогнуть! – был уговор,

И вот загнали врага за бугор.
Кто зазевался в открытом поле,
Тот умирал без предсмертной воли.
Все зло, насилие, что было совершено,
Как во сне кошмарном, возвращено.
Заворожен хан крымский,
Обманут ложью турецкой,
Войска же, гонимые туманной мечтой,
Залегли под «Кинжалом», за чащей лесной.
Алегот же – воевода крымский,
В телеге, как змий ползучий.
Пару его гнедых тихо уводят,
А телегу пустую в бездну низводят.
Тела врагов сокрушенных
Теснятся в широких оврагах лесных.
Главный же воевода врагов,
Жаль, в тот день ускользнул.
Тамбиев сын – Алибек могучий,
Ведет с фланга бой кипучий.
Острый меч его короткий
Разит в теснине речушки звонкой.
Неприятелю голову рубит,
А свою под шлемом хранит.
В чащобе темной, где льется кровь,
Он блещет силой вновь и вновь.
Его меч легко разит врага,
Низвергая тела на дно оврага.
Не тупится твой меч певучий,
Наш, Тамбиев сын, Алибек могучий.
Сядет на голову вражья карга,
И то не устанет бить врага.
Опрометчивых он не прощает,
Землю родную рьяно защищает.
Тамбиев сын, Алибек могучий,
Под ним же конь гнедой, высокий.
Мужчина – воин экипированный,
Загоняет врага в каньон стесненный.
Могуч наш Тамбий, неустрашим,
Гарцует верхом пред врагом.
Чтоб защитить землю родную,
Врага рубит напрапалую.
Кургоко же Атажукин смотрел далеко,
Единство племени ценил высоко.
Князья родовые его слову верили,
Народ стеной на врага вели.
Атажукин – князей князь, храбр был,

Войско в бой за свободу водил.
Тамбиев, Шогемоков и Хамгуроков
Неустрасимо врага рубили,
На Гунделен-реке Каплан-Гиреево войско добили.
Адыги защищаться умели, героями были,
А воевать чужую землю никогда и не ходили.
С кровавой битвы на плато «Кинжал»
Со страху ведь никто не побежал.
Сплотившись, встречали бы всегда врага,
Адыги сохранили бы свободу своего очага.
Разгром восьмидесятитысячного войска татар –
Весьма достойный тому пример.
Западнее Атажукина первого села,
Для павших «кладбище» заложено,
Покоятся там многих татар-воинов тела,
Да ничье имя в нем лаврами не отмечено.

Как успели заметить читатели, песня точно выражает последовательность и зависимость событий между собой и воспекает сплоченность и совместные действия всех княжеств Кабарды во главе со своим старшим князем Кургоко Атажукиным – умным человеком и талантливым стратегом, – то есть единство как единственную и решающую силу, обеспечившую кабардинцам в тех битвах блестящую победу против полчищ крымских татар. Удачно и заключительное четверостишие песни. Оно удивительно прямолинейно показывает, что конец войны всегда печален, а тысячи ее участников становятся безымянными «обителями» случайных мест массового захоронения.

К сожалению, не многие имена героев, отстоявших тогда наши земли от врагов, сохранились. Мне и не совсем понятно, и несколько странно, что и все те немногие родовые имена: Атажукин, Тамбиев, Шогемоков и Хамгуроков, которые по праву стали достоянием памяти народа и страниц истории, – принадлежат выходцам только из атажукинских сел. Это невольно заставляет думать, что среди кабардинцев они играли главенствующую и основополагающую роль в разгроме крымских полчищ в 1708 г., что и вызывает у нас, их сегодняшних потомков, нескрываемую гордость и нежное чувство к их памяти, равно как к памяти всех героев тех суровых дней.

Пусть царит мир на небосклоне адыгских, к сожалению, и доньше разрозненных племен; где бы они ни находились, пусть больше не встанут на их жизненном пути такие черные силы, как в 1708 г., и такие, которые разбросали их по всему белому свету; пусть наконец-то сбудется их светлая и неизбывная мечта: вновь зажечь единой семьей на земле отцов.

(Рецензент М. Хафицэ)

Первая кабардинская поэтесса, рассказавшая в стихах о себе, о пройденном жизненном пути. Родилась она в обеспеченной семье, но рано осталась сиротой: ее наставницей и воспитательницей была бабушка, мудрая и добрая женщина. Замуж вышла за сироту, бедного крестьянина.

Еще в детстве Пашхан стала интересоваться фольклором, сочинять первые стихи на основе народного стихосложения. Она великолепно знала множество произведений устного народного творчества, была замечательной сказительницей, талантливым сочинителем стихов, здравиц, максим. Кимова была безграмотна, но она обладала уникальной памятью: услышанное или сочиненное самой она помнила наизусть, часто приходила в КБНИИ для записи, диктовала известные ей тексты и свои сочинения. Ее стихи, мудрые изречения публиковались на страницах республиканских газет и журналов, привлекая читателей глубиной философской мысли, житейской мудростью, мастерством стихосложения. Среди ее стихов наиболее значительные: «Мы – счастливые», «Здравица», «Верный друг», «Свадебная здравица», «Хорошая жена какая?», «Любовь», «Испытавшие трудную жизнь», «Моя старческая песнь», «Здравица в честь партии», «Старая жизнь», «Здравица в честь русского народа».*

Родился в 1911 году (сел. Старый Лескен Урванского р-на КБР – 1980, Нальчик) – кабардинский поэт, драматург. После окончания ЛУГА в 1932 году ступил добровольцем в Красную Армию. Окончив Киевскую артиллерийскую школу, служил в разных командных должностях, участвовал в боях с белофиннами. С первого дня Великой Отечественной войны Кимов был на фронте. Вступив в войну в звании старшего лейтенанта, он закончил ее в звании полковника и в должности начальника штаба

* При подготовке материалов по Памятным и Юбилейным датам используется «Библиографический словарь «Писатели Кабардино-Балкарии» // Института Гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик: Эль-Фа, 2003.

стрелкового корпуса. За боевые заслуги был награжден двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями. В послевоенные годы Кимов много сил и энергии отдал делу воспитания и боевой выучки воинов Советских Вооруженных Сил на должностях командира бригады, начальника отдела в штабе округа, начальника курсов усовершенствования офицерского состава. Будучи в отставке, несколько лет работал в республиканском штабе гражданской обороны.

Т. Э. Кимов был одним из первых самостоятельных драматургов, режиссеров и актеров. Будучи курсантом ЛУГа, написал несколько пьес, которые ставились тут же, своими силами, а также в селах Кабардино-Балкарии.

Кабардинский поэт, прозаик (родился в 1907 году в сел. Куба Баксанского р-на КБР – 1937). После окончания сельской школы и ЛУГа, в 1933 году поступил в аспирантуру в Московский научно-исследовательский институт языкознания; после закрытия последнего перевелся в Московский центральный научно-исследовательский институт национальностей. В 1935 году был направлен в Москву по вопросу создания нового кабардинского алфавита на русской графической основе и защиты кандидатской диссертации. С 1930-го – кандидат в члены ВКП (б).

В 1937 году А. К. Пшенокова арестовали по ложному обвинению в «принадлежности к контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации, проведении антисоветской работы». Осужден на основании ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР и приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. В июле 1957 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР реабилитирован. На момент ареста был директором КБНИИ. Был близко знаком с известными учеными – профессорами Н. Яковлевым, Ю. Соколовым, поэтами А. Глоба и М. Зинкевич.

Пшеноков – один из первых кабардинских советских прозаиков. Его ранние рассказы основаны на популярных фольклорных сюжетах и мотивах. Он известен и как поэт. В первых советских антологиях – «Япэ лъэбакъуэ» (Первый шаг. Нальчик, 1933 и «Писатели Кабардино-Балкарии». М., 1935) были опубликованы его стихи «Баксанстрой», «Песня пастуха», «Мы готовы», «Молодежь», «Прощай» и др., рисующие социалистическую новь республики, трудовой энтузиазм ее строителей.

Пшенокову принадлежат переводы следующих авторов: Л. Кассиль (Лдына-хододина), А. П. Чехов (Мужики), Л. Н. Толстой (Кавказский пленник), А. С. Пушкин (Повести Белкина).

**ПШЕНОКОВ
МАЧРАИЛ ТЛЕКЕШЕВИЧ**

Кабардинский поэт (родился в 1898 году в сел. Чегем – 1937). Учился в сельском медресе, откуда был изгнан за вольнодумство. Пытался поступить в Нальчикское реальное училище, но безуспешно. Вынужден был продолжить духовное образование, поступил в Баксанское медресе. Здесь его застала Октябрьская революция 1917 года. Мачраил Пшеноков был участником Гражданской войны за установление Советской власти в Кабардино-Балкарии.

В 1926 году окончил совпартшколу при ЛУТе. Затем некоторое время был учителем в родном селе. В последующие годы работал в Нальчике народным судьей, директором кирпичного завода, контролером в автоуправлении. Состоял в ВКП (б) с 1925-го по 1935 г., затем исключен за активную пропаганду религии. До ареста работал заведующим колхозным клубом в родном селе. Арестован в феврале 1937 года по обвинению в антисоветской деятельности и приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Реабилитирован в 1957 году.

Первые стихи Пшенокова появились в середине 20-х гг. в газетах «Карахалк», «Социалистическая Кабардино-Балкария». Это были пробные стихи, далеко не совершенные по художественному уровню. Но они привлекали своим пафосом, страстными призывами к борьбе с противниками Советской власти, за просвещение.

Художественный уровень поэзии Пшенокова был вровень с поэзией многих начинающих его современников. Но отличительной чертой его поэтических творений была усиленная разработка политической тематики. На эту особенность его поэзии обратил внимание первый кабардинский литературный критик Дж. Налоев.

**ЦАГОВ
НУРИ АЙТЕКОВИЧ**

Родился в 1883 году в Турции, по др. источникам в Сирии, – 1936, Нальчик) – кабардинский общественный деятель, один из лидеров Баксанского просветительского центра. Родился в семье переселенца. Потеряв отца, с детских лет воспитывался в семье дяди, генерала турецкой армии

Якуба Цаго, с помощью которого окончил Стамбульский университет. Получив диплом юриста, Нури отказался от карьеры адвоката, предпочитая ей патриотическую деятельность народного просветителя. Работал секретарем Черкесского благотворительного общества, созданного черкесами, проживавшими в Турции, редактором печатного органа этого общества газеты «Гъуазэ» (Вожатый). Вернувшись в 1913 году на родину, продолжил просветительскую деятельность: был учителем Баксанского духовного училища – первой новометодной мусульманской школы; после закрытия этой школы основал свою, названную в народе «Цаговским университетом». Многие его ученики впоследствии стали организаторами первых советских школ, один из них, Али Шогенцуков, стал основоположником кабардинской советской литературы.

Вместе с Адамом Дымовым Цагов издавал в его типографии газету «Адыгэ макъ» (Адыгский голос) – первый печатный орган на кабардинском языке (выходила с ноября 1917-го по июль 1918 г.). На страницах этой газеты публиковались статьи Цагова, его художественные произведения. В типографии, открытой на средства отца А. Дымова, Нури Цагов издал книги: «Хъэишэт гуащэм и щытхъу» (Похвала госпоже Хайшат. 1917), «Мусльымэн тхыдэ» (История мусульман. 1918) и «Адыгэ тхыдэ» (Адыгская история. 1918).

Наиболее значительные произведения Цагова – исторические сочинения. В «Мусульманской истории» изложена история мусульманских народов, в частности, арабов и адыгов, а также Израильско-Иудейского царства. Она начинается с библейско-коранической мифологии – «истории пророков» и переходит к еврейской истории, затем подробно излагается биография Мухаммеда, история возникновения и становления мусульманства, политическая история халифата и его распад. Значительная часть посвящена истории адыгов и их участию в мамлюкской истории. Цагов опирается на многочисленные источники: на труды древнегреческих и древнеримских историков – Геродота, Страбона, Аппиана, Плиния Старшего; французских археологов Жан-Жака Мари и Эрнеста Шантра, «Историю адыгейского народа» Шоры Ногмова. Используются также древнегреческие мифы, Пятикнижие, Евангелие, адыгский фольклор.

С установлением Советской власти Нури Цагов развернул большую деятельность по распространению грамотности, составлению алфавита, изданию учебников. Он преподавал в ЛУГе, одновременно являлся научным сотрудником КБНИИ, вел методическую работу по линии народного образования. В начале 30-х гг. принимал активное участие в подготовке фундаментального издания – «Кабардинский фольклор» (М., 1936). Однако до выхода в свет книги он погиб при невыясненных обстоятельствах.

Н. А. Цагов сыграл выдающуюся роль в становлении кабардинской литературы, книгопечатания и периодики на родном языке.

**КАНУКОВ
МУХАЖ ТУТОВИЧ**

Кабардинский поэт, прозаик (родился в 1908 году в сел. Лечинкай Чегемского р-на КБР – 1942). Окончив сельскую школу, учился в педагогическом техникуме при ЛУГе, позже в Саратове, в Высшей школе пропагандистов им. Свердлова при ЦК ВКП(б). Кануков был одним из первых членов Кабардино-Балкарского отделения Союза писателей СССР, профессиональных учителей Кабардино-Балкарии. В родном селении он возглавлял комсомольскую, партийную организацию. Впоследствии его назначают заведующим культурно-просветительным отделом (отдел пропаганды и агитации) Нальчикского РК ВКП(б), избирают кандидатом в члены президиума Кабардино-Балкарского обкома партии. В августе 1937 года Кануков был назначен директором Кабардино-Балкарского книжного издательства. В связи с переходом кабардинской и балкарской письменности с латиницы на русскую графику, он организовал новую полиграфическую базу и подготовил кадры полиграфистов из представителей коренных национальностей.

Мухаж Тутович принимал активное участие в работе КБНИИ, в частности – издании первого сборника историко-краеведческих очерков (1934) как член редакционной коллегии и как один из его авторов. По поручению института подготовил и издал «Русско-кабардинский школьный справочный словарь», охвативший 5000 слов и вышедший в свет тиражом в 7000 экземпляров (1940).

С мая 1939-го до 31 июля 1941 г. Кануков исполнял должность директора Кабардино-Балкарского краеведческого музея. Он приложил немало усилий, чтобы превратить возглавляемый им музей в научно-краеведческое учреждение. По его инициативе организовывались научные экспедиции по обследованию памятников культуры республики, перепрофилировались отделы музея, которые стали вести научные исследования.

Призванный в Красную Армию 31 июля 1941 года, воевал на фронте в звании командира роты пулеметчиков. Погиб в ожесточенном бою, прикрывая со своими пулеметчиками отходящие стрелковые части советских войск в октябре 1942 года.

М. Т. Кануков известен как один из первых детских писателей. Он автор книги «Совет шӀэблэм я мурадыфӀхэр» (Мечты советских ребят. 1938), состоящей из 17 очерков о советских детях разных национальностей. В них отражены их дела, мечты, отношение к советской действительности, их дружба, олицетворяющая единство народов Советского государства.

Пробовал он себя и в поэзии. Стихи пронизаны страстными призывами к активному участию в строительстве советского государства. Кануков использовал формы стихосложения Али Шогенцукова, Бекмурзы Пачева.

Также он явился создателем первого романа в кабардинской литературе, занимался и переводами.

За короткий срок своей творческой деятельности М. Т. Кануков сделал сравнительно немало, он мог бы сделать значительно больше, если бы его жизнь не оборвала война.

К 75-летию Раисы Хашхожевой

Раиса Халифовна Хашхожева – кабардинский литературовед – родилась 27 сентября 1933 года в Ростове-на-Дону, окончила среднюю школу в Нальчике, затем – КБГУ (отделение русского языка и литературы); училась в очной аспирантуре при Азербайджанском госуниверситете, там же защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук (1964; тема «Русско-кабардинские литературные связи XIX – нач. XX вв.»). После защиты работала старшим преподавателем, затем доцентом кафедры русской и зарубежной литературы КБГУ (1964–1973). Последующие два года преподавала в Болгарии, в Шуменском Высшем педагогическом институте. В пятилетний юбилей института награждена Почетной грамотой за активное участие в организации этого вуза. С 1976 года работает в КБИГИ (старший научный сотрудник (1976–1987), зав. отделом литературы (1987–1997), главный научный сотрудник). Хашхожева – руководитель авторского коллектива по изданию словаря «Писатели КБР». В 1986-м защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук (тема: «Адыгские просветители 2-й половины XIX – нач. XX вв.»). В 1996 году ей присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки КБР»; она – член Союза писателей РФ (1995).

Р. Х. Хашхожева – основатель научной школы по возрождению, исследованию и изданию литературного наследия адыгских писателей-просветителей XIX – нач. XX вв., оказавшихся в годы Советской власти в искусственном забвении, что привело к образованию значительного пробела в истории национальной литературы. Ей принадлежит заслуга в решении сложной и трудоемкой работы по восстановлению полной картины национального литературного процесса досоветского периода. В результате начатой еще в начале 60-х гг. ее поисковой работы в многочисленных архивах и книгохранилищах бывшего СССР выявлено и собрано огромное количество документов, печатных и рукописных материалов. В начале 70-х гг. Хашхожева основала серию «Литературные памятники», в которой издавала свои исследования, собранное литературное наследие просветителей с обширными предисловиями и комментариями к текстам произведений.

Первое издание в этой серии – «Кази Атажукин. Избранные труды» (1971; второе дополненное издание – 1991). В нем поэтапно прослежена служебная карьера просветителя, раскрыты неизвестные страницы его творческой биографии. Кази Атажукин представлен как зачинатель про-

фессиональной адыгской педагогики, создатель первой азбуки и первых книг на кабардинском языке, как художник слова, переводчик, публицист и фольклорист.

Творчеству выдающегося адыгского историка и писателя Хан-Гирея посвящено издание «Хан-Гирей. Избранные произведения» (1974; второе дополненное издание – 1989). В нем содержится научная биография просветителя, дана исчерпывающая характеристика общественно-политической и творческой деятельности этого крупнейшего представителя адыгской культуры, его уникальных публикаций, составивших золотой фонд литературного наследия XIX в.

Значительным явлением в истории адыгской художественной литературы и журналистики было творчество талантливого писателя, первого редактора газеты «Терские ведомости» Адыль-Гирея Кешева. Ему посвящена книга «Адыль-Гирей Кешев. Избранные произведения». (1976; второе дополненное издание – 1988), в которой создан разносторонне очерченный творческий портрет просветителя, стоявшего у истоков национальной журналистики, сделавшего родную литературу, носившую до него синкретический характер, подлинно художественной, положившего начало в ней реалистического метода.

В антологии «Избранные произведения адыгских просветителей» (1980) представлено творчество Казы-Гирея, Крым-Гирея Инатова, Адыль-Гирея и др. В ней дана обобщающая картина литературного процесса 30–60-х гг. XIX века с характеристикой произведений включенных сюда авторов.

Паго Тамбиев вошел в историю национальной культуры как один из крупнейших фольклористов, автор азбуки кабардинского языка. В издании «Паго Тамбиев. Избранные труды» (1984) содержится биография просветителя и впервые во всем объеме рассматривается его творчество, включая эпистолярное наследие.

В антологии «Деятели адыгской культуры дооктябрьского периода. Избранное» (1991) даны ранее неизвестные творческие биографии Темтеча Хаджимукова, Батыр-Бека Шарданова, Султана Довлет-Гирея и др. с оценкой их литературного наследия.

С изданием книги «Казы-Бек Ахметуков. Избранные произведения» (1993) увидели свет сочинения писателя, долгие годы бывшего под запретом из-за негативного отношения к нему В. Воровского (см. статью «В мире мерзости запустения. Русская белогвардейская лига убийц в Стокгольме») и А. Толстого (см. роман «Эмигранты»). В результате долголетних архивных поисков Хашхожевой удалось выявить документальные свидетельства, благодаря которым стало возможным реабилитировать писателя и тем самым решить сложнейшую проблему, стоявшую перед исследователями. В обширном предисловии к этому изданию разработана научная биография писателя, в которой впервые поэтапно рассмотрены его жизненный и творческий путь, проанализировано его многообразное литературное наследие.

В книге «Сефербий Сиюхов. Избранное» (1997), изданной в серии

«Кавказский литературно-исторический Олимп» (КЛИО; Нальчик: Эль-Фа) собраны не только печатные сочинения просветителя, но и рукописи из личного архива, сохраненного его родственниками. Воспроизведение жизненного и творческого пути С. Сиюхова сопровождается характеристикой его как талантливого публициста, историка, этнографа, фольклориста и литератора.

Р. Х. Хашхожева – автор двух монографий: «Адыгские просветители второй половины XIX – нач. XX вв.» (1983) и «Адыгские просветители XIX – нач. XX вв.» (1993). В них содержатся авторская концепция адыгского варианта просветительства и его периодизация; прослежены истоки и пути формирования просветительской идеологии; своеобразие просветительской литературы, прошедшей путь от синкретической к собственно художественной; определены ее социальное и идейно-тематическое содержание, жанрово-стилистические особенности.

Итоговым изданием об адыгских просветителях стала книга «Поиски и находки» (2000), в которую вошли избранные статьи Хашхожевой о жизни, общественно-политической и литературно-творческой деятельности Кази Атажукина, Хан-Гирея, Адиль-Гирея Кешева, Крым-Гирея Инатова, Паго Тамбиева, Батырбека Шарданова, Темтеча Хаджимукова, Султана Довлет-Гирея, Казы-Бека Ахметукова, Сефербия Сиюхова, а также работы, посвященные отдельным проблемам и вопросам просветительского наследия. В творческих портретах-персоналиях на фоне основных вех жизненного и творческого пути определено то новаторское, что внес каждый из просветителей в культуру своего народа. Закономерности становления и развития их творчества рассматриваются при этом как индивидуально неповторимые и в то же время как выражение общего процесса, свойственного российскому Просвещению. Отбор статей для этого издания построен по принципу наибольшей насыщенности архивными первоисточниками, обнаруженными и впервые пущенными в научный оборот самим автором. «Поиски и находки» – весомый вклад в адыгское литературоведение, который дает глубокое и объективное представление о национальном литературном процессе XIX – нач. XX вв. Выводы Р. Х. Хашхожевой об особенностях зарождения, идейно-художественного становления и развития просветительской литературы, творческие биографии ее представителей закладывают основы теории и истории адыгской литературы досоветского периода. Ее труды составили целое направление в адыгском литературоведении. Они позволили расширить хронологические рамки истории национальной литературы, которую из-за неизученности литературного процесса XIX – нач. XX вв. начинали с периода установления Советской власти.

Раиса Халифовна – автор книги «Черкешенки в истории» (1997), содержащей жизнеописания адыгских женщин, оставивших неизгладимый след в русской и зарубежной культуре. Основное внимание уделено трогательной судьбе Аиссе (Хайшат), оказавшейся во Франции времен Людовика XIV и Людовика XV, – блистательной придворной даме и классике французской эпистолярной литературы.

ДО И СЕЙЧАС

Среди ученых, которые посвятили свои труды истории общественной мысли адыгов XIX века, немало личностей по-настоящему ярких. Видимо, иначе и быть не могло: заниматься исследованием жизни и творчества столь замечательных сынов своего народа могли только люди незаурядные. В их числе были М. О. Косвен и Г. А. Кокиев, Г. Ф. Турчанинов и В. К. Гарданов. Несколько позже выросла целая плеяда специалистов на местах: Т. Х. Кумыков, Х. Х. Хапсироков, И. В. Тресков, Л. Г. Голубева, А. И. Алиев, А. Х. Хакуашев, З. М. Налоев, Р. У. Туганов и др. Каждый из них внес весомую лепту в дело изучения адыгского просветительства. И независимо от того, является ли он автором всего лишь нескольких серьезных статей или целых монографий, каждый достоин самого глубокого почтения.

Несмотря на это, специально не выпячивая фигуру юбиляра только по причине юбилея, есть основание хотя бы условно разделять историю изучения адыгского просветительства на период *до* прихода в эту область науки Р. Х. Хашхожевой и *после* появления ее работ.

Справедливость требует признать, что и в период *до*, и *после* были весьма значительные работы в данной области, созданные вне поля деятельности Раисы Хашхожевой. Но вряд ли можно считать случайностью то, что именно в период *после* того, как она включилась в активную деятельность по изучению просветительского движения, начался этап интенсивной систематизации и возвращения подлинно значительного духовного наследия современному обществу. На этом этапе получили широкую дорогу разработки проблем становления и развития профессиональной культуры и литературы у адыгов и в целом на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв.

Конечно, работа велась и прежде, но факт, что из всего богатого наследия адыгских просветителей широкой общественности были известны, прежде всего, труды Шоры Ногма, изданные впервые или переизданные, но ограниченным тиражом. Произведения же подавляющего большинства деятелей культуры XIX – начала XX вв. для рядового читателя были недоступны. Памятен случай, как в Майкопе собрались издать книгу С. Хан-Гирея. Но тут же нашлись недремлющие блюстители «идейной чистоты», которые усмотрели в личности выдающегося просветителя черты представителя «эксплуататорского класса». В результате издание не состоялось...

Одной из первых сей «классовый барьер» сумела преодолеть именно Р. Х. Хашхожева, издав в 1971 г. сборник избранных трудов князя Кази Атажукина с обстоятельной вводной статьей о его жизни и творчестве. Это был прорыв, после которого она выпустила в свет сочинение того же Хан-Гирея, Адиль-Гирея Кешева, Кази-Бека Ахметукова, П. Тамбиева, С. Сиюхова, а также сборники избранных трудов целого ряда писателей-просветителей, куда вошли произведения Султана Кази-Гирея,

Адиль-Гирея, Т. Кашежева, П. Коцева и др. Все это вошло в активный фонд национальной культуры, стало доступным не только отдельным исследователям, а и всей читательской общественности. Я не говорю о том, пыль скольких архивов Москвы, Ленинграда, Тбилиси и других городов пришлось потревожить и вдохнуть, чтобы собрать огромный материал. Не меньше труда было потрачено на теоретическое и даже политическое осмысление его.

Параллельно с изданием текстов велось и научное исследование. В этой области Р. Хашхожевой принадлежит неоспоримая заслуга в атрибуции многих произведений, которые ранее приписывались разным авторам. Ею были уточнены важные биографические сведения о целом ряде общественных деятелей, установлены подлинные имена авторов, писавших под псевдонимами. Особо следует отметить кропотливую и воистину детективную поисковую работу по идентификации Ахметукова-Хаджетлаше и воссозданию полной биографии этого удивительного человека.

Вот и получается, что *до* и *после* – это не просто до появления Р. Х. Хашхожевой как личности, а гораздо глубже: *до* и *после* начала систематического изучения адыгского и всего северокавказского просветительства как явления многозначно-литературного, историко-культурного, политического.

Есть проблемы житейские, есть социально значимые. Иногда наше отношение к человеку зависит от того, в каком ракурсе мы его оцениваем. В быту у каждого из нас есть свой характер, своя способность гармонизировать с окружением. Поэтому одни люди легко уживаются друг с другом, другие испытывают трудности, а третьи и вовсе не выносят присутствия нежелательных лиц. Но это в обиходе, в повседневности. Есть другие, более высокие критерии оценки человека – по результатам его труда, по его значимости для нас всех. И в этом плане никто не может не учитывать того, что Раиса Халифовна сделала для нашей науки, для культуры, для своего народа. Она одна из очень немногих мужественных людей, благодаря стараниям которых *нынче, сейчас* всякий желающий может без труда достать с полки с десятков книг, где напечатаны произведения деятелей национальной культуры XIX века, может прочитать о них целые монографии. В их числе и монографии самой Хашхожевой. Если время *до* – это когда такое было еще невозможно, то *после* – это не только время, когда духовные ценности возвращаются, но когда они получают широкое признание как важнейшие явления культуры адыгов, народов Кавказа и всей страны.

Светлана АЛХАСОВА

«Бесценные познания плоды...»

Кто-то из великих сказал, что ученый по преимуществу предназначен для общества: он, поскольку он ученый, больше, чем представитель какого-либо другого сословия, существует только благодаря обществу и для

общества... Свои знания, приобретенные для общества, ученый должен применять действительно для пользы общества; он должен привить людям чувство их истинных потребностей и познакомить их со средствами их удовлетворения. Эти слова в полной мере можно отнести к кабардинскому ученому, литературоведу, доктору филологических наук, профессору, заслуженному деятелю науки КБР Раисе Халифовне Хашхожевой. Свои лучшие годы, силы и энергию отдала она науке, достойно неся свое высокое предназначение ученого.

Более десяти лет Раиса Халифовна заведовала отделом литературы в Кабардино-Балкарском институте гуманитарных исследований. Пожалуй, это были самые лучшие годы в этом институте не только для меня, но и для всех остальных сотрудников отдела, где царила неподдельная, искренняя атмосфера взаимного уважения, деликатности, серьезного и очень заинтересованного отношения к своему делу. Она никогда не позволяла себе унижать, грубить, хамить своим сотрудникам, как это подчас делают другие. Раиса Халифовна всегда и во всем – и в работе, и в отношениях с коллегами – держала самую высокую планку, и, глядя на нее, мы старались подтянуться, лучше работать, лучше писать, лучше выглядеть, – как говорят военные: «застегивались на все пуговицы и вытягивались в струнку».

Помню, как под ее руководством писали большой биобиблиографический словарь «Писатели Кабардино-Балкарии» (а ведь идея создания такого словаря тоже принадлежала ей!).

Во время работы Раиса Халифовна ни на минуту не позволяла себе расслабиться, отвлечься на что-либо другое, не давала поблажки и нам. Каждый день она поочередно смотрела работы сотрудников отдела, внимательно их изучала, тут же редактировала, вносила правки. Без преувеличения скажу, работу каждого из нас тогда она правила не менее десяти раз, пока словарь «не дошел до кондиции»! Всегда ровная и доброжелательная, она не прощает несправедливого отношения не только к себе самой, но и к своим коллегам: бывало не раз, что она «билась» за правду, пока справедливость по отношению к коллеге не была восстановлена.

Более сорока лет занимается Раиса Халифовна любимым делом, вкладывая в него всю душу и сердце, посвятив этому всю сознательную жизнь. Но солидные цифры вовсе не соответствуют ее внешнему облику. Молодость души и внутренняя красота, высокая внутренняя культура делают ее бесконечно обаятельной. Раиса Халифовна никогда не сетует на жизнь, ее не увидишь озабоченной личными проблемами. Работа, занятия наукой – вот истинное ее преимущество.

Хочется закончить словами ее любимого автора, известного поэта Востока Саади: «Ученый без трудов – дерево без плодов». Плоды Р. Х. Хашхожевой – десятки книг, сотни статей, посвященных наследию адыгских просветителей XIX – начала XX веков, которые вошли в золотой фонд адыгской литературы.

*Ж 85-летию со дня рождения
Расула Гамзатова*

В сентябре этого года исполняется 85 лет со дня рождения Расула Гамзатовича Гамзатова. К славному юбилею готовятся не только земляки поэта, но и представители всех народов России.

Гамзатов родился в самом высокогорном ауле Дагестана – Цада, Хунзахского района. Его творческое наследие составляют восемь томов академических изданий стихов и прозы, среди которых книги «Белые журавли», «Мой Дагестан. Конституция горца», многочисленные литературно-критические статьи, а также выступления на международных конгрессах, научно-теоретических конференциях, сессиях Верховного Совета СССР и т.д. В истории художественной литературы прослеживается неизгладимый духовный след поэта. Читая его произведения, люди приобщаются к его душевной красоте, получают огромный нравственный заряд, восхищаются благородством, присущим всем кавказским народам.

Расул Гамзатов был гостеприимным и хлебосольным человеком, ценил друзей. В нашей республике помнят его и совсем еще молодым – в папахе и бурке читающим свои стихи; и – в черкеске, с кинжалом на поясе, с широкой улыбкой на лице, – танцующим лезгинку; и – статным патриархом в европейском костюме – в переполненных аудиториях...

Можно сказать, что книга «Мой Дагестан. Конституция горца» – это этногенетическая энциклопедия духовной культуры многонационального Дагестана. В ней поэт глубоко раскрыл уникальные черты менталитета горцев, ярко и убедительно отразил мужество, стойкость, сплоченность, щедрость души и гостеприимство народов Кавказа. А знаменитая песня Яна Френкеля на стихи Гамзатова «Журавли» стала своеобразным лейтмотивом времени, пройденном – в преодолении невзгод, в радости свершений – огромной страной.

Салих ЭФЕНДИЕВ,
доктор философских наук, профессор КБГУ

Расул Гамзатов и Кайсын Кулиев

К 70-летию Хамида Кажарова

Известный кабардинский поэт и литературовед Хамид Хатутович Кажаров родился 15 сентября 1938 года в сел. Кызбрун II Баксанского р-на КБР. В 1956 году окончил среднюю школу, в 1957-м – поступил в КБГУ на отделение «Кабардинский язык и литература». После завершения вуза был зачислен в аспирантуру. В 1967 году в Тбилиси состоялась защита диссертации

на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему: «Традиции и новаторство в кабардинской советской поэзии». В 1967 году начал преподавать в КБГУ на кафедре русской и зарубежной литературы. В настоящее время – доцент кафедры зарубежной литературы КБГУ.

Х. Т. Кажаров – член союза писателей и совета при правлении Союза писателей КБР. Часто выступает по радио, телевидению; печатается в газетах и журналах. Стихи начал писать в школьные годы. В 1973 году выходит первый сборник его стихов «Гъузгум и бгъуагъ» (Ширина дороги). «Какой должна быть ширина дороги?» – спрашивает автор и сам отвечает: такой же, как длина. Если длина ее опоясывает земной шар, то и ширина может быть такой же. В период стагнации (начало 70-х), когда творческая интеллигенция особенно остро почувствовала на себе идеологическое давление, Кажаров пишет стихотворение, в котором рефреном повторяется «Не знаю». Если нельзя сказать «нет», то надо найти в себе мужество просто сказать «не знаю» – это лучшее, что можно сделать, – такова суть стихотворения «ИстхъыкЫжаш сатыр пшыкІуз» (Зачеркнул я одиннадцать строк). Тема протеста, неконформизма в форме, единственно возможной для обычного человека, проходит через все творчество Хамида Кажарова. Но даже в самые беспросветные моменты поэт полон ожиданием весны. Интересна в связи с этим последовательность в названиях сборников: «Гъатхэпежьэ» (Ожидание весны. 1988), «Гъатхэм и гъэ» (Год весны. 1989), «Нобэ» (Сегодня. 1992), «Иджыпсту» (Сейчас. 1994).

Уже в первой книге Кажаров поднимает тему поэтического призвания. Стихотворение в прозе, посвященное Али Шагенцукову, – гимн бессмертию поэта: «Хотя люди погибли на войне // Поэт вернулся // Он живет сегодня // Будет жить завтра» («ШоджэнцЫкІу Алийрэ зманымрэ») – Али Шогенцуков и время) Стихотворение «Гъэгъам хъыджэбзыр хузгүфІаш» (Девушка любит цветком) – о вечности, нетленности поэтических образов, искусства. Очаровательная улыбка, адресованная девушкой цветку, схвачена поэтом, запечатлена в стихах. Ни девушки, ни цветка уже нет, а улыбка осталась. Этой же теме посвящено стихотворение «Пигмалионрэ Галатеярэ» (Пигмалион и Галатеея). Галатеея для поэта – образ вечной,

идеальной красоты. Человек к ней приближается вплотную, даже созидает ее сам, но постичь не может.

Поэзия Кажарова философична и глубока с самого начала. Образы, при всей их простоте и органичности, высвечиваются с разных, порой неожиданных ракурсов – и суть предмета меняется. Что важнее: лужица воды, в которой отражается луна, или сама луна? Что из них выше: луна или капля воды на земле с отраженной луной? За некоторыми маленькими поэтическими миниатюрами скрываются загадки Вселенной. Тайна, заключенная в хрупком цветке, непонятна пчеле: тайна, заключённая в пчеле, непонятна огромному дереву, тайна дерева непонятна ни цветку, ни пчеле. Они все в ожидании, что их поймет человек, и все зависит от того, как он поведет себя. (Травинка стоит, глядя из-под руки).

В 1978 году вышел второй сборник Х. Кажарова «Усищэрэ зырэ» (Сто одно стихотворение). Тема любви к своей земле у него распространяется на все временные пласты: прошлое, настоящее и будущее. «Что нужно оставить сыну в наследство?» – спрашивает автор в стихотворении «УщылэкIэ цеифI кьыхуумыгъанэ уи кьуэм» (Умирая, не оставляя сыну хорошую черкеску) и отвечает: только землю, добавляя при этом: но сумей оставить. За строчками читается: сумей оставить достойного сына, который смог бы оценить твою землю и все, что на ней. В балладе «Богатство рода» – поэтический фрагмент из военных будней адыгов. На поле боя один старик понимает, что еще немного – и последних воинов его народа уничтожат враги. Он принимает единственно правильное решение, обращаясь к небольшой группе молодых воинов: «Если хотите сохранить наш род – уходите в горы». Если бы не приказ старика, ни один воин не покинул бы поля сражения, для адыга это – позор. Но, как образно выразился поэт, всю ширину хабзэ (этикета) подняли вверх, чтобы он мог пройти в узкой теснине скал, поэтому конец хабзэ очутился на уровне горных вершин. С тех пор народ берет в расчет не только ширину, но и высоту этикета. Адыгам есть на что равняться: это снежные вершины Кавказских гор. Это тема для Кажарова – одна из магистральных. Сначала горец, равняясь на гору, поднимает голову так, что с нее падает шапка. Так, теряя и поднимая шапку, он все-таки смотрит наверх, и однажды она удерживается на его голове. Понятно, что человек вырос и стал вровень с вершиной.

Третий сборник «Гъатхэпежьэ» (Предвестники весны, или Ожидание весны), вышел в 1983 году. Почти весь цикл стихов посвящен родине: деду, родному дому, соотечественникам, соседям, матери, друзьям. В книге опубликованы поговорки, основанные на народном фольклоре.

В 1989 году выходит еще один сборник Кажарова «Гъатхэм и гъэ» (Год весны), который состоит из нескольких циклов стихотворений: «Весенний ветер», «Мои деревья», «Стихи в прозе». Кроме того, сюда же вошли сатира, юмор, поговорки. В 1992 году издается сборник стихов «Нобэ» (Сегодня), в которых преобладает светлая, оптимистическая тональность. Новым творческим этапом поэта является выход в свет сборника «Иджыпсту» (Сейчас. 1994). В книгу вошли циклы стихов «Не унывай, ты же мужчина», стихи в прозе, стихи для детей «Моя пестрая

лошадка». Впервые автором опубликованы почти все его баллады – жанр, который ему замечательно удается. В балладе «Уэредадэ» автор раскрывает свою поэтическую версию легендарного поединка адыгского воина Редады с пелуаном-богатырем. Редада воплощает нравственную красоту, благородство, поэт представляет его стройным красавцем (в отличие от исторического двойника). Соперник героя воплощает вселенское зло. В момент, когда Редада одержал победу, пелуан (великан) убивает его. После поединка старики поручают гегуако сложить песню. Певец всю ночь ищет сравнения для Редады, но все ненадежно: солнце, ветер, звезды непостоянны, изменчивы, наутро гегуако приходит к выводу: пусть высший подвиг народного героя отныне называют «Редада», потому что ему трудно найти достойное сравнение. С тех пор для адыга нет лучше похвалы, чем услышать: «Уэ – Редадэ», «Ты – Редада».

В 1998 году вышел новый сборник поэта «Усыгьэхэр» (Стихи), куда вошли избранные, а также стихи последних лет.

Х. Т. Кажаров успешно сочетает творческую деятельность с исследовательской работой по национальной литературе. Он – автор многочисленных литературоведческих и литературно-критических статей, посвященных отдельным проблемам развития кабардинской литературы и творчеству ее представителей.

Хамид КАЖАРОВ

СЛОВО

Слово – уже свет:
скажешь слово в ночи –
и на душе светло,
и ближе рассвет.

ОРАНЖЕВАЯ ЛОШАДЬ

Оранжевая лошадь
вам не станцует с ходу.
Создайте ей погоду:
сперва подайте воду,
потом ей спойте оду.

Оранжевая лошадь,
оранжевая лошадь...
Создали ей погоду,
подали дружно воду
и хором спели оду...

Не помогла погода,
и зря подали воду,
и даром пели оду:
оранжевая лошадь,
оранжевая лошадь,
оранжевая лошадь
ведь... не танцует сроду!

КАЗАНОВА В РОССИИ

Как хороша Лариса!
 Как хороша Алиса!
 Прекрасна и Светлана!
 И Анна! И Диана!

В саду, при лунном свете, –
 спеть серенаду Свете,
 Диане – без сомненья –
 рояль ко дню рожденья!
 Ларисе – диктофон!
 Анне – магнитофон!
 Алисе – саксофон!
 Я должен все успеть:
 и подарить, и спеть!

От Ларочки к Алисе,
 а от Алисы к Свете,
 к Диане от Светланы
 и от Светланы – к Анне.
 Их адреса не спутать,
 не спутать телефоны...

А комплименты – те же,
 что и во время оно...

Некстати – черт! – подагра:
 Алиса ждет под аркой!
 Уж что-то поясница...
 Нет, завтра прояснится!

Что – мне грозит инфаркт?
 Прогноз еще не факт!
 Я должен все успеть:
 и подарить, и спеть!

Как хороша Лариса!
 Как хороша Алиса!
 Прекрасна и Светлана!
 И Анна! И Диана!
 ...От Ларочки к Алисе,
 А от Алисы к Свете,
 К Диане от Светланы
 и от Светланы к Анне...
 А-а-ах!..

Говорят, луна не греет.
 Я не верю в это.
 Разве может с ней сравниться
 хоть одна планета:
 быть наперсницей влюбленных
 и... не раскалиться!
 Извините, бредни это,
 это – небылица!

ЛЮБОВЬ И СНЕГ

Да, есть много общего меж нами.
 Здесь назову лишь главное,
 И это – чистота.
 Но снег бывает и вторым,
 и даже третьим.
 А любовь –
 если это любовь –
 она всегда,
 она всегда
 первая.

ИСКУССТВО – ИГРА?

Искусство – игра?
Наверное, да.
Но такая игра –
подобие жизни,
что – в свою очередь –
подобна игре.
Но все-таки, все-таки –
что же такое искусство?
Это – вопрос,
остающийся без ответа
и ныне,
и присно,
и вовеки веков.

МОДА

Мода всегда –
одна суета:
и туда, и сюда...
Из того,
что надо,
ничего и никогда;
из того,
что нельзя, –
все и всегда!..

155-ЫЙ СОНЕТ ШЕКСПИРА

Не жалуясь. Я сделал все, что смог.
Другой, быть может, сделал бы и больше.
То ждет меня в веках – даю в залог;
Взамен прошу – не за себя, о Боже! –

Пусть канет в Лету автор мрачных пьес,
Пускай забудут «Гамлета! И «Лира» –
Невелика потеря: в этом мире
И без того достаточно словес.

Прошу за тех, что будут жить потом,
Чтоб люди помнили всегда о том,
Что власть – мираж, а золото – химера.
Внуши им, Боже, есть иная мера:

Жива земля и люди в мире есть,
Покуда правят Доброта и Честь.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ПОЭТ

Я и слышать не хочу про рифмы!
Они – как украшение для ног:
ведь нагишом на улицу не выйдешь,
в одних сверкающих сапогах!
Стихотворенье не проклятье, и не клятва,
и не эпитет высокопарный,
и не цветистый панегирик. Нет.
Утешить медом вон ту печальную женщину
и не пытайся!
Мать, чьи слова: «А сын мой не вернулся...» –
знает, что нет ей утешенья.
Ребенку, что проголодался, хлеба дай.
А если кто от жажды гибнет – не лакум здесь нужен!
Предельно точная наука есть на свете:
любой предмет, явление любое
имеют точное свое обозначенье.
И если ту науку ты постигнешь
так, чтоб ни на йоту не солгав, ни разу,
вернешь их точные названья
явлению каждому и каждому предмету,
так обозначишь их и только так,
«вода» про воду скажешь, боль
ты «болью» назовешь и «горем» – горе,
ложь – если даже очень трудно – «ложью» назовешь,
а правду – если это даже жизни стоит –
ты станешь правдой величать, –
вот с этого и начинается поэт.

**К вопросам биографии
адыгского просветителя Хан-Гирея
(1808–1842)**

(по материалам Краснодарского госархива)

Хан-Гирей – адыгский ученый и писатель первой половины XIX в. Подготовленная к 1836 г. работа «Записки о Черкесии» [1], оказалась первой монографией по истории и этнографии черкесов, но была издана только в послевоенное время. Опубликованные при его жизни в 1808–1842 гг. «Черкесские предания» [2] и «Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов» [3], а также изданные посмертно другие его произведения [4] дали русскому читателю первые достоверные, разносторонние и при том увлекательно изложенные сведения о горском быте и нравах. Однако позднее, в XX в., о нем как бы забыли.

Первым, кто в наше время, уже после Великой Отечественной войны, обратился к изучению жизни и деятельности Хан-Гирея, был известный ученый-кавказовед М. О. Косвен. По его мнению, произведения адыгского просветителя и в наше время остаются ценнейшими историческими и этнографическими источниками среди всего, что было написано об адыгах за все дореволюционное время [5. С. 206]. Знакомя читателей с образом жизни своего народа, выделяя его достоинства, он оставался объективным и не затушевывал отрицательные стороны горского быта [5. С. 202].

В настоящее время Хан-Гирей оценивается рядом адыгских ученых как неизмеримо крупная и выдающаяся фигура в общественно-политической жизни, науке и культуре, постоянно вызывающая к себе интерес. Несмотря на значительное число работ, ему посвященных, следует продолжить более целенаправленное исследование его биографии, жизнедеятельности, освещение его места в российской этнографической науке своего времени, его общественно-политической жизни, роли и места в русско-кавказских отношениях. Это важно с учетом оценки действий царских войск, нацеленных на геноцид адыгов и их изгнание с родных мест [6].

Султан Хан-Гирей родился в Адыгее, его отрочество и юность прошли в Екатеринодаре и близлежащих местах среди русских селений. Военную службу он начал в Черноморском казачьем войске (ЧКВ), проявлял храбрость и воинское умение. Приезжая позднее на Кавказ с поручениями императора, Хан-Гирей последовательно готовил предложения по мирному вхождению адыгов в состав России, по реорганизации адыгского общества, повышению благосостояния народа, развитию просвещения. Заботясь об адыгейском народе, нередко не получая должного внимания со стороны царской администрации, оставался преданным России. Ныне деятельность Хан-Гирея могла бы быть оценена как миротворческая.

Проведенные за последние десятилетия рядом ученых обстоятельные исследования жизни и творчества Хан-Гирея открыли неизвестные ранее страницы жизни просветителя, раскрыли новые грани его твор-

чества как писателя, фольклориста. В то же время многое из его яркой, но скоротечной жизни, оборвавшейся в тридцать четыре года, остается невыясненным.

О молодых годах просветителя писали по-разному. М. О. Косвен отметил, что отец Хан-Гирея Махмет (или Мамет) Крым-Гирей-Хан был убежденным сторонником России и в начале XIX в. под влиянием новороссийского генерал-губернатора герцога А. Ришелье перешел на сторону России и переселился на правый берег Кубани. За услуги России был награжден золотой медалью и золотой саблей. В 1816 г. турецкий султан предложил ему вернуться за Кубань и принять начальствование над всеми закубанскими народами, прислав ему заранее в Анапу дорогие подарки. Узнавший об этом новый генерал-губернатор А. Ф. Ланжерон ходатайствовал о награждении Махмет-Гирея чином войскового старшины с зачислением в Черноморское казачье войско. Указанное представление было утверждено Александром I 28 декабря 1816 г. [7].

М. О. Косвен отметил, что Хан-Гирей родился около 1808 г. и по старинному адыгскому обычаю воспитывался у одного шапсугского старшины, что не вызывает сомнений. Затем, ссылаясь на информацию петербургского литератора В. П. Бурнашева, М. О. Косвен указал, что по завещанию отца Хан-Гирей был отправлен к главнокомандующему на Кавказе А. П. Ермолову. Последний, обратив внимание на выдающиеся способности мальчика, позаботился о его воспитании и образовании. По утверждению М. О. Косвена, Хан-Гирей окончил в Петербурге кадетский корпус и вышел в офицеры. Затем участвовал в войне с Персией 1826–1828 гг., что подтверждается награждением его памятной медалью. Позднее в 1828–1829 гг. Хан-Гирей принял участие в войне с Турцией, во время которой состоял адъютантом у генералов А. С. Меншикова и В. А. Перовского, отличился и был произведен в поручики. По окончании войны он был переведен в Петербург с зачислением в лейб-гвардии Черноморский казачий эскадрон. Побывав в Черномории, предпринял действенную попытку склонить хамышейских владельцев к вхождению в состав России, которая, однако, не завершилась успехом. В начале 1830 г. Хан-Гирей перешел на службу в лейб-гвардии Кавказско-горский полускадрон, в составе которого в 1831 г., командуя небольшим отдельным отрядом, отличился в боевых действиях и был произведен в штабс-ротмистры. Под его начальством служили просветители Шора Ногмов, Казы-Гирей и младший брат Адиль-Гирей [5. С. 184–186].

В своей работе М. О. Косвен не подтвердил ссылками на источники награждение отца Хан-Гирея медалью и золотым оружием и не привел документального подтверждения направления Хан-Гирея по завещанию отца к А. П. Ермолову в Тифлис, его обучение в Петербургском кадетском корпусе с выходом сразу в офицеры.

В. П. Бурнашев, на которого ссылался М. О. Косвен, утверждал, что отец Хан-Гирея погиб в результате нападения враждебных абадзехов. Отец только успел передать «малютку» (сына) преданному нукеру с наставлением доставить его генералу А. П. Ермолову. Главнокомандующий заметил в мальчике способности и великолепный характер, занялся сирот-

той и «поручил его директору местной гимназии и сам наблюдал за его учением» [8. С. 37; 9. С. 11, 12].

После М. О. Косвена исследованием жизни и творчества Хан-Гирея многие годы занимались ученые Т. Х. Кумыков [10], В. К. Гарданов и Г. Х. Мамбетов [11], А. Х. Хакушев [12], Х. Х. Хапсироков [13], Р. Х. Хашхожева [14], Ш. Хут [16] и др. Все они брали за основу сведения В. П. Бурнашева и М. О. Косвена, делая некоторые отступления и внося свои варианты событий, как правило, не указывая источники. Например, что отец переселился с левого берега Кубани на правый еще в конце XIX в., что Хан-Гирей родился в Гривенском ауле, у отца был первенцем, учился в гимназии в Тифлисе, службу начал сразу в Черноморском эскадроне и т. п.

Между тем ни М. О. Косвен, ни другие исследователи не использовали работу кубанского историка П. П. Короленко «Горские поселенцы в Черномории», точнее главу «Магам-Черий Ханук» [17], хотя некоторые из исследователей с его работами были знакомы.

Возможно, это произошло потому, что распространенная в русских документах того времени фамилия «Ханук», т. е. сын Хана, вместо современного Султан-Гирей, не воспринималась как имеющая прямое отношение к предкам Хан-Гирея, что было и у автора настоящей статьи. К тому же П. П. Короленко указал, что Хан-Гирей дослужился до чина полковника и придворного звания флигель-адъютант, но ничего не говорил о нем как о писателе.

Только Р. Х. Хашхожева во вступительной статье к книге «Черкесские предания» [15] в 1989 г. впервые информировала читателей об указанной работе П. П. Короленко. Она же в работе «Некоторые спорные и неизвестные страницы биографии Хан-Гирея» в 1994 г. впервые подробно представила молодые годы просветителя с учетом большого различия в описаниях В. П. Бурнашева и П. П. Короленко [9. С. 7–23]. Ниже приводятся основные положения указанной работы Р. Х. Хашхожевой.

Проживавший у Павловского поста под Екатеринодаром войсковой старшина Ханук, писал П. П. Короленко, почувствовал близкое приближение смерти от болезней, испросил разрешение войсковых властей и переселился в свой родовой аул на левом берегу Кубани. Там 4 апреля 1821 г. он скончался [9. С. 9; 16. С. 83]. Затем и вдовая его Биче с детьми и крестьянами окончательно переселилась в левобережный аул мужа, а оставшееся на правом берегу имение было взято под присмотр войсковым начальством. Но вскоре объявился брат покойного Каплан-Гирей, который заявил претензии на имущество брата. Не добившись согласия Биче, он решил силой завладеть наследством и заполучить малолетнего наследника Хан-Гирея. Узнав об этом, командующий полками кордонной линии генерал-майор М. Г. Власов распорядился взять Хан-Гирея на правую сторону. Хан-Гирей был размещен сразу в ст. Пашковской, а позднее с людьми был поселен в Гривенском ауле. Получив первичное образование в Екатеринодарском училище, Хан-Гирей служил в Кавказско-горском полужэскадроне, завершил службу полковником и флигель-адъютантом [17. Л. 84].

П. П. Короленко сообщал и о братьях Хан-Гирея. Старший брат Шаган-Гирей проживал у аталыка на левом берегу Кубани. По достижении

совершеннолетия он с разрешения войскового начальства переселился в аул Гривенский и стал требовать от Хан-Гирея части отцовского наследства. Во время возникшей на этой почве вражды 1 мая 1826 г. два неизвестных черкеса ворвались в дом к Хан-Гирею и нанесли ему восемь кинжальных ран. П. П. Короленко предполагал, что это могла быть месть Шаган-Гирея за неуступчивость [17. С. 84, 85]. Позднее в Екатеринодар Хан-Гирею и его сестрам поступили 5000 руб., пожалованных царем отцу еще при его жизни.

Оценивая разночтение событий В. П. Бурнашевым и П. П. Короленко, которые автор назвал бы противоречием, особенно в части смерти отца просветителя, Р. Х. Хашхожева верит «больше» первому из них на том основании, что литератор получал сведения непосредственно от Хан-Гирея и его сослуживцев. К тому же В. П. Бурнашев утверждал, что свои «Из воспоминаний петербургского старожила» он писал на основе дневника, который вел почти с детства [9. С. 11]. Кроме того, по мнению Р. Х. Хашхожевой, П. П. Короленко мог допустить неточности, поскольку свою работу писал значительно позже В. П. Бурнашева и описываемых событий, поэтому ему следует верить «меньше». По мнению автора здесь не было учтено, что П. П. Короленко пользовался архивными документами, т. е. документальным источником информации. Конечно, жаль, что П. П. Короленко не указал время поселения отца Хан-Гирея на правом берегу Кубани, не объяснил, почему Хан-Гирей был признан наследником, а не его старший брат Шаган-Гирей, и не потому ли, что у них были разные матери. Думается, что в те годы не было удобного и надежного учета документов и нужные записи не попались ему на глаза или их вообще не было.

Р. Х. Хашхожева правильно отметила, что М. О. Косвен не указал источник сведений об учебе Хан-Гирея в петербургском кадетском корпусе. По этой причине она была в затруднении представить, как за короткое время Хан-Гирей мог окончить гимназию и кадетский корпус, но не подвергла такое положение сомнению. И это несмотря на то, что ее старательные поиски по литературе и архивам не дали результата [9. С. 13]. Так произошло потому, что ошибочно считалось, будто казачий чин полкового есаула – офицерский, а сотенный есаул не офицер, это урядник. В Черноморском казачьем войске буквально все начинали службу с чина казака и значительно реже с сотенного есаула. Примеров тому множество.

Несмотря на то, что Хан-Гирей родился и вырос на Кубани и начал службу в Черноморском войске, о чем уже говорилось выше, практически никто из ученых Краснодарского края и Адыгеи им не занимался. Но этой причине никто из исследователей просветителя не работал с материалами Краснодарского госархива, надеясь на безусловно богатые, но не всеобъемлющие архивы и библиотеки Москвы и Петербурга. Между тем оказалось, что такие материалы в ГАКК имеются.

Начнем с материалов родственника просветителя видного деятеля культуры Адыгеи Султана Довлет-Гирея, с его Доклада на имя верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича от 20 января 1915 г. с предложениями по использованию горцев Северного Кавказа в начавшейся войне с Турцией [17]. Это копия и такая же копия имеется в

архиве Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований (АРИГИ). Но в Майкопе к Докладу приложена биографическая запись Довлет-Гирея, проясняющая происхождение и родственные связи Хан-Гирея (в дальнейшем «Автобиография»). Согласно Автобиографии дальний предок Довлет-Гирея Ислам-Гирей поселился под Туапсе, а его внук Аслан-Гирей переместился на жительство на левобережье Кубани ближе к тому месту, где позднее был основан г. Екатеринодар. При штурме Анапы генералом Бибиковым (1789) он погиб. Согласно предсмертной воли Аслан-Гирея его сыновья – старший Магомет-Гирей и малолетний Каплан-Гирей – после взятия Анапы в 1791 г. генералом И. В. Гудовичем явились в его лагерь для принятия русского подданства. Позднее братья и их дети служили России. У Магомет-Гирея было четыре сына, и все они стали русскими офицерами. Старший Крым-Гирей в чине майора погиб под Эриванью в корпусе И. Ф. Паскевича. Второй сын Хан-Гирей был полковником и флигель-адъютантом, умер в 1842 г. Сагат-Гирей также был полковником и флигель-адъютантом, а самый младший Адиль-Гирей стал генерал-майором. Единственный сын Каплан-Гирея Сагат-Гирей стал отцом автора Автобиографии Довлет-Гирея [19], т. е. отец Довлет-Гирея и Хан-Гирей были двоюродными братьями. Многое из Автобиографии подтверждается документально, но совершенно нет никаких сведений о старшем брате Хан-Гирея, названного автором Автобиографии Крым-Гиреем, майором русских войск, погибшим под Эриванью.

Автор выражает глубокую признательность писателю Исаку Машбашу, любезно предоставившему ксерокопию биографической записи Султана Довлет-Гирея.

В документах Черноморского войска имя отца Хан-Гирея записывалось неодинаково, чередовались Мамет, Мамат, Мамам, Мехмет. От многих адыгов автор слышал, что все это – сокращенные синонимы одного имени, которое у западных адыгов звучит как Магомет. В Автобиографии отец просветителя назван Довлет-Гиреем, такое имя он носит в романе Исаха Машбаша «Хан-Гирей», таким написанием пользуется и автор.

Положение на кордонной линии по Кубани в 1820–1823 гг. характеризовалось совершавшимися набегами горцев на казачьи посты и селения, в чем не последнюю роль играли подстрекательские призывы из Стамбула и Анапы. На правобережье были часты ожесточенные стычки с взаимными потерями, из которых самым неудачным для нападавших черкесов было Калаусское сражение в ночь со 2 на 3 октября 1821 г. Назначенный в 1820 г. командующим кордонными войсками в Черномории генерал-майор М. Г. Власов ужесточал пограничный режим, нередко запрещая даже переговариваться через Кубань. С февраля 1822 г. он начал проводить походы в горы, сопровождавшиеся боевыми действиями [20. С. 231–240].

Кроме того, на кордонной линии действовали строжайшие карантинные правила, по которым совершенно исключалось свободное перемещение через реку. Любые прибывающие с левобережья лица, кроме участников походов, подлежали выдерживанию на карантинных заставах по 2 недели [42. Л. 23, 24]. Поэтому все встречи с закубанскими жителями

проводились обычно на меновых дворах при кратковременном, обычно однодневном пребывании.

Когда Магомет-Гирей переселился на правый берег Кубани? В 1804 г. Магомет-Гирей просил разрешения у войскового атамана Ф. Я. Бурсака поселиться на правобережье, место определялось на р. Кирпили в 60 верстах от границы. Но херсонский военный губернатор А. Г. Розенберг, которому подчинялось войско, соглашался определить жительство на Молочных водах в Северном Приазовье. В 1805 г. обстановка изменилась, и Магомет-Гирей решил остаться [21].

Несколько лет спустя в связи с усложнившимся положением для левобережных друзей России войсковое начальство стало разрешать селиться хуторами у кордонных постов отдельным закубанским владельцам. Таким образом мог появиться у Павловского поста вблизи ст. Пашковской и хутор Магомет-Гирея. В Гривенском же ауле, по мнению автора, в начале XIX в. больше селились отдельные черкесы, бежавшие по разным причинам с левобережья Кубани.

Магомет-Гирей пользовался уважением у новороссийского генерал-губернатора А. де Ришелье, сменившего А. Г. Розенберга. На запрос Ф. Я. Бурсака № 187 он 12 февраля 1813 г. наказывал «закубанскому владельцу Хануку» давать разрешение на пропуск товаров за Кубань, сверх того, на что Ф. Я. Бурсак уже дал согласие ранее [23]. Магомет-Гирей уже жил на правом берегу Кубани [30. Л. 31, 32].

Магомет-Гирей вел переписку непосредственно с генерал-губернатором А. Ф. Ланжероном. Черноморский войсковой атаман или его канцелярия выступали в роли посредников, переправляя запечатанные пакеты в аул Магомет-Гирея [42; 43].

М. О. Косвен писал, что отец Хан-Гирея получил от турецкого правительства предложение вернуться на левобережье Кубани и принять начальствование над проживающими там адыгскими племенами [5. С. 184]. Удалось выяснить, что сообщение об этом к А. Ф. Ланжерону могло поступить непосредственно от Магомет-Гирея [43]. Но сам текст письма Магомет-Гирея, как и другие его послания генерал-губернатору, пока не разыскан.

Отказ Магомет-Гирея от предложения турецкого правительства не прошел ему даром. Последовали письма анапского паши русским властям с требованием жестоко наказать отца Хан-Гирея. Более всего беспокоило турецкие власти покровительство Магомет-Гирея бежавшим от своих владельцев соплеменникам [44].

Теперь об обстоятельствах смерти Магомет-Гирея, отца просветителя. Начальник 1-й части пограничного кордона, войсковой полковник Ф. М. Коссович 31 марта 1821 г. сообщил командующему войсками на кордонной линии генерал-майору М. Г. Власову о необычной просьбе войскового старшины Ханука (Магомет-Гирея). Через живущего у него на хуторе сотенного есаула Брызгалова, используемого переводчиком, Магомет-Гирей извещал, что от давней болезни ожидает смерти с «часу на час». Заявил, что ему очень важно умереть и быть похороненным в его левобережном ауле. Пояснил, что это вызвано прежде всего тем, что по обычаю его приближенные обязательно будут стремиться участвовать

в похоронах. Может получиться так, что, узнав о смерти, они будут, не ожидая разрешения, самочинно переправляться на правую сторону Кубани вопреки строжайшим карантинным правилам. Настаивал, чтобы ему лично разрешили переправиться у Павловского поста, а членам семьи и крестьянам в обычном месте переправ. В уплату долга войсковой канцелярии он оставляет лошадиный табун (до ста конематок) и отару овец с людьми для присмотра [22. Л. 1]. Всего у него было крестьян мужчин и женщин 22.

Аналогичное по содержанию письмо Ф. Коссовича ушло в адрес войскового атамана Г. К. Матвеева [30. Л. 8].

На следующий же день М. Г. Власов о болезни Магомет-Гирея и его просьбе информировал войскового атамана полковника М. Г. Матвеева с предложением обеспечить сохранность имущества для выплаты долга, а с очередной почтой – генерал-лейтенанта А. А. Вельяминова. Сам он дать разрешение на переселение не мог.

Магомет-Гирей скончался в ночь с 4 на 5 апреля 1821 г. Теперь уже жена его Биче просила разрешения переправить тело для захоронения в левобережном ауле мужа и самой с двумя дочерьми отправиться туда для участия в погребении. Тело Магомет-Гирея было передано на левый берег у Павловского поста 6 апреля, однако имевшие разрешение на переезд жена и дочери им не воспользовались [22. Л. 8–10]. Долг Магомет-Гирея в войсковую казну составлял 5 тыс. руб., всего же с учетом полученных в кредит товаров 27 тыс. руб. [24. Л. 147; 27. Л. 186].

Вскоре командованию стали поступать сведения о намерении некоторых жителей хутора Магомет-Гирея тайно уйти за Кубань, разумеется, с имуществом. Г. К. Матвеев дал распоряжение: скот и лошадей, предназначенных к оплате долга в казну, а возможно и все принадлежащие Магомет-Гирею лично, отогнать на речку Кочеты к северо-востоку от Екатеринодара. Жизнь принял отставной сотник Михайло Шелест-Линчевский.

М. Шелест-Линчевский принял под свою охрану из имения Магомет-Гирея кобыл 92, стрижей 20, сеголетних 12, жеребцов 1, верлюдов 7, буйволов с телятами 17, бугаев 3, коров 8 [30. Л. 20].

Собственно, у Биче с детьми покойного мужа оставалось крупного рогатого скота 21, буйволов с телятами 20, лошадей с порослью 31, верблюдов с порослью 7, овец с козами 180 [30. Л. 71]. В июле 1821 г. вдова снова обратилась за разрешением на переезд вместе с детьми, подвластными дворянами и крестьянами.

По составленному на 10 июля 1821 г. перечню жителей хутора, подлежащих переселению, значились жена Биче, сын Крым-Черий, дочери Алимкосетан, Ханефи, Черихан, двое мальчиков, находившихся у покойного на воспитании, крестьяне, общим числом до 150 человек [22. Л. 70–73].

В документах Черноморского казачьего войска 1821–1826 гг. Хан-Гирей именуется как Крым-Черий, Крым-Черий Ханук, Крым-Черий Хан или упрощенно как сын умершего войскового старшины Ханука. Сомнений здесь нет, поскольку во многих случаях к имени Хан-Черий добавляется приписка «сын умершего войскового старшины Ханука».

Г. К. Матвеев не возражал отпустить Биче с семейством и имуществом

вом, но решительно воспротивился М. Г. Власов, увидев в этом имущественную потерю для войска.

К этому времени для командования выяснилось, что жена Магомет-Гирея, которая была матерью его детей, умерла ранее, и он женился вновь в 1820 г. на Биче, совместных детей у них не было [25. Л. 17]. Решение по Биче принял А. П. Ермолов, побывавший в Екатеринодаре. Согласно его резолюции от 30 октября 1821 г. Биче могла переселиться за Кубань и выйти вновь замуж. Но поскольку с умершим мужем она детей не имела, детей другого брака «с ней не отпущать». Уздени (дворяне) и другие подвластные Магомет-Гирея «должны остаться в принадлежность наследнику», и «как последний малолетен, то учредить над ним опеку (...) и его записать в войско». Доходы от имения предлагалось тратить на его обучение [22. Л. 88]. Хан-Гирей по имени не назывался, но на это время он единственный сын в семье, и он стал наследником. Но, возможно, на это было и устное завещание покойного отца.

Опекунами малолетнего Хан-Гирея и имения стали отставной полковой есаул Артем Косолап, полковой есаул Пшекуй Могуков и сотник Пантелеймон Журавель.

Артем Косолап был сторонником образования, его сын Сысой Косолап, будущий генерал, несколькими годами старше Хан-Гирея, отличался грамотностью и в чине сотенного есаула преуспевал по письменным делам в войсковой канцелярии. Внук же Петр Косолап стал профессиональным художником.

Пшекуй Могуков был храбрым и умелым воином, кроме того, знал восточные языки, быт, нравы и обычаи северокавказских горцев, мог бы стать прекрасным этнографом. Вполне возможно, что С. Косолап и П. Могуков были в числе первых, кто способствовал Хан-Гирею в его стремлении к учебе.

Биче в супружестве трех женщин с личным имуществом убыла за Кубань 12 декабря 1821 г. Спустя несколько дней переправились за Кубань жена и мать князя Аслан-Гирея Ганжукова, брата Биче, мулла Ислам и несколько дворян. По имеющимся сведениям, спустя год Биче умерла [30. Л. 44; 25. Л. 9 об.].

В декабре 1821 г. стали поступать новые сведения о намерении кубанских жителей напасть на хутор покойного Магомет-Гирея 26 апреля 1821 г. Ф. Коссович получил известие от своего разведчика о собравшейся многочисленной группе на Псекупсе с целью в наступающую ночь захватить сына умершего Ханука Крым-Черия (Хан-Гирея) и завладения имуществом [22. Л. 119, 124]. М. Г. Власов приказал Ф. Коссовичу усилить охрану аула у Павловского поста за счет своих разъездов и казаков близлежащих селений. Еще более тревожное сообщение М. Г. Власов получил в декабре 1821 г. Он направил из Екатеринодара 150 казаков под командой есаула Фоменко. Ночь для Хан-Гирея была, конечно, беспокойной, вряд ли он спал. Но нападения не было.

Как сообщил М. Г. Власов 29 декабря 1821 г. корпусному командиру, держать такие силы у Павловского поста для войска затруднительно. Поэтому он предложил Г. К. Матвееву удалить Хан-Гирея с его подвластными и имуществом в аул Гривенский. Но поскольку зимой это сделать сложно,

по его предложению Хан-Гирей с ближайшими своими соратниками был перемещен в станицу Пашковская [22. Л. 123].

М. Г. Власов периодически выяснял обстановку вокруг Хан-Гирея. 28 января 1822 г. он писал Г. К. Матвееву, что скот Ханука бродит вдоль Кубани и на охрану имущества Хан-Гирея занято 25 казаков, просил ускорить его переселение. Отметил, что не считает П. Могукова подходящим для назначения опекуном, т. к. он поступил нечестно с имением умершего в Гривенском полковника Али Шеретлу-Оглы [22. Л. 125].

3 июня 1822 г. имущество Хан-Гирея и крестьяне на 34 выделенных подводах были отправлены на «Ангелинский ерик», где зарождался аул Гривенский [22. Л. 169]. Там, в урочище Ангелинского ерика, в 1798–1799 гг. был поселен аулом Султан Шеретлу-Оглы [17. С. 78], позднее туда поселились П. Могуков, Гусаров, Бзядю (Бжассо) и другие черкесы, поступившие на русскую службу.

В самом конце августа 1822 г. М. Г. Власов был в Полтавском селении и специально посетил Хан-Гирея на новом месте жительства. Он был возмущен невниманием к нему Войсковой канцелярии. Хан-Гирей бедствовал, он и сестры помощи не получали. Более всего М. Г. Власова беспокоило то, что он не учился, молодые годы могли пройти безвозвратно, что отрицательно скажется на его будущем как офицера.* 2 сентября М. Г. Власов направил обстоятельное письмо Г. К. Матвееву, напомнив о требовании А. П. Ермолова выделить от войска опекунов, «людей благонадежных» [22. Л. 189].

На этот раз Г. К. Матвеев отреагировал быстро, уже 14 сентября Войсковая канцелярия доложила о принятых мерах, включавших особое напутствие А. Косолапу и другим должностным лицам. От войска выделялось по 100 руб. ежегодно Хан-Гирею на квартиру, питание и одежду [22. Л. 177].

В марте 1823 г. в Екатеринодар поступило письмо А. П. Ермолова, извещавшего о выделении императором крупного пособия. А. П. Ермолов писал, что «пожалованные войсковому старшине при жизни его 5 000 руб. всемиловнейше повелено обратить, согласно ходатайству моему, в пользу сына упомянутого Ханука...». Он поручил М. Г. Власову лично контролировать расходование средств [26. Л. 1]. Вполне возможно, что по инициативе М. Г. Власова А. П. Ермолов ходатайствовал перед царем. Именно по его настоянию войсковая канцелярия поручила опекунам выяснить самые необходимые расходы на улучшение положения Хан-Гирея. Сумма в 356 руб. снова по письму М. Г. Власова от 18 мая 1823 г.

* М. Г. Власов нашел, что у Хан-Гирея и сестер совершенно нет средств для приобретения одежды на зиму. Из-за отсутствия изгородей у них большие потери в хлебе и сене, Хан-Гирея изводят займодавцы отца из числа торговых армян, хотя имеются и должники отцу, возникают сложности с жителями соседних селений, имевших ранее на Ангелинском ерике хутора.

Вместе с Хан-Гиреем поселился бывший приказчик отца Авгам Агапов (Авгамов), дворянин, у которого возникли большие осложнения с собственными крестьянами.

Войсковая канцелярия наказывала А. Косолапу оказать Хан-Гирею помощь по затронутым М. Г. Власовым вопросам так, чтобы «Хан-Гирей с сестрами и люди его не имели никакой нужды». Эта фраза перекочевала в работу П. П. Короленко как уже выполненная. На самом деле отрочество Хан-Гирея в те годы было трудным.

была выдана опекунам заимообразно из средств ЧКВ, без оформления по «шнуровым книгам». Пособие в 5 000 руб. поступило в Екатеринодар только в сентябре, при том 500 руб. было изъято в пользу инвалидов и еще 45 руб. за пересылку.

По вопросу обучения Хан-Гирея обнаружено два важных документа. В упоминаемом выше письме Войсковой канцелярии от 14 сентября 1822 г. в отношении его учебы говорилось «...отдать в войсковое училище» [22. Л. 177 об.] (здесь и далее выделено автором). М. Г. Власов 14 апреля 1823 г. напоминал Г. К. Матвееву о принятом им совместно с Войсковой канцелярией решении обучать Хан-Гирея в «здешнем училище», т. е. местном, Екатеринодарском училище [27. Л. 210].

В том же документе от 14 сентября 1822 г. Войсковая канцелярия сообщала, что об обучении Хан-Гирея было особо сообщено «исправляющему должность директора войсковых училищ» [22. Л. 177 об.].

В Екатеринодаре тогда были Черноморская гимназия и Екатеринодарское училище, типа уездного. Их единым директором был Кирилл Россинский, известный на Кубани просветитель [28]. Шефство в обучении молодого Хан-Гирея известным ученым и поборником просвещения, безусловно, дало большой толчок в получении знаний Хан-Гирею, прежде всего в изучении русского языка и литературы. В документах Войсковой канцелярии гимназия и училище назывались «войсковыми» как принадлежащими войску.

О том, что Хан-Гирей не заканчивал гимназию, свидетельствует запись в его Конduitном списке как сотенного есаула Черноморского казачьего войска на 30 октября 1825 г. В этом документе указано, что Хан-Гирей из иностранных языков знает турецкий и черкесский, грамотен по-русски, но в графе «какие знания в науках имеет», отмечено «не имеет» [29], между тем лицом, оканчивающим гимназии, вписывался перечень наук (арифметика, история, артиллерия и т. п.).

Как вел себя Хан-Гирей после смерти отца, оставшись сиротой? Представляется, что он мужал и выросл, невзирая на свои 13–15 лет. Когда в апреле 1821 г. лошади и скот были отогнаны от Кубани к речке Кочеты, где не было водопоя нормальной водой, он 16 апреля 1821 г. едет к начальнику 1-й части кордона Ф. М. Косовичу с настоятельной просьбой разрешить поить скот в Кубани, как это было при отце. Прибыл с переводчиком, т. к. еще плохо или совсем не говорит по-русски [22. Л. 36, 39 об.]. Водопой для лошадей и скота был разрешен М. Г. Власовым позднее, когда у него появилась уверенность в сохранности имения [30. Л. 25].

В декабре 1821 и январе 1822 гг. с Хан-Гиреем, как с главой семьи, вел переговоры закубанский князь Мишеуст Айтеков по поводу сватовства его брата Шумафа Айтекова к сестре Хан-Гирея (второй дочери Магомет-Гирея). К этому времени самая старшая дочь Магомет-Гирея Мелек (Мелек-Султан) была уже замужем за известным в Адыгее князем Пшекуем Азеджаковым. Ее сын Сагат-Черий Азеджаков, 1819 г. р., по ходатайству Хан-Гирея был зачислен в Кавказско-горский полуэскадрон в 1841 г. Занимаясь хозяйством, Хан-Гирей обнаружил недостаток арб и плугов. С разрешения М. Г. Власова и Г. К. Матвеева он вел переговоры с дядей Каплан-Гиреем и с людьми из аула Дударукова, у которого на

воспитании находился его младший брат Сагат-Гирей [24. Л. 53, 119 об.; 27. Л. 59 об.].

Хан-Гирей, соблюдая обычаи своего народа, старался быть честным и справедливым. Так, несмотря на собственные материальные затруднения, он хлопотал и добился разрешения у войскового начальства переправить за Кубань дворянину Гаджелию 8 лошадей, взятых еще отцом при жизни. Это особенно важно для Хан-Гирея, т. к. его отец воспитывался у отца Гаджелия [32].

Сложными были отношения у Хан-Гирея со старшим братом Шаган-Гиреем (Шаган-Чиреем), 1805 г. р. По завещанию отца он должен был до полного совершеннолетия (19 лет, как у казаков) находиться на воспитании у князя Натюка за Кубанью. Левобережный аул отца более чем с 20-ю крестьянами отошел двоюродному брату отца, у Шаган-Гирея был только один дворянин и один крестьянин с семейством. Повзрослев, Шаган-Гирей стал добиваться разрешения переселиться к брату в аул Гривенский, чтобы по примеру отца служить России. А. П. Ермолов с недоверием отнесся к просьбе Шаган-Гирея, предполагая, что он намерен переселиться, чтобы пользоваться именем отца. Высказал предположение, что у братьев разные матери [25. Л. 1–3; 33. Л. 3, 4]. По поручению М. Г. Власова чиновник карантинной конторы Мазуренко установил, что мать у Шаган-Гирея и Хан-Гирея одна, корыстных побуждений не обнаружил. Тем не менее А. П. Ермолов, давая разрешение на переселение Шаган-Гирею, поручил М. Г. Власову «иметь за ним приличное наблюдение» [33. Л. 3, 4; 25. Л. 16–18]. Переселившись к брату, Шаган-Гирей стал помогать у Хан-Гирея части имения отца, а в 1824 г. он направлял жалобу в Войсковую канцелярию [25. Л. 22, 23], что привело к неприязни между ними, о чем писал П. П. Короленко. Нанесение Хан-Гирею ран неизвестными черкесами подтверждается архивными документами [34].

От Шаган-Гирея поступили интересные сведения о младших братьях Хан-Гирея, из которых Сагат-Гирей был на воспитании у дворянина Дударукова, а младший Адан (Адил-Гирей, будущий писатель) воспитывался у черкеса свободного сословия Абаза Сав [25. Л. 22].

Торжественный день у Хан-Гирея был 20 января 1825 г., когда он был зачислен сотенным есаулом в Черноморское казачье войско [35. Л. 129, 130 об.]. В этот день он впервые лично получил из «пожалованных» 40 руб. Рядом с ним в тот день был опекун и наставник, воин и покровитель адыгов, служивших России, есаул Пшекуй Могуков. М. О. Косвен считал П. Могукова настоящим автором этнографической работы, подготовленной капитаном генштаба Г. Новицким.

В сентябре 1826 г. на речке Кочеты наказной атаман Черноморского войска Ф. Сысоев формировал два конных полка 1-й и 4-й, которые готовили на войну с Персией. Пополнение из 6-го конного полка привел только что назначенный командиром этого полка полковой есаул Пшекуй Могуков. В числе желавших идти на войну были черкесы – сотенные есаулы Урус-бей Могуков, Чепон-Чирей Шеретлу-Оглу*, Крым-Чирей

* Чепон-Чирей Шеретлу-Оглу – сын полковника Султана Шеретлу-Оглу, первым с крестьянами поселившегося в 1788–1789 гг. на Ангелинском ерике, выросшего затем в аул Гривенский.

Хан и Шаган-Чирей Хан. В составе 1-го конного полка под командованием войскового полковника Василия Зенченко ушли только братья Хан-Гирей и Шаган-Гирей [36].

О том, что это Хан-Гирей и его брат свидетельствуют следующие документы. В формулярном списке полковника Хан-Гирея его полное имя записано как Крым Гирей Мамам Гиреев Хан Гирей. Указано, что в службу он вступил сотенным есаулом 20 января 1825 г.; в 1826 г. в 1-м конном полку выступил в поход против персидских войск [35. Л. 129, 130].

В списке сотенных есаулов 1-го конного полка на 1827 г. значатся:

Крым Черий Магам Черев Хан, 19 лет, из закубанских князей, в службе сотенным есаулом с 20 января 1825 г. С 19 сентября 1826 г. находится в 1-м конном полку в походе против персидских войск;

Шаган Черий Магам Черев Хан, 22 года, из закубанских князей, в службе сотенным есаулом с 22 января 1825 г. С 19 сентября 1826 г. находится в 1-м конном полку в походе против персидских войск [37].

Отметим сразу, что дальнейшие следы Шаган-Гирея выявить не удалось.

Военная служба Хан-Гирея проходила успешно. В составе 1-го конного полка он участвовал в зимнем походе генерала Мадатова через Аракс в Мешкинское и Карадагское ханства на территории современного Ирана. Весной 1827 г. был в походе от Шулавер под Тифлисом к Эчмиадзину в Армении.

1 мая 1827 г. Хан-Гирей становится ординарцем командующего авангардом в корпусе И. Ф. Паскевича генерал-лейтенанта К. Х. Бенкендорфа*, в прошлом дипломата, прославившегося как предводитель конницы в 1812–1814 гг. В составе передового отряда авангарда оба черноморских полка прославились у селений Синти и Шара у крепости Сардар-Абад в мае 1827 г., был там и Хан-Гирей. Он участвовал во многих других сражениях, неизменно проявляя храбрость и воинское умение. За отличие в бою у ручья Джеван-Булак под Нахичеванью он был награжден «Знаком отличия Военного ордена святого Георгия» под № 46270, т. е. солдатским Георгиевским крестом. 3 сентября 1827 г. за воинскую доблесть, проявленную в мае у крепости Сардар-Абад, ему присваивают первый офицерский чин хорунжего. В целом за кампанию он был награжден еще памятной серебряной медалью [35. Л. 131, 132, 134].

Вскоре после возвращения на родину в апреле 1828 г. Хан-Гирей в составе войск Черноморского казачьего войска выступил в поход против турок к крепости Анапа. 3 мая он стал адъютантом командующего десантными войсками генерала А. С. Меншикова, он принимает участие в боях и за отличия 19 июня 1828 г. его производят в сотники. После успешного штурма Анапы 12 июня 1828 г. Хан-Гирей вместе с А. С. Меншиковым на пароходе «Париж» отправляется к осажденной Варне, где пробыл около трех месяцев, также участвуя в сражении. В сентябре снова морем

* Константин Христофорович Бенкендорф был братом А. Х. Бенкендорфа, известного в истории как шеф жандармов. К. Х. Бенкендорф получил прекрасное образование, знал много европейских языков, служил дипломатом. В 1812 г. он добровольно пошел служить в армию, выдвинулся как предводитель конницы, был награжден двумя Георгиевскими крестами.

следует в Одессу, состоя адъютантом у генерала В. А. Перовского* [35. Л. 135–141].

18 октября 1828 г. сотник Хан-Гирей был зачислен в лейб-гвардии Казачий полк в его 7-й Черноморский эскадрон с переименованием в поручики. Наконец 13 января 1830 г. Хан-Гирея зачислили в Кавказско-горский полуэскадрон, в котором он служил затем постоянно [35. Л. 131].

Как офицер уже Кавказско-горского полуэскадрона Хан-Гирей в первой половине 1830 г. находился на Кавказе, состоя при фельдмаршале И. Ф. Паскевиче. Был награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» согласно приказу по отд. Кавказскому корпусу от 30 декабря 1830 г. № 188.

С учетом разных записей прохождения военной службы Хан-Гирею у некоторых авторов, ниже приводятся данные о ее прохождении им согласно Формулярному списку на 1 января 1838 г.

За отличия в боевых действиях в Польше Хан-Гирей 9 июля 1831 г. произведен в штабс-ротмистры, а 15 февраля 1832 г. награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом, а также был награжден польским и прусским боевыми орденами; 13 ноября 1832 г. был назначен командиром Кавказско-горского полуэскадрона; 2 июля 1833 г. произведен в ротмистры; 16 января 1836 г. за отличную усердную службу награждается орденом Св. Станислава 3-й степени; 1 января 1837 г. Хан-Гирей произведен в полковники; 18 апреля назначен флигель-адъютантом.

Несмотря на большой объем проделанной работы, не удалось найти материалов об обстоятельствах смерти Хан-Гирея и месте его захоронения. Установлено, что после его смерти его жена Джавичул Султан (Токай Султан) проживала в имении мужа в Гривенском ауле. С ней жил сын Мурад-Гирей, родившийся 12 сентября 1842 г., они получали пенсию в размере 500 руб. в год. Сын затем находился в Варшаве у дяди Адиль-Гирея, по ходатайству которого был зачислен в Пажеский корпус [38; 39]. Султан Адиль-Гирею было наделено 13 тыс. десятин земли, в том числе ему 5 000 десятин. И четырем племянникам по 2 тыс. каждому, в их числе чиновнику 14 класса Мурад-Гирею (сыну Хан-Гирея) [40].

Из приведенных в настоящей статье документов ГАКК следует, что отец Хан-Гирея переселился на правый берег Кубани не в конце XVIII в., а в период между 1806 и 1813 гг. Хан-Гирей родился не в Гривенском, а скорее в ауле Тлюстенхабле или на хуторе отца у Павловского поста. Определенно отец просветителя не был убит «враждебными абадзехами», а умер естественной смертью. В отличие от других братьев Хан-Гирей на день кончины отца был в родной семье, почему и был признан наследником. Возможно, отец завещал ему свое имущество, но решающим в получении выделенных императором 5 000 руб. было указание

* Наставником и старшим товарищем у Хан-Гирея в 1827–1828 гг. мог быть грамотный и подготовленный офицер Федор Иванович Орел. Он начал службу казаком в 1818 г., стал сотенным есаулом в 1820 г., хорунжим в 1824 г., сотником в 1827 г. Он, полковник и командир полка, в 1838 г. занимался письменными делами в Войсковой канцелярии, частично на кордоне у М. Г. Власова. Был в штабе у Ермолова, в 1827 г. старшим адъютантом у К. Х. Бенкендорфа, в 1828 г. старшим адъютантом в отрядах А. С. Меншикова и В. А. Перовского, с ними следовал на пароходе «Париж» в Варну и Одессу.

А. П. Ермолова. Рано став главой семьи, Хан-Гирей быстро мужал, проявлял самостоятельность. Вдова Магомет-Гирея Биче не была матерью Хан-Гирея и его братьев.

Хан-Гирей учился в Екатеринодарском уездном училище, во всяком случае, гимназию он не оканчивал. В Петербургском кадетском корпусе он не учился и вообще за время до поступления на военную службу за пределы Черноморья (земли Черноморского казачьего войска) он не выезжал*. Службу начал с неофицерского чина сотенного есаула (урядника) в 6-м полку Черноморского казачьего войска, в котором служил его опекун П. Могуков и другие черкесы.

Учителями Хан-Гирея были муллы в домах аталыка и отца, затем учителя в Екатеринодаре, в их числе просветитель Кирилл Россинский. Многие Хан-Гирей позаимствовал в штабах просвещенных генералов К. Х. Бенкендорфа, А. С. Меншикова, В. А. Перовского, И. Ф. Паскевича. Его самообразованию способствовали кроме природной одаренности и «великолепного характера», смелость и целеустремленность. На судьбу юного Хан-Гирея положительно влияли опекуны П. Могуков и А. Косолап, генералы А. П. Ермолов и, особенно, М. Г. Власов, войсковой атаман Г. К. Матвеев, некоторые офицеры войска, как, например, командиры полков В. Зенченко, Ф. М. Косович, старший адъютант Ф. И. Орлов, сын опекуна Сысой Косолап и другие.

Использованные материалы архивов и другая литература

1. «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем» впервые были обнаружены сотрудником ЦГВИА В. А. Дьковым / История СССР, 1958. № 5.
2. *Хан-Гирей*. Черкесские предания. Русский вестник, 1841. 4–5.
3. *Хан-Гирей*. Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов. Русский вестник, 1842. 1.
4. После смерти Хан-Гирея в дореволюционное время были изданы: Князь Касбулат, черкесское предание. Русский вестник, 1844. 10; Мифология кавказских племен. Кавказ, 1846. 35; Наезд Кунчука. Кавказ, 1846. II полугодие. Тифлис, 1847; Беслый Аббат. Кавказ, 1847. 42–47; Князь Пшской Аходягоко. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1893. 17
5. *Косвен М. О.* Адыгейский историк и этнограф Хан-Гирей. Этнография и история Кавказа. М., 1961.
6. *Хашхожева Р. Х., Готов А. М.* Предисловие к сборнику «Вопросы Кавказской филологии и истории». Вып. 2. Нальчик, 1994. С. 3, 5, 6.
7. РГВИА, ф. 395, оп. 2, д. 635, л. 1.
8. *Бурнашев В. П.* Из воспоминаний петербургского старожила. СПб., 1871.
9. *Хашхожева Р. Х.* Некоторые спорные и неизвестные страницы биографии Хан-Гирея. Вопросы Кавказской филологии и истории. Вып. 2. Нальчик, 1994.
10. *Кумыков Т. Х.* Хан-Гирей. Жизнь и деятельность. Нальчик, 1968.
11. *Хан-Гирей*. Черкесские предания. Вступительная статья и подготовка текста В. К. Гарданова и Г. Х. Мамбетова. Нальчик, 1978. С. 3–39.

* Приведенные в настоящей статье документы ГАКК прямо указывают на то, что в период 1821–1823 гг. он за пределы Черноморья не выезжал, основными местами его пребывания были Екатеринодар, ст. Пашковская и аул Гривенский. Нахождение там же в 1824 г. подтверждается расходом на его личные нужды средств в январе, мае и декабре 1824 г. [26. Л. 27]. А в январе 1825 г. он уже начал службу и участвовал в походах [35. Л. 129 об.].

12. *Хакуашев А. Х.* Адыгские просветители. Нальчик, 1978. С. 155–190.
13. *Хаспирокоев Х. Х.* Истоки черкесской литературы. Черкесск, 1973. С. 127–137.
14. *Хан-Гирей.* Избранные произведения. Вступительная статья и подготовка текста Р. Х. Хашхожевой. Нальчик, 1974. С. 3–19.
15. *Хан-Гирей.* Черкесские предания. Вступительная статья Р. Х. Хашхожевой. Нальчик, 1989. С. 9–12.
16. *Хут Ш.* Адыгские писатели – просветители XIX в. Шаги к рассвету. Краснодар, 1986. С. 7–11.
17. *Короленко П. П.* Горские поселенцы в Черномории. Известия ОЛИКО. Вып. 3. Екатеринодар, 1902.
18. «Доклад» Довлет-Гирея с некоторыми сокращениями опубликован в журнале «Голос минувшего». № 4. Краснодар, 1997. С. 52–54.
19. Архив Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований (АРИГИ). Фонд Наврузова. Т. 3.
20. *Шербина Ф. А.* История Кубанского казачьего войска. Т. 2. Екатеринодар, 1913.
21. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК), ф. 249, оп. 1, д. 447, л. 1–6.
22. ГАКК, ф. 261, оп. 1, д. 32.
23. ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 655, л. 1.
24. ГАКК, ф. 265, оп. 1, д. 130.
25. ГАКК, ф. 261, оп. 1, д. 74.
26. Там же, д. 144.
27. Там же, д. 128.
28. ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 886, л. 1.
29. ГАКК, ф. 250, оп. 2, д. 482, л. 29 об., 30 об.
30. ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 789.
31. ГАКК, ф. 261, оп. 1, д. 95, л. 9 об.–11.
32. ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 868, л. 64.
33. Там же, д. 836, л. 3, 4.
34. ГАКК, ф. 261, оп. 1, д. 227 (опись фонда).
35. ГАКК, ф. 332, оп. 1, д. 990.
36. ГАКК, ф. 261, оп. 1, д. 234, л. 11 об., 105 об., 213.
37. ГАКК, ф. 250, оп. 2, д. 541, л. 234 об., 235 об.
38. ГАКК, ф. 261, оп. 1, д. 1553, л. 1–4.
39. Там же, д. 1604, л. 2–30.
40. ГАКК, ф. 74, оп. 1, д. 504, л. 23 об.
41. ГАКК, ф. 261, оп. 1, д. 36.
42. ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 705, л. 1–4.
43. Там же, д. 770, л. 5, 5 об.; д. 775, л. 4, 4 об.

Николай ШИКОВ,
доктор филологических наук,
профессор Адыгейского государственного университета

Двадцать лет спустя, или Шаги к забвению

(Размышления по случаю двадцатилетия со дня смерти классика адыгской литературы Тембота Магометовича Керашева)

Метельно-снежный вечер декабря 1965 года... Зайнаб Ибрагимовна Керашева пригласила меня к Темботу Магометовичу Керашеву, который после знакомства с моей статьей «Шичепшин» («Скрипка»), опубликованной в газете «Социалистическэ Адыгеи», ныне «Адыгэ макъ», изъявил желание побеседовать со мной, молодым тогда исследователем его творчества. Я шел на эту встречу с тревожным чувством человека, ожидающего серьезную критику недочетов и неточностей авторской интерпретации, а что еще хуже, неверной оценки идеи, выраженной маститым писателем в одном лишь этнографическом рисунке, коих в его романе «Дорога к счастью» было великое множество. С трепетным чувством незрелого юноши, хотя к тому времени за моими плечами уже были и суровые годы службы на флоте, и работа в качестве секретаря райкома комсомола, я перешагнул порог квартиры на втором этаже дома в центре Майкопа. Меня сразу же поразила скромность убранства. Вокруг ничего лишнего, особенно в прихожей, а чуть дальше – кабинет писателя, заставленный стопами книг, различных журналов и огромное количество исписанных листов бумаги. В глаза сразу бросалось то, что листы частью были напе-

1977 г. Дни литературы Кабардино-Балкарии в Адыгее.
В центре – Тембот Керашев

чатаны на машинке, старенькой и неказистой, черного цвета, незаметно возвышавшейся над всем, что находилось в каком-то непонятном, на первый взгляд, беспорядке на столе (гораздо позже я убедился в том, что мое скоропалительное мнение было крайне ошибочным, так как каждый листик у Тембота Магометовича занимал изначально определенное место). Другие листы бумаги были исписаны чернилами, но даже невооруженным взглядом было видно, что почерки на них разительным образом были несхожи – одни листы были заполнены бисерно-мелкими буквами с непривычным для человека, пишущего правой рукой, уклоном в левую сторону (Тембот Магометович из-за жестокого физического недомогания освоил письмо левой рукой), а остальные были исписаны правильным каллиграфическим почерком, автором которого, как впоследствии выяснилось, была его верная спутница и сподвижница Зуза Исхаковна, долгие десятилетия записывавшая под диктовку тексты новых художественных произведений, постоянно поддерживавшая его и вынесшая с выдающимся писателем не один удар тяжелой судьбы, связанный то с искусственно созданной проблемой авторства (почти по М. А. Шолохову), то с необоснованными обвинениями в «зажиме» молодых творческих сил, то в «оторванности от реальной действительности и ее идеализации», да мало ли еще в чем могли обвинить завистники талантливого человека? Зависть многомерна и многолика. И так всю долгую жизнь, прожитую в ежедневном изнурительном труде, долгую жизнь, заполненную нечеловеческим преодолением не только ударов недоброжелателей, но и невыносимо тяжелого собственного недомогания. И все это даже при том, что он был обласкан и привечан властью поддерживающими и в России, и в крае, и в области, на некоторых встречах с руководителями которых и мне доводилось присутствовать. Но по прошествии уже многих лет я, человек уже умудренный определенным жизненным опытом, оценивая прошлое, не могу не прийти к парадоксальному выводу о том, что эти встречи с высоким начальством нужны были не столько Темботу Магометовичу, сколько самим руководителям, в то время крайне, на мой взгляд, нуждавшимся в прикосновении, а может быть, и в приобщении к славе выдающегося национального писателя, чей авторитет практически был недостижим даже для партийных и советских чиновников той эпохи. Ведь после выхода в свет исторических рассказов, повестей и романов адыгского писателя он стал пользоваться поистине всенародной любовью, к которой, видимо, были не прочь хоть как-то прикоснуться чиновники, или же хотя бы иметь, пусть и незначительное, но какое-то отношение. Впрочем, как и в наше время, почти что по Гоголю. И единственным исключением из всего этого на моей памяти был, пожалуй, Нух Асланчериевич Берзегов, бывший тогда первым секретарем Адыгейского обкома КПСС, искренне чтивший талант и творчество великого художника слова, дружески, но чаще любовно опекавший его и в минуты радости, и в невзгоды, и, несмотря на значительную разницу в возрасте, по-адыгски обращавшийся к нему на «ты» и называвший просто по имени – Тембот.

Прошли годы... Это были годы частых моих встреч с писателем, продолжавшихся более двадцати лет, во время которых мы много говорили о проблемах развития адыгских литератур – адыгейской, кабардинской, черкесской, – и меня всегда поражала осведомленность Тембота Магометовича не только о состоянии здоровья и творчества наиболее близких ему

по возрасту деятелей культуры и литературы – Хачима Теунова, Зарамука Кардангушева, Аскерби Шортанова, Алима Кешокова, Заура Налоева, но и молодых писателей, литературоведов и литературных критиков, с которыми я имел возможность познакомиться его во время их приездов в Адыгею – Хангери Бакова, Адама Гутова, Елену Губашиеву, Юрия Тхагазитова, ставших впоследствии известными учеными, докторами филологических наук, и безвременно ушедших из жизни черкесских ученых Михаила Мижаяева, Фуада Китова, да и многих других.

Тембот Магометович всегда интересовался молодыми творческими силами, искренне радовался их успехам и не менее искренне огорчался из-за их неудач. В связи с этим не могу не вспомнить один удивительный случай, связанный со становлением тогда еще довольно молодого адыгейского поэта, совсем недавно ушедшего из жизни уже именитым, признанным не только в Адыгее, но и во всей России драматургом, переводчиком, поэтом и прозаиком Нальбием Куёком, при вступлении которого в Союз писателей СССР из-за определенных конъюнктурных соображений некоторых чиновников из Адыгейской писательской организации в начале 70-х годов возникли, казалось бы, непреодолимые препятствия. Когда я начал разговор с Темботом Магометовичем на эту, остро волновавшую меня тему, то сразу понял, что он кем-то уже «подготовлен», и изначально не осознав всей конъюнктурщины и склочности искусственно созданной вокруг молодого тогда Нальбия Куёка ситуации, (сам-то он всегда был искренен и далек от всяких склок) был некоторыми «доброжелателями, горячо болевшими за будущее адыгейской литературы и не желавшими, чтобы в их рядах появился «диссидент», был введен в заблуждение. Как всегда, я честно сказал ему о том, что думаю по данному вопросу, попытавшись сразу же пояснить все, что мне было известно, и предложил Темботу Магометовичу самому сделать вывод о талантливости или бесталанности, идейной благонадежности (тогда это было обязательным условием при вступлении в Союз писателей) поэта, встретившись с Нальбием. Меня несколько не удивило, что он сразу же согласился с моим предложением. На следующий день я устроил их встречу – встречу маститого писателя, лауреата Государственной премии и практически еще не известного читателям молодого поэта, которая продолжалась в моем присутствии до глубокой ночи. Весь вечер был заполнен не только чтением новых стихов, но и разговорами, иногда довольно острыми и спорными, о дальнейших судьбах не только адыгских, но и всех национальных литератур страны. Для Нальбия Куёка эта встреча, став судьбоносной, завершилась неожиданно. Тембот Магометович уже привычным для меня жестом попросил взять со стола чистый лист бумаги и подать ему вместе с ручкой. А затем

Памятник Темботу Магометовичу Керашеву.

Скульптор: Лазарь Гадаев. г. Майкоп

здоровой рукой, тем самым убористым, с чуть заметным уклоном влево почерком, хотя это ему давалось не очень легко, тут же написал ему рекомендацию в Союз писателей. А это, как я уже отметил выше, уже решало судьбу молодого поэта положительно, так как авторитет великого адыгского писателя не только в Адыгейской писательской организации, но и среди большинства писателей всей страны был непререкаем.

Живой интерес к судьбам национальных литератур не покидал писателя никогда, даже в восьмидесятые годы прошлого столетия, когда его здоровье окончательно было подорвано бесконечной борьбой с тяжелым недугом, сопровождавшим его практически всю жизнь. Парализованный тяжелейшей болезнью еще молодым человеком, с 34-х лет, Тембот Магометович каждодневно совершал поистине человеческий и творческий подвиг, по сути, повторяя подвиг Николая Островского, с которым в молодые годы он встречался в Сочи и мужеством которого безмерно восхищался всегда. И кто знает, может, именно эта встреча чуть позже придавала уверенности и силы адыгскому писателю в его борьбе с превратностями судьбы, став путеводной звездой в его дальнейшей нелегкой жизни.

Но время неумолимо... Оно предъявляет свой суровый счет всему, всегда неожиданно подводя итоги и черту под всем живым. Ведь известно, что Всевышний отпускает определенный срок как великим, так и простым смертным... Для него все равны. Правда, в погоне за сиюминутной славой, за очередными званиями и регалиями, в погоне за обеспеченной и богатой жизнью некоторые при жизни забывают об этом, как и не задумываются о том следе, который останется после них в памяти людской. А жаль ...

8 февраля 1988 года в 4 часа утра в моей квартире раздался тревожно-требовательный телефонный звонок. Когда я, подбежав к телефону, схватил трубку, все мои мысли были сосредоточены лишь на моей матери, в то время тяжело болевшей. Но в трубке раздался глухой рыдающий голос, который я узнал с трудом. То был голос Зайнаб Ибрагимовны Керашевой, произнесшей всего несколько слов: «Николай, Тембота больше нет...». В ту роковую минуту я ожидал услышать все, кроме тех слов, что мне сообщила Зайнаб Ибрагимовна, так не верилось, так не хотелось верить во все это... Ведь за многие годы общения с великим писателем я ни разу не почувствовал хоть какой-то разницы в возрасте – так удивительно этот человек мог выстроить любую беседу, что меня никогда не оставляло ощущение разговора со своим сверстником, и мне всегда казалось, что ему отпущен огромный срок для того, чтобы он смог претворить в жизнь те грандиозные творческие планы и задумки, о которых говорил с юношеской горячностью, а иногда и с самоиронией. По молодости я тогда не понимал, да и не мог понять тот глубинный смысл, который он вкладывал в это легкое ироническое отношение к себе. Лишь один единственный раз он позволил себе заговорить со мной о смерти. Это было в минуту какого-то страдальчески-душевного состояния, а может даже порыва, вызванного несправедливыми упреками и замечаниями одного из местных литературных критиков, опубликованными в печати по поводу выхода в свет его нового романа «Состязание с мечтой». Тембот Магометович с мягким укором сказал: «Какой же он критик, если даже не понял, почему я свой роман в русском переводе назвал именно так, а не иначе». Меня удивило, что даже в эту тяжелейшую для него

минуту он не был способен на какую-то резкость, и, не изменяя своему многолетнему правилу всегда владеть собой, он лишь тихо продолжил: «Пусть делают, что хотят, после моей смерти. С мертвым бороться ведь легче. Но я не думаю, что и тогда они смогут одолеть меня». Горькая ирония, которая всегда была свойственна адыгскому писателю, но и не менее горькая правда. И это при том, что его произведения были изданы более чем трехмиллионным тиражом в ведущих издательствах не только нашей страны, но и десятка зарубежных стран, произведения, в которых он неустанно воспевал красоту и духовное богатство, высокие идеалы, моральные принципы и нравственную чистоту безгранично любимого им адыгского народа.

В эти дни, по прошествии двадцати лет со дня смерти Тембота Магометовича Керашева, я чаще, чем обычно, ловлю себя на мысли о том, насколько был мудр и дальновиден этот человек, который когда-то, несколько десятилетий назад, сказал пророческие слова о том, что память даже о титанах, ушедших из жизни, может выветриться легко из памяти, если периодически не возвращаться к их творениям по поводу той или иной даты. Безусловно, сегодня простые люди, поставленные в условия выживания, озабоченные решением ежедневных проблем, связанных с семьей, детьми, работой, могут и не вспомнить о том, что с нами рядом уже два десятилетия нет великого художника слова, положившего всю свою жизнь на алтарь духовного служения им. Но должны же быть люди, облеченные властью, люди, которые хотя бы в силу своих прямых должностных обязанностей не должны забывать о таких печальных, но бесконечно важных для человеческой духовности датах. Поразительно, но в связи с двадцатилетием со дня смерти Тембота Магометовича Керашева лишь в одной республиканской газете «Адыгэ макъ», организатором и одним из первых редакторов которой он был, появилась куца информация в несколько строк о проведении дежурного мероприятия в музее писателя, посвященного его памяти. И все. Ни одной статьи в периодической печати. А ведь исследуя творчество великого писателя, его художественный мир, концепцию национального характера, женские образы, становление различных жанров, да и многие другие проблемы, десятки литературоведов стали кандидатами и докторами и филологических, и социологических наук, настолько многомерно, настолько многопланово его наследие. Но это было необходимо им по жизни, так как с этим связано решение многих проблем личного, корыстного характера. Именно это я и называю конъюнктурой. Попутно хочется отметить, что в связи с двадцатилетием ухода от нас художника, не было ни собрания в Союзе писателей, ни одной передачи на радио и на телевидении Адыгеи, ни возложения цветов, скажем прямо, к неудачному памятнику писателя, с мемориального комплекса которого, к стыду власть предержащих, уже давно сваливаются мраморные плиты. Воистину мы превращаемся в Иванов, не помнящих родства... Но пусть «начальственные кабинеты», в которых просиживают драгоценное время равнодушные чиновники от власти и литературы никогда не забывают слова великого Расула Гамзатова: «В того, кто стреляет в прошлое из пистолета, будущее выстрелит из пушки»!

Прости нас, Тембот! Ты ведь всегда был великодушен...

ГЕНЕРАЛ ИЗ ХОЛАМА

Документальная повесть

1. Я шел к гордости гор

Стояла ранняя сухая осень 1965 года – жаркие дни второй жатвы, как окрестили уборку кукурузы. Все силы города и села были направлены на скорейшее завершение осенней страды. Тогда Кабардино-Балкария собирала самые богатые урожаи кукурузы в стране, обеспечивала многие регионы огромного Советского Союза семенами. Постепенно за ней закрепилось название «кукурузной республики».

Прости, дорогой читатель, за экскурс в недавнее прошлое. Мне кажется, без этого был бы неполным рассказ, который я собираюсь поведать тебе.

Редактор «Кабардино-Балкарской правды» Борис Петрович Черемисин был верен духу и букве своего времени. Четко придерживался линии обкома партии, органом которого являлась руководимая им газета. Так, сентябрьским утром редактор распределил нас по районам. Мне достался Баксанский, точнее – районное управление сельского хозяйства. Подписывая командировочное удостоверение, Черемисин поставил передо мной жесткие условия: «Все десять дней будешь находиться там. Разрешаю приезжать по вечерам домой, чтобы за ночь мог отписаться, а утром сдать материал на машинку».

Командировка проходила нормально. Я собрал факты для очередного номера газеты и уже шел к остановке. Не успел ступить на трассу, как в нескольких метрах от меня резко тормознула «Волга» коричневого цвета. Остановился и «Москвич», шедший за ней. Из машин вышли мои старые приятели. Они были одеты празднично, их лица сияли, настроение у всех было приподнятое. Я понял, что мои приятели собрались на какое-то торжество, и не ошибся.

Первым ко мне подошел редактор газеты «Коммунизмге жол» (ныне – «Заман») Сарби Маштаевич Черкесов. Пожимая мне руку, он радостно сообщил: «Едем к генералу Хакиму Деппуеву, который отдыхает в Кисловодске. Садись в машину. Ты же давно мечтаешь встретиться с ним...»

Предложение было заманчивым. Я много слышал и читал о первом армейском генерале из Кабардино-Балкарии Хакиме Деппуеве. И вот, наконец, я на пороге осуществления своей давнишней мечты. Через час-другой могу встретиться с прославленным танкистом! Так и хотелось без всяких разговоров сесть в машину и поехать. Но меня сдерживало то, что завтра утром я должен сдать материал в номер, который напишу этой ночью. А Сарби Маштаевич все настраивал на поездке: «Не упускай возможности повидаться с генералом. А статью напишешь после возвращения из Кисловодска. Мы же не собираемся ночевать там... А не успеешь в этот номер, она пойдет в следующий...»

В разговор вмешались молчавшие до сих пор журналисты-фронтовики Хасан Кудуев, Хамид Малкондуев, начальник Нальчикской телефонной станции Нух Гемуев, Аскерби Черкесов: «Едем! Опоздываем! Поехали!...»

Горячее желание встретиться с первым генералом республики и уговоры старших товарищей взяли верх над мучившим меня «если вдруг...»

Остановились мы у двухэтажного старинного особняка с любопытным названием «Храм коварства и любви». Старшие выбрали место в беседке, в тени деревьев. Уединились... А мне, как младшему, было велено поехать за генералом.

О цели своего приезда я сообщил дежурному санатория Министерства обороны СССР. Тот мгновенно удалился, сказав: «Подождите здесь...»

...Впервые имя Хакима я услышал весной 1956 года. После исторического XX съезда КПСС, разоблачившего культ личности Сталина, подул свежий ветер демократии. Облегченно задышали спецпереселенцы. По киргизскому радио прозвучали такие слова, как «балкарец», «карачаевец», «чеченец», «ингуш»... Слова, которые все годы ссылки кавказских народов не слышались в эфире, не встречались в газетах, журналах, книгах. А теперь временами по фрунзенскому радио передавалась музыка репрессированных народов. На карачаево-балкарском языке вышла книга с патриотическим названием «Жашауубузну байрагъы» («Знамя нашей жизни»)! Этот поэтический сборник был дорогим подарком для бесправных горцев Кавказа, которые со времени депортации не имели своего печатного издания на родном языке. Здесь я и прочитал стихотворение Кайсына Кулиева «Дивизияны командири Дешпуев Хакимни жыры» («Песня командира дивизии Хакима Дешпуева»).

Мы, пацаны-балкарцы, ходившие в киргизские и русские школы, из рук в руки передавали «Первую ласточку», как успели назвать изданную во Фрунзе (Бишкек) книгу на нашем языке. Скажу больше, мы, старшекласники, по вечерам, усевшись на траву, что росла по берегам арыка, организовывали громкие читки стихов карачаево-балкарских поэтов. А к «Песне командира Дешпуева» был особый подход. Исхак Гузеев, Хызыр Таукенов, Ахмадия Маммеев, Хамит Малкондуев, Камо Курманов, Жамал и Кемал Гузеевы, построившись в два ряда, маршировали под известную мелодию. Кто-то из мальчишек поочередно исполнял роль балкарского военачальника Хакима Дешпуева, ведя команду вдоль арыка: «Раз, два, три...»

Людям старших поколений те далекие картины из нашего детства на чужой земле покажутся смешными. Но что было, то было. Тогда все одинаково радовало нас, детей спецпереселенцев: и реабилитации наших родителей, и выход книги на родном языке, и популяризация видных национальных кадров... Ведь возвращение на землю предков, возрождение культуры и искусства моего народа началось с тех незабываемых дней и событий, о которых я напомнил вам!

Прошли десятилетия. Жизнь на исторической родине претерпела

Генерал Дешпуев
Хаким Сафарович

радостные перемены. Время, этот справедливый ценитель творческого труда, определило долгую жизнь стихотворения Кайсына. На прекрасные слова поэта Омар Отаров создал чудесную песню, вдохновенно исполнив ее. «Песня о командире дивизии Хакиме Дешпуеве» попала в «золотой фонд» республиканского радио.

Но, к сожалению, К. Кулиев не оставил нам русского варианта, что украсил бы рассказ о нашем легендарном генерале. Пусть простят меня русские читатели за то, что я вынужден включить в книгу слова «Песни» на родном языке:

Жигитлик бла игилик – бирди,
Сен – жигитлени биресе
Дивизияны аллында, кызыл
Байракъ тюрбюнде жюрюйсе.
Халкъ жырлар кибик, жыр этилирге
Хар адам болмайд тийишли,
Жыр игилени, жыр жигитлени
Болад дуняда юлюшю.
Игеледенсе, жигитледенсе,
Кьулдукъ этесе кьыралгъа,
Андан этеме ма бу жырымы
Мен ана тилинде санга.
Таймай бийикде тутуп келгенсе
Сюйген халкъынгы намысын.
Мен жырым бла иеме санга
Битеу халкъынгы алгышын.
Жолунг жигитликге элтсин дайым,
Хорлаугъа элте барсын,
Сени жолунга бир заманда да
Къара къанатлы къонмасын,
Сени жолунгу хар заманда да
Насыбны кюню жарытсын,
Жарыкъ болсунла кеченг, кюнюнг да,
Тангынг кьууанч бла атсын.
Сен – таулуланы бек игисисе,
Санга кьууана жашайбыз,
Сени емюрюнг узакъ болсун! – деп,
Биз жырыны алай бошайбыз.

Но вернемся к той волнующей встрече с Хакимом Дешпуевым в Кисловодске. Мы, никогда не видевшие друг друга, обнялись крепко, как старые друзья. Обнялись так, как обнимаются отец с сыном после долгой разлуки. Держа мою руку в своих теплых ладонях, генерал спросил:

– Как там Кайсын?

– Он – в зарубежной командировке, – ответил я.

Хаким Сафарович вопросительно посмотрел мне в глаза.

– Можно я приглашу на нашу встречу знакомого генерала?

– Поступайте так, как Вы считаете нужным, – вырвалось у меня, – ведь вы – виновник торжества...

Вскоре Дешпуев вернулся с мужчиной атлетического телосложения, которого под руку вела женщина высокого роста. Я догадался: «знакомый генерал» явился с супругой.

В непринужденной обстановке за обильным балкарским столом (на-

циональные блюда мы привезли с собой) произносились прекрасные тосты. Наконец слово взял «знакомый генерал». А когда он произнес тост, мы были ошеломлены: «Хаким Сафарович Деппуев – один из лучших моих генералов. Спасибо балкарскому народу, вырастившему такого сына, горячего патриота нашего Отечества!»

Мы удивленно переглянулись, поняв, что перед нами выступил крупный военачальник. Позже я узнал, что «знакомым генералом» оказался сам командующий войсками Туркестанского военного округа генерал-полковник Н. Лященко. Опережая события, напоминаю, что через два года после той встречи «знакомый генерал» поздравил своего заместителя с полувековым юбилеем Страны Советов и награждением его орденом Ленина. Это случилось 1 ноября 1967 года.

Знали, ценили, любили Х. С. Деппуева в аппарате Министерства обороны СССР, маршалы Советского Союза. Вот какую телеграмму направил в те праздничные дни в его адрес Маршал Советского Союза А. Гречко: «Хаким Сафарович! Сердечно поздравляю Вас с 50-летием Великой Октябрьской социалистической революции.

Желаю Вам доброго здоровья и дальнейшей плодотворной работы по укреплению Вооруженных Сил, на благо советского народа, во имя торжества коммунизма в нашей стране.

Министр обороны,

Маршал Советского Союза –

А. Гречко»

...Я вновь и вновь мысленно возвращаюсь к тому памяtnому дню, когда мы с Деппуевым смотрели футбол на Кисловодском стадионе. Он сидел справа от меня и время от времени спрашивал об интересовавших его делах в республике. Этот эрудированный, любознательный, рассудительный, не по-армейски мягкий, обаятельный человек как магнитом притягивал к себе. И я долго не мог сказать ему: «До свидания!»

Возвратился я в Нальчик полный впечатлений от встречи с генералом, в хорошем настроении. Несмотря на поздний час, сел за письменный стол. Писалось удивительно легко, быстро. Я успел – репортаж пошел в номер. Главное, его хвалили на планерке. А товарищ, знавший историю подготовки данного материала, сказал в шутку: «Это генерал помог написать тебе такую хорошую статью»...

Коллега был недалек от истины. Многие в творческой работе зависят от настроения пишущего. Это не раз испытывал на себе автор этих строк. Творческого вдохновения, полученного от бесед с умным, закаленным в боях армейским генералом, мне хватило надолго. Тогда-то я завел дневник, на обложке которого крупными буквами написал: «Хаким Деппуев». Сделал первую запись, изложив все, что сохранилось в моей голове от бесед с мудрым военачальником.

Через несколько лет я вновь встретился с генералом. Встреча состоялась на квартире Мурадина Холамханова, зятя Деппуева. Тогда заместитель командующего Среднеазиатским военным округом прибыл на побывку на несколько дней. Этот немолодой, занятый по горло армейскими делами генерал, находил время, чтобы проведать родню, побывать в милом его сердцу отчем крае. Ведь в столице Кабардино-Балкарии жили его сестры Налжан и Фатимат, жена Надежда Дмитриевна, дочь Надежда, сын Владимир, внуки, родственники и друзья, которых никогда не забывал

Хаким Сафарович. Городская коммунальная квартира Холамхановых позволила собрать лишь небольшую часть тех, кто хотел поздравить Деппуева с назначением его на высокий пост заместителя командующего военным округом. Два бывших фронтовика, парашютист Кайсын и танкист Хаким – известный всему миру поэт и крупный военачальник, были в центре внимания собравшихся. Я старался запоминать высказывания своих именитых земляков. Но мне не удалось взять интервью у генерала, отложили дело на «потом».

Наша третья встреча состоялась в Хасанье. За дружеским столом сидели самые видные люди моего народа: Кайсын Кулиев, тогдашний Председатель Президиума Верховного Совета Кабардино-Балкарии, поэт Максим Геттуев и министр внутренних дел республики Солтан Бабаев, другие. Разумеется, большие люди говорили о больших делах, проблемах, которые предстоит решить жителям Кабардино-Балкарии. Говорили они также о литературе и искусстве, об ушедших и живых героях родной земли. Словом, их интересовало все, чем жив настоящий горец-патриот.

2. Смотреть на мир добрыми глазами

Писать об ушедшем – не то, что создать образ человека, с которым ты постоянно общаешься. Но трудно – это не значит, что невозможно. Главное – показать героя наших гор таким, каким он остался в памяти соплеменников.

На моем пути встречаются трудности иного плана. Деппуев жил и совершал героические дела в советскую эпоху. Он был сыном своего времени. Сейчас происходит переоценка ценностей. То, что вчера было модным, сегодня считается устаревшим, даже ненужным, вредным. Понятия иногда превращаются в свою противоположность. Октябрьскую революцию считают ошибкой в истории России, тормозом цивилизации. Вождя мирового пролетариата Ленина сравнивают с бесноватым фюрером. Даже победу над фашизмом, которая стоила нам миллионов человеческих жизней, кое-кто признает ненужной. Не мало молодых людей, у которых хватает наглости заявлять с трудом передвигающемуся по улице ветерану войны: «Зачем ты воевал, батя? Не прогнал бы немца из России, мы бы сейчас баварское пиво пили».

Но мы, горцы, на историю своей республики должны смотреть добрыми, честными глазами. Скажите, вы, люди с короткой памятью, до революции в каком селении, ущелье были школы, клубы, больницы, интеллигенция? От сплошной безграмотности к всеобщему среднему образованию – таков пройденный нами путь за годы советской власти. Это факты, а они – упрямая вещь!

Но была и другая правда: в нашей стране допущено много ничем не оправданных, крупных ошибок, огромных жертв. И в этом повинны не страна, не все ее руководство, а отдельные чиновники в центре и на местах. Ведь в конечном счете все зависит от того, как каждый из нас относится к своим обязанностям. Например, за мои грехи должен отвечать я сам, а не коллектив или целая организация, где я работаю. Если мы все поймем, осознаем это, не будем делить общество на «красных» и «белых», на «своих» и «чужих», тогда придем к истине. Тогда востор-

жествует справедливость, к чему всегда стремились люди, за что лучшие сыны Отчизны не щадили своих жизней.

Нет, не напрасно лилась кровь на полях сражений в Отечественную войну! Наши отцы и деды за счастливое будущее своих детей не жалели и самое дорогое – жизнь.

Так воевал и Сафар Деппуев из Верхнего Холама, ушедший в бессмертие. И считать его жертвой революции, советской власти – это противоречит истине, оскорбляет память народного героя, извращает исторические факты.

Стоит ли в угоду моде извращать факты, переписывать историю нашего края?! Многие перерожденцы сегодня отрицают роль русской интеллигенции в обновлении жизни в горах. Но общеизвестно, что российские учителя проводили культурную революцию в отдаленных горных аулах. Учили грамоте детей чабанов, которые никогда не держали в руках книгу, не слышали таких слов, как «тетрадь», «ручка»... А теперь у нас – свои инженеры, академики, генералы, артисты, писатели... Радуюсь сказочному взлету культуры, мы должны помнить тех, кто помогал и помогает нам в возрождении отчего края. А он, помощник, друг – всегда рядом с нами. Имя ему – великий русский народ!

К счастью, большинство людей не мыслит жизни вне могущественной России. И действительно, без чарующего русского языка Кайсын Кулиев не был бы таким известным в мире поэтом, каким он стал. Без богатой русской литературы, без помощи русских друзей – переводчиков он не поднялся бы на ту высоту, куда он сумел взойти. На вершину, которая называется «Кайсын Кулиев», держат равнение многие поэты разных стран. Только через русский язык наш гений стал мировой величиной, покоря миллионы любителей поэзии.

Генерал любил стихи Кайсына, с нетерпением ждал его очередной книги. Еще бы! Хотя они родились в разных ущельях, холамец и чегемец были близкими родственниками. Недаром Кайсын, крепко обнимая Хакима, гордо говорил: «С приездом, мой брат!» Да, много общего было у этих настоящих горцев! Оба они выросли без отцов. Оба грудью заслоняли любимую Родину, когда на нас напал коварный, сильный враг. Они, эти высокообразованные балкарцы, одинаково высоко ценили русскую интеллигенцию. Были влюблены в литературу и искусство великого брата – русского народа. Кайсын и Хаким с благодарностью вспоминали своих учителей с Севера. Отважный воин с удовольствием подписался бы под Кайсыновскими стихами, адресованными учителю Борису Игнатьевичу:

Он шел с вдохновенным упорством,
Ни бурь не страшась, ни грозы,
Втолковывал маленьким горцам
Премудрости школьной азы.
И вновь довелось мне родиться
В тот солнечный день сентября,
Когда я сидел над страницей
Раскрытого им букваря.
Мне в сердце запали уроки,
Когда я впервые постиг
Зовущий, как мир, и широкий,

Чарующий русский язык.
И русских поэтов стихи я
Читал, задыхаясь от слез, –
Меня обступала Россия
Сплошным хороводом берез.
Сквозь годы, лишения, старость
Всегда мне маячит с тех пор
Мятежный, стремительный парус,
Летящий в бескрайний простор...
Учитель мой, добрый и милый!
Прости мне былые грехи.
Я вместо цветов на могилу
Принес тебе эти стихи...

У генерала Деппуева тоже был свой «Борис Игнатьевич». Только Хакимовский учитель представлял слабый пол и звали ее Марией Федоровной Бражниковой. К ее урокам он готовился с особым усердием, каждый раз радуя учительницу глубокими знаниями. Мария Федоровна не ограничивалась тем, что по русскому языку и литературе Деппуеву ставила высший балл. Она приводила его в пример другим ученикам. С помощью Бражниковой сын безграмотного, никогда не жившего рядом с русскими горца, полюбил особой любовью «чарующий язык» Пушкина и Толстого. Это способствовало успешному освоению других предметов. Только закадычный друг Нух Гемуев, который сидел за одной партией с Хакимом, мог соперничать с ним в учебе.

Хаким Сафарович и Нух Адилевич, рассказывая о своих проделках в детские годы, улыбались. Они, с ранних лет оставшиеся без отцов, были предоставлены самим себе, долго привыкали к порядкам в Ленинском учебном городке. Плохо слушались воспитателей, учителей. Иногда пропускали занятия, слабо готовились к урокам. Бывали случаи, когда мальчишки уходили к родственникам в отдаленные горные селения. Немало трудов стоило воспитателям возвращение беженцев в учебное заведение.

Хаким обычно уходил в свой далекий Верхний Холам, где еще теплился очаг в дедовской сакле. Он был расположен высоко в горах. Здесь свободно гуляли горные ветры, стелились над аулом голубые дымки очагов. Тут небо – синее, а вершины гор «одеты в башлыки снегов». Здесь, в заоблачном ауле, сакли прижаты к саклям. Хаким ходил по узким, каменистым улицам аула, где он родился и в который был влюблен сыновней любовью. Потом он становился на отцовскую саклю с земляной крышей, на которой ветер колыхал траву, взглядом провожал безмятежно плывущие по бескрайнему небу белые облака. В такие минуты мальчик мечтал о будущем. О чем? Об остром кинжале, лихом коне, и конечно о чернобровой горянке-красавице.

А пока Хаким с мальчишками лазал по садам Холама. Стоило мужчине в войлочном колпаке исчезнуть за высокой каменной оградой, как на деревья миглом вскарабкивалась стайка мальчишек. Как-то раз Хакиму не повезло. Ведь никогда всего не предусмотреть: только он собрался прыгнуть с дерева, как ветка с треском проколола его штанину. Мальчишка повис на яблоне, болтая руками и ногами.

– Хаким! – кричали ребята. – Скорее!

Впрочем, торопить его было не нужно: внизу раздался крик садовни-

ка. Хаким начал отчаянно загребать воздух руками, отталкиваться от ограды ногами. В конце концов он шлепнулся на землю, больно ударившись о камень. Но не смог потерять ушибленное место: вдоль каменной стены бежал садовник. Он быстро вскочил на ноги, успев схватить упавший колпак, и с кошачьей прытью скрылся за поворотом.

...С тех пор как Хаким остался без отца, он не имел постоянного местожительства: мальчика забирали к себе в Верхний Холам то Деппугеуы, то он жил у тети Балдан в Безенги. А соскучившись по матери и сестренкам, бежал вниз по горной каменистой дороге в сторону Хасаньи, куда недавно переехала их семья. Ему предстояло преодолеть длинную трудную дорогу, многие участки ее проходили через лес, где водились волки и другие хищные звери. Поэтому тети и дяди боялись отпускать племянника одного. Но попробуй удержать сына, если он сильно соскучился по матери!

Рассказывают, что в Безенги был такой случай. Рано утром, когда Хаким еще спал, его одежду и обувь тетя Балдан спрятала. Решила так: «Босиком далеко не уйдет! Вернется домой».

А он не вернулся и далеко ушел. На дворе – еще начало марта, холодно, а Хаким – босой. Где – пешком, где на попутной арбе, добрался до Хасаньи. Тут с нетерпением ждали его самые близкие люди на свете – мать Хаби, сестры Налжан и Фатимат.

Но тетю Балдан Хаким любил не меньше родной матери. С ранних лет он помнил ее добрые руки, ее голос, ее игры с ним. И позже, когда Хаким стал взрослым, тетя, как только могла, скрашивала жизнь племянника, продолжателя рода Деппугеуых. Таковую же заботу она проявляла о Налжан и Фатимат. Трое взрослых сыновей Балдан также никогда не оставляли без внимания и помощи детей Хаби. Именно благодаря стараниям этих крепких парней из рода Гошаевых Хаким, Налжан и Фатимат стали достойными людьми, заслужили уважение и авторитет в обществе.

Долгими зимними вечерами дяди и тети посвящали Хакима в добрые обычаи горцев, рассказывали о хороших, чутких людях. Мальчик восхищался поступками простых, бесхитростных земляков, всегда готовых помочь ближнему. Ему самому хотелось походить на них. У горцев истари сложилось так, что родню почитали особо. Чуть ли не превыше всего ставили это. Сам сгори, а родича из огня вытащи. Дрожи от холода, а свой тулуп, если нужно, родичу отдай...

Все это нравилось маленькому Хакиму, и потом стало правилом жизни для него. Но, бесконечно любя родных, близких ему людей, окружая их вниманием и заботой, Хаким не отказывал в помощи всем, кто в этом нуждался.

Эти качества – делать людям добро, защищать интересы слабых – перешли к нему от отца – Сафара Сокуровича. Все это Хаким впитал с материнским молоком. Он всегда стоял на защите слабых, обездоленных, интересы окружающих, общества ставил выше личных.

3. «Тамада, как помню себя...»

В ясную погоду аульские мальчишки почти весь день пропадали на берегу бурной речки, богатой «царской рыбой» – форелью. Они не жалели времени ради той счастливой минуты, когда рыбак вытаскивает

из воды на крючке живую форель с золотыми точками на боках. Ради той радости, которую не передать словами и не описать на бумаге. Правда, рыба клевала не всегда, и мальчишки часто возвращались домой без улова, грустными. Но следующим утром они забывали о вчерашней неудаче и вновь отправлялись на рыбалку. И так изо дня в день...

А Хаким не относился к заядлым рыбакам. Его к реке приводили простое мальчишеское любопытство, привязанность к товарищам, желание ни в чем не отставать от них. Совсем другое дело – лошади! Хаким с визгом носился по горным дорогам на полудиких скакунах.

Как давно это было! Как было это недавно!.. Благодарный Хаким вспоминал: «Земляки окружили меня лаской и заботой. Но все же без отца пришлось трудно. Как не хватало в моей жизни его сильной руки!»

Дяди учили племянника-сироту беречь и приумножать семейные традиции, гордиться тем, чем был известен род Деппуевых. Старшие говорили: «У бедного крестьянина и теленок сойдет за быка». И сирота Хаким рано начал трудиться. В свободное от школьных занятий время он пас коров, овец, привозил дрова, летом косил сено, – словом, без дела не сидел. Ведь на него, как на старшего из детей в семье Деппуевых и единственного представителя сильного пола, были возложены обязанности тамады. Таков горский обычай. При этом не учитываются ни возраст мужчины, ни его возможности. Велено быть тебе тамадой в своем доме – значит, выполняй свой почетный долг, чего бы это ни стоило. Этому неписанному, строгому, но справедливому закону предков был верен Хаким, проявляя настоящую заботу о других членах семьи – матери Хаби, сестрах Налжан и Фатимат. Но, приняв на свои хрупкие плечи тяжелую ношу, мальчишка не хныкал, не искал легких путей в жизни.

Хотя люди жили под одним небом, дышали одним воздухом, пили воду из одних источников, счастье улыбалось не всем. В Холаме, как и в других ущельях, общество делилось на богатых и бедных. Основоположник балкарской литературы Кязим Мечиев писал:

В аулы к нам беда легко находит путь –
Хоть заблудилась бы в горах когда-нибудь!
А счастья, как ни ждем, все нет, запропастилось!
Как видно, где-нибудь в теснине заблудилось!

Сомневаться в объективности поэта-мудреца не приходится: все боли земляков проходили через его большое, чуткое сердце. Он жил жизнью родного народа, делил с ним поровну его радости и беды. Кязим не остался в стороне от всенародной борьбы, когда пришел Октябрь. Он благословил на гражданскую войну своего сына Мухамеда. Сын до конца выполнил данную отцу клятву, пал смертью храбрых за счастье обездоленных.

Подвигу Мухамеда поэт посвятил свое стихотворение «Сыну», ставшее потом любимой песней народа. Но Мечиев не просто оплакивал гибель сына-героя, он поднялся выше личного горя и призвал молодых джигитов на борьбу с врагом. Призыв народного поэта из затерянного в горах аула Шики нашел горячий отклик в сердцах жителей гор.

В защиту обездоленных встали и три сына Сокура Деппуева: Сафар, Хаматгери и Аслангери. Братья сражались против банд Даутокова-Серебрякова. Они громили белоказаков. Хаматгери и Аслангери прошли длин-

ный, трудный путь борьбы, праздновали победу Октября. Правда, они не получили от нового строя того, за что воевали. Но к этому вопросу мы еще вернемся, а пока остановимся на старшем из братьев Деппуевых – Сафаре. Революционный путь да и сама его жизнь оказались короткими, но он стал яркой звездой в истории родного края. Сафар попал в руки белогвардейцев и долго подвергался нечеловеческим пыткам. От него требовали отречься от революционной борьбы и перейти на сторону белоказаков. Не добившись своего, враги казнили борца за народное счастье Сафара Сокуровича Деппуева.

Хаким не ронял фамильной чести, гордился своей родословной, восхищался мужеством братьев отца.

...В это время Хаби родила третьего ребенка, дочь Фатимат. Согласно обычаям, она находилась в родильском доме, в Безенги. Шел второй месяц, но Деппуевы за ними почему-то не приезжали. А о том, что ее любимого Сафара уже нет в живых, она не знала, конечно.

...Весть о появлении в Безенги белогвардейцев, как выстрел в горах, распространилась мгновенно. Незваные гости ходили по дворам. Пришли они и к сакле Беппи Бачиева. Без стука и приглашения бандиты вошли к ним во двор. Белогвардейский офицер крикнул: «Выходи, красная сволочь!..»

Открылась дверь сакли, и показалась растерянная женщина с младенцем в руках. Она робко зашагала в сторону незваных гостей. Офицер вырвал из материнских объятий сосущего грудь ребенка. Высоко подняв над головой девочку, перекинул ее через забор в густо росшую крапиву. На плач малышки прибежали соседи и подобрали ее. А белогвардеец все не унимался: «Щенят топят, пока у них не открылись глаза! Дети красного партизана должны последовать за отцом, в мир иной! – Затем, схватив за длинные черные косы Хаби, а это была мать Хакима, – он кричал во весь голос: – Если хочешь жить, то укажи местонахождение остальных детей!..»

Хаби изо всех сил толкнула от себя зарвавшегося наглеца, стараясь освободиться. Тут прибежали молодые, крепкие мужчины, и офицер отпустил свою жертву. Кто знает, может, он побоялся возмущения аульчан или у него совесть, наконец, заговорила...

4. Хаким – многознающий

Воспитанники ЛУГа Хаким Сафарович Деппуев и Нух Адилевич Гемуев не виделись целых тридцать пять лет. Волей судьбы расстались парнишками, а встретились, когда уже разменяли шестой десяток. Но сквозь годы и расстояния, через суровые испытания они пронесли и сохранили верность мужской дружбе, которая зародилась в стенах Ленинского учебного городка в далеких двадцатых годах. К этой памятной встрече друзья шли долго, смело шагая по дорогам нелегкой жизни. Смело, значит, уверенно шли туда, куда их направляла Отчизна, успешно преодолевая все препятствия на длинном и тернистом пути.

Хаким Деппуев с первых дней Великой Отечественной сражался с гитлеровцами. Праздновал победу в поверженном Берлине. Он свою жизнь навсегда связал с армией. Зорко стоял на страже завоеваний народа, воспитал несколько поколений защитников Отечества.

А Нух Гемуев находился далеко от фронта, на севере страны, но выполнял очень нужную для победы работу. Он на совесть делал свое

дело и в мирное время. Инженер-связист Гемуев был награжден Почетной грамотой Верховного Совета Коми АССР.

Друзьям было что вспомнить.

– Помнишь, Нух, как мы с тобой учили читать и писать безграмотных в Хасанье?! – обращается к другу Хаким Сафарович.

– Такое не забывается, Хаким, – говорит Гемуев, – а ты не забыл, как во время летних каникул мы ездили в Москву? Зачинщиком той поездки был, конечно ты...

...В двадцать четвертом году в Нальчике открыли городок знаний, который назвали Ленинским. Когда умудренный жизнью седой генерал рассказывал о нем, голос у него срывался, глаза становились влажными. И это была не слабость человека, за спиной которого битвы, смерть и радость побед... Он имел право быть переполненным чувствами. Деппуев не мог забыть, как его маленьким мальчиком привезли в Нальчик и определили в коммуну. Туда детей-сирот принимали в первую очередь. Всю заботу о воспитании и обучении маленьких коммунаров страна брала на себя. Здесь дети учили азбуку, писали, пели песни... Но все это было сопряжено с большими трудностями. Был голод. Но от скудных пайков взрослые урывали лучшее для детей-коммунаров. Несмотря на бедность, нашлись средства и Хакиму, как и другим ребятам, ему сшили пальто и костюм. Не было бумаги, писали на грифельных досках. Не было учителей – их прислала Россия.

У Хакима было много настоящих, искренних друзей, с которыми трудно было разлучить его. Но он иногда куда-то исчезал, долго не показывался. Но потом все же раскрыли тайну Хакима... Среди зеленых деревьев в городском парке стоит памятник. На мраморной доске высечены имена героев Гражданской войны, расстрелянных шкурковскими палачами. Возле памятника часто можно было видеть черноголового подростка. Он подолгу простаивал здесь, бесцельно повторяя про себя имя своего отца Сафара Деппуева. Когда убили его, Хакиму было всего пять лет. Он почти не помнил отца, но любил его и гордился им.

Мальчик стоял у памятника, и в маленьком сердце его разгорался неугасимый огонь ненависти к убийцам. Высокое солнце накаляло камни. Горячий воздух зыбко дрожал и струился над памятником, и Хакиму казалось, что это – дыхание отца...

Шли годы. Хаким сделался рослым, плечистым, красивым. «Весь в отца», – говорили старики, любуясь сыном Сафара. Да, в груди Хакима билось такое же горячее, честное сердце, и лицо его было такое же мужественное, как и у героя-отца. И сын жадно искал себе такое дело, которое было бы достойно памяти отца. Он нашел его в рядах Красной Армии.

...Как-то в студенческие годы Деппуев сдавал экзамен. Обращаясь к экзаменатору по русскому языку, Гемуев сказал:

– А вы спросите у него, как переводится с арабского на русский слово «Хаким».

– Как же переводится твое имя? – спросил Деппуева преподаватель.

– Хаким – значит, хирург, врач, исцелитель.

– Добавь еще: мудрый, мудрец, многознающий, – сказал Гемуев.

Да, многозначительное имя «Хаким»...

И жил Хаким Деппуев в полном соответствии единства его звучания и своего назначения на земле: творить людям добро!

5. Поездка за мечтой

Есть чудесное выражение: «крылатая юность». Парнишкам всегда хочется совершить необычное, от которого на душе становится радостно, приятно, легко. Вот и Хаким Деппуев, Нух Гемуев и Хашпаго Гедгагов после второго курса педтехникума решили поступить в одно из высших учебных заведений столицы. Заодно они рассчитывали посетить достопримечательные места Ростова-на-Дону, Сталинграда. Москвы... Конечная цель – попасть на прием к председателю ВЦИК М. И. Калинин. С его помощью они хотели осуществить свою мечту.

Юным путешественникам обеспечили бесплатный проезд в оба конца и выдали им хлебные карточки. Любознательные ребята, ознакомившись с историческими местами Ростова-на-Дону, Сталинграда, приехали в Москву. Они долго ходили по незнакомому большому городу, пока нашли нужный адрес. М. И. Калинина не оказалось на месте. В приемной сказали: «Михаил Иванович – в отпуске. Будет через две недели. По вашему вопросу лучше обратиться к народному комиссару просвещения. Вот его адрес...»

Хаким и его спутники не попали на прием к комиссару. Их приняла его заместитель, Надежда Константиновна Крупская. Она по-матерински тепло встретила юных горцев, быстро разрешила их вопрос, сказав: «Приезжайте через год, после окончания педтехникума. Тогда я вам помогу поступить в ВУЗ...»

Довольные поездкой, полные ярких впечатлений, возвратились домой Деппуев и его друзья. Они и не знали и не могли знать, что их смелые, хорошие планы не воплотятся в жизнь. Что пути-дороги друзей разойдутся на долгие годы.

Первым попал в беду Нух: арестовали дядю – Ако Жумакуевича Гемуева, старшего брата отца. Того самого Гемуева, который вместе с С. М. Кировым, Беталом Калмыковым, Магометом Энеевым, Юсуфом Настуевым и другими революционерами устанавливал Советскую власть в Кабардино-Балкарии. Того Гемуева, который рискуя собственной жизнью, отстаивал завоевание нового строя в родном крае. Того Гемуева, который в течение многих лет был председателем Балкарского национального округа, одновременно являясь первым заместителем председателя облисполкома. Того Гемуева, который свою жизнь посвятил борьбе за счастье родного народа!

Все, кто знал Гемуева, понимали, что он стал жертвой произвола и что рано или поздно история оправдает его. Но справедливость, как это зачастую случается в нашей жизни, восторжествовала слишком поздно. А. Ж. Гемуева реабилитировали посмертно, когда черное пятно на его честном имени успело испортить биографию всего рода.

Но вернемся к Нуху, племяннику Ако. Он пользовался авторитетом не только в среде учащихся педтехникума, его также уважали воспитатели, преподаватели учебного городка. За отличную учебу Нуха хвалил сам директор учебного заведения: «Молодец, Гемуев! Так держать! Скоро диплом с отличием получишь...»

А через несколько дней тот же директор совсем по-другому заговорил с ним: «Наверху мне сказали, что племяннику врага народа нет места среди честного студенчества. Только сам Бетал Эдыкович поможет тебе. Ты же с ним знаком...»

...Все съезды, собрания, важные мероприятия проводились здесь, в актовом зале Ленинского учебного городка. Собравшихся обычно приветствовали пионеры-отличники учебы. Такие, как Хаким Деппуев, Хашпаго Гедгагов, Нух Гемуев, Магомет Уначев... А Нуха нередко Б. Э. Калмыков представлял аудитории: «Это сын убитого революционера Адила Гемуева. По стопам отца идет парнишка!..»

Они встречались и в кабинете дяди Ако, куда часто забегал племянник. Калмыков с мальчиком здоровался за руку, сажал на колени, приговаривая ласковые слова. Обо всем этом вспомнил Нух, отправляясь к главе Кабардино-Балкарии.

Б. Э. Калмыков сразу принял его и предложил сесть. Но у него не было прежней любезности, он не улыбался юному посетителю, как это делал раньше. Выслушав Нуха, Калмыков сказала: «Говорят, что яблоко от яблони падает недалеко... Допустим, ты не знал, что дядя Ако был врагом Советской власти. Этого и мы не знали. Теперь отрекись от дяди, шпиона иностранной разведки, и напиши об этом в газету. Это спасет тебя от позора и беды».

Племянник не стал писать клевету на любимого дядю: он не видел, не чувствовал за ним того, что «пришивали» Ако фальсификаторы. И случилось то, чем грозили студенту Н. Гемуеву: он был отчислен из техникума, как ближайший родственник «врага народа». «Но этим не ограничатся люди, преследующие тебя, – предупредил директор Нуха, вручая ему документы, – мне кажется, ты должен покинуть Кабардино-Балкарию на время...»

Разные пути подсказывали друзья. Хаким советовал поехать в Дагестан, к сыновьям Ако:

– Поработай вместе с ними. Накопи денег на дорогу...

– А потом поедешь к Крупской, – добавил Хашпаго, – она же обещала нам...

– Правильно говоришь, Хашпаго! – Хаким крепко обнял своего друга. – Надежда Константиновна непременно поможет поступить в столичный вуз...

– Согласен с вами, братишки! – сказал Нух и сел между ними.

Правая рука Нуха лежала на плече Хашпаго, а левой он гладил густую прядь волос на голове Хакима...

С помощью Надежды Константиновны Гемуев, минув третий курс педтехникума, стал студентом рабфака. Он крепко взялся за учебу. Окончив рабфак с отличием, поступил в Московский кожевенный институт. Здесь полностью раскрылись способности студента Гемуева. В конце первого курса вузовская многотиражная на первой странице напечатала портреты трех отличников учебы, одним из которых был Нух. А после этого приятного события появился приказ об исключении его из института. Видимо, газета с портретом Нуха попала в руки тех, от кого он скрывался. Но по настоянию добрых, честных, принципиальных людей администрация вуза вынуждена была вновь принять Гемуева на учебу. Однако незаслуженно обиженный, оскорбленный перед лицом студенчества, гордый кавказец не вернулся в этот коллектив. Гемуев поехал в Одессу и поступил в институт связи. Всю оставшуюся жизнь он посвятил этой отрасли. Но это уже другая тема.

Однако продолжим рассказ о главном герое повести. Деппуев успеш-

но сдал государственные экзамены и получил диплом с отличием. Его оставили работать здесь, в Ленинском учебном городке. Мало кому из выпускников была оказана такая честь. Хаким стоял на пороге большой, интересной жизни, смотрел вдаль уверенными глазами.

Солнечным сентябрьским утром он вошел в класс в своем новом назначении – учителем. Впервые к нему обратились по имени отчеству:

– Здравствуйте, Хаким Сафарович!

Он преподавал географию. С таким же успехом мог вести и уроки русского языка и литературы. А как красиво он рисовал! По этой части у него был талант, божий дар. При желании и старании Дешпуев мог стать неплохим художником...

Но неожиданно все изменилось. Вскоре учащиеся остались без молодого географа Хакима Сафаровича, которого успели полюбить. Его исчезновение одни связывали с арестом дяди Хаматгерия. Мол, он, судья Хаматгерий Сафарович Дешпуев, при рассмотрении «дела Ако» забыл о большевистской бдительности, потерял классовое чутье! Ходили и такие слухи: Хаким Дешпуев скрывается от правосудия...

На эти и другие вопросы даст точные ответы само время – самый строгий и справедливый судья в мире...

6. «Чужбины для подвига нет»

В то время, когда недруги Хакима Дешпуева распространяли о нем недостойные горца сплетни, он находился в городе Ростов-на-Дону. Работал на заводе токарем и одновременно учился на рабфаке. В биографии Х. С. Дешпуева сказано: «Родился 22.06. 1913 г. в ауле Верхний Холам Холамо-Безенгиевского района КБАССР в семье крестьянина-бедняка. С 1922-го по 1929 г. воспитывался в ленинском учебном городке (Нальчик), где окончил 7 классов. В 1932 г. получил диплом с отличием об окончании Нальчикского педтехникума. В ноябре 1932 г. по решению Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б) был командирован в город Ростов-на-Дону в счет «1000» для подготовки работников промышленности национальных республик. Трудился в различных должностях на заводах «Красное Знамя», «Красный Аксай», «Электрозавод». Здесь же вел комсомольскую работу. Избирался секретарем комитета комсомола заводов «Красное Знамя» и «Электрозавод». В начале октября 1935 г. Ростовский-на-Дону горвоенкоматом был призван в ряды Советской Армии. Попал в 5-ю Донскую казачью кавалерийскую дивизию»...

...Хаким Дешпуев хотел стать инженером. Но стране нужны были летчики, танкисты, моряки. Стране нужны были воины. В те дни страна пела:

Мы – мирные люди,
Но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути!

Но нет, он не стоял еще, этот бронепоезд. Его только строили. И для этого собирали в военные училища парней со всей страны.

Ростовский горком комсомола проводит митинг, посвященный Армии и Флоту. Представитель горкома задал вопрос участникам митинга:

– Кто хочет стать танкистом?

Хаким ответил сразу:

– Я...

Сказал первым. А за ним записались другие.

Хаким Диппуев учился в бронетанковом училище.

Здесь застала его война в Испании, развязанная фашистами против республики. Всюду пели светловскую «Гренаду»:

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.

Хаким просился в интернациональные бригады, но туда брали хорошо подготовленных воинов, и ответ всегда был один: «Нет!»

– По ночам мне снилась Гренада, – с улыбкой вспоминал генерал спустя десятилетия. – Какая-то таинственная и прекрасная страна, красивые люди, которым что-то угрожает и которых я обязательно должен был спасти...

«Гренада, Гренада, Гренада моя!»

Хаким и другие мальчишки из училища просились в бой. Они говорили о международном братстве и интернациональном долге. Они боялись, что не успеют исполнить его, что это сделают за них другие.

Думы и чаяния мальчишек-интернационалистов тех героических лет хорошо передал Кайсын Кулиев:

Я мог бы сражаться в Мадриде
И пасть за Гренаду в бою.
И солнце, пылая в зените,
Смотрело б на рану мою.

Я мог бы сражаться в Мадриде
И грудью на камни упасть,
Чтоб только над Кордовой видеть
Свободного знамени власть.

Я мог бы сражаться, я б встретил
В Мадриде последний рассвет:
Лик мужества ясен и светел –
Чужбины для подвига нет.

Я отдал бы все без отказа,
Там жизнь бы свою завершил
И благословенье Кавказа
Дошло б ко мне с древних вершин.

Я мог бы в Мадриде сражаться.
Везде, негасимый, горит
Свет мужества, воли и братства.
Я мог бы стоять за Мадрид.

Да, ни поэт, ни будущий танкист, ни их соотечественники не могли предвидеть, какие суровые испытания ждали их впереди.

Вновь обращаюсь к биографии Диппуева: «Вскоре я был направлен на учебу в Орловское бронетанковое училище им. М. В. Фрунзе, и 22 октября 1935 г. приказом по училищу был зачислен курсантом. С этого дня

без перерыва, служу в рядах Советской Армии на различных должностях. После окончания училища по I разряду 5 июня 1938 г. мне было присвоено первичное воинское звание лейтенант, и одновременно назначили командиром взвода 13 механизированной бригады в городе Калуга.

В середине июля 1939 г. был назначен командиром танковой роты 2 танкового батальона 37 отдельной танковой бригады. В июле 1939 г. в составе 13 механизированной бригады был переведен на 77 разъезд Забайкальского военного округа»...

Тогда, в 1939 г., империалистическая Япония пыталась захватить восточную часть Монголии. Советский Союз, верный интернациональному долгу, выступил на защиту монгольских границ.

В районе Халхин-Гола вел в бой свои танки лейтенант Деппуев.

«Все было проще и суровее, чем думалось, – вспоминал генерал. – Мы не знали, что такое война, смерть, боль... А вот они оказались рядом. Это совсем не просто – выполнить долг любой ценой, даже ценой жизни. И если за братство нужно чем-то платить, то только так, в бою, глядя смерти в лицо. Других сокровищ для этого не существовало».

...Шел тяжелый бой. Разрывы снарядов вздымали фонтаны песка. Фонтаны оседали, а песчаное марево плыло над землей. И от этого солнечный день превратился в желтые сумерки. Подавшись вперед, ближе к смотровой щели, Хаким Деппуев старался разглядеть орудие, которое било по нашим танкам. Еще не видя его, уже почувствовал, где оно. Почувствовал по лязгу осколков, ударявших о правый борт танка. Потянул к себе правый рычаг. Машина развернулась навстречу орудью. Впереди, будто осколок молнии, блеснула вспышка. Деппуев резко бросил машину влево. Снаряд ударил рядом.

Снова рывок вперед. Вскоре, однако, пришлось сбавить газ: на большой скорости башенному стрелку было трудней поймать в прицел вражеское орудие. Водитель с нетерпением ждал выстрела. Ему показалось, что в башне очень уж медлят. Единственное спасение сейчас – это скорость. Наконец – выстрел. Второй... Третий... И вот уже в том месте, где только что мелькали орудийные вспышки, поднялось густое облако. Деппуев до упора отжал регулятор газа, и танк помчался вперед на предельной скорости.

Совсем рядом, заглушая натужный гул мотора, опять начали рваться снаряды. Вместо разбитого орудия откуда-то ударило другое. Где оно находится, Деппуев не видел. У него не было времени присматриваться. Все теперь зависело от скорости.

Вдруг, будто ударившись о что-то невидимое, машина с налета остановилась. Хаким поступал подметкой сапога по стартеру – мотор молчал. Потянуло гарью, и тут же танк начал наполняться дымом. Стало трудно дышать. В танке мелькнул багровый отсвет пламени.

Почувствовав, что загорелся комбинезон, водитель распахнул люк и вывалился из машины. Комбинезон горел в нескольких местах. Чтобы сбить пламя, Деппуев упал на землю, начал кататься по ней, загребать на себя песок. Отбившись от пламени, бросился в сторону – в горящем танке могли взорваться баки, снаряды. Надо было торопиться. Но, отбежав немного, водитель остановился. Только сейчас до него дошло, что спасся он один. Мысль эта больно кольнула его, – как он мог забыть, что в горящей машине остался башенный стрелок!

Какое-то мгновение он смотрел на горящий танк, потом в несколь-

ко прыжков очутился возле него и, вскочив на броню, отбросил крышу люка. Из танка пахло жаром. Зажмурившись, Деппуев нырнул в башню, ощупью отыскал свалившегося на бок человека и подтащил к люку. Уже вытащив танкиста наружу, увидел, что это стрелок. Обожженными руками Хаким опять хватал песок, обсыпая товарища, себя. Очнувшись, наконец, на земле, Деппуев сбил со своей головы горящий шлем. Потом оттащил стрелка от пылавшей машины, вздувшимися, окровавленными руками прихлопывая огонь...

И все. Ничего больше припомнить Хаким не мог. Очнувшись уже в медсанбате, забинтованный. Тело горело, будто его все еще жег огонь. Почувствовав, что кто-то лежит рядом, Хаким повел глазами. Это был башенный стрелок. Он, обессиленный, закрыл глаза. Обессиленный, но счастливый.

Далее в биографии Хакима Деппуева читаем: «В июне 1940 г. 87 отдельный танковый батальон был реорганизован в 33 танковый полк, а 37 легко-танковая бригада в 17 танковую дивизию Забайкальского военного округа. Я все так же продолжал командовать этой же ротой, в этом же полку до мая 1941 г. В мае 1941 г. было присвоено очередное звание старший лейтенант, и я вскоре был назначен заместителем командира 2 батальона 33 танкового полка 17 танковой дивизии, 5 танкового корпуса Забайкальского военного округа. В начале мая 1941 г. 33 танковый полк в составе 17 танковой дивизии передислоцировался с 77 разъезда Забайкальского военного округа на запад страны.

22 июня 1941 г., в день вероломного нападения фашистов на СССР, наш эшелон был в районе города Конотоп. Через несколько суток мы разгрузились на ст. Орша, и я в районе гор. Лепель в составе 33 танкового полка 17 танковой дивизии Западного фронта начал боевые действия с врагом. 17 танковая дивизия в составе 5 танкового корпуса вступила в тяжелые бои с превосходящими силами немцев. Танкисты не только стояли насмерть на занимаемых рубежах, но неоднократно обращали в бегство хваленые немецкие войска. «Среди соединений 20 армии особенно отличились 5 механизированный корпус... и 17 танковая дивизия», – писал бывший командующий западным фронтом, Маршал Советского Союза А. К. Еременко».

Когда танкист Деппуев находился в непрерывных боях с вооруженными до зубов гитлеровцами, между жизнью и смертью оказалась и семья фронтовика. Вот как вспоминала о трудном переходе жена Хакима, мать троих малолетних детей Надежда Дмитриевна Деппуева:

– Мы ехали целый месяц, пропуская военные эшелоны. Мы – это дочурка Надя, сынишки Володя и Валерка. Один, меньше другого: Наде было тогда 3 года, Володе – два, а Валерка – грудной ребенок. Кстати, Валерий был рожден в военном городке. Все наше богатство находилось в двух чемоданах, которое мы потеряли при переправе через Днепр. Немец так бомбил, что было не до вещей. Ночью на железнодорожном вокзале Ростова-на-Дону заблудилась Надя, которую с помощью посторонних людей и с большим трудом нашли.

В Нальчике нас встретили свекровь Хаби и золовка Налжан. И вот, наконец-то, мы – в Хасанье, где до замужества я работала директором средней школы.

Забегая вперед, скажу, что Хаким, несмотря на сложность военного времени, заботился о нас...

7. Музыка, или О том, как композитор Сергей Прокофьев создал песню о танкисте Хакиме Деппуеве

Они никогда не видели друг друга. Они – это композитор с мировым именем Сергей Сергеевич Прокофьев и молодой танкист Хаким Сафарович Деппуев. Их отделяли друг от друга не только профессии. Композитор жил и творил в Москве. А молодой балкарец, уже прошедший испытание огнем на Халхин-Голе, с первых дней нашествия гитлеровцев находился на передовой. Возможно, танкист слушал музыку Прокофьева, а великий композитор, разумеется, не собирался сочинять песню о незнакомом танкисте. Но началась война с Германией, и невозможное стало возможным. Суровое время объединило все профессии, все поколения, все народы великой державы.

Это было в грозном сорок первом. Враг рвался к Москве, и часть населения эвакуировалась в глубь страны. В августе в Нальчик прибыла большая группа выдающихся деятелей советской культуры.

В их числе был и композитор С. С. Прокофьев. Он поселился в гостинице «Нальчик». Из окон его комнат открывался прекрасный вид на белоснежный Кавказский хребет, на роскошный парк...

Как известно, основной его работой в ту пору стала опера «Война и мир» по роману Л. Н. Толстого. 19 августа Прокофьев завершил первую картину – «Отрадное».

За его работой внимательно следили как московские, так и кабардино-балкарские композиторы и музыканты, проживавшие тогда в Нальчике. Среди москвичей были Н. Н. Мясковский, Ю. А. Шапорин, А. Н. Александров, В. В. Нечаев, К. Н. Игумнов, А. Б. Гольденвейзер, А. А. Крейн, С. С. Фейнберг, П. А. Ламм и другие.

Всего за три месяца жизни в Нальчике Сергей Сергеевич сочинил шесть картин оперы (в первой редакции). В Нальчике Прокофьев написал и другие произведения, посвященные тому суровому времени, в том числе симфоническую сюиту «1941 год». Здесь им также были созданы «Две песни о кабардино-балкарских героях войны»...

История этих песен такова. В один из осенних дней редакцию газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария» посетили С. С. Прокофьев и М. А. Мендельсон-Прокофьева (жена композитора). Их интересовали материалы о героических делах сынов Кабардино-Балкарии на фронтах Великой Отечественной. Редакция любезно предоставила им подшивку газеты за первые месяцы войны. Внимание Прокофьевых привлекли сообщения о мужестве и героизме кабардинца К. Таубекова и балкарца Х. Деппуева, отличившихся уже в первых сражениях с гитлеровцами. Сергея Сергеевича и Миры Александровны сделали выписки из газет.

– Для какой цели понадобились эти материалы вам, композитору? – поинтересовались сотрудники газеты.

– Думаем написать песню о ваших героях, – ответил Сергей Сергеевич.

Вскоре на одном из концертов, которые давали московские мастера искусства, прозвучали песни «Сын Кабарды» и «Клятва танкиста», сочиненные С. С. Прокофьевым на слова М. А. Мендельсон-Прокофьевой.

В песне «Сын Кабарды» воспевался героический подвиг артиллериста К. Таубекова. В одном из боев на Юго-Западном фронте лейтенант

Таубеков прямой наводкой из гаубицы расстрелял вражескую колонну и вывел из строя более 50 автомашин неприятеля.

Мужественная и светлая, характерно прокофьевская мелодия песни «Сын Кабарды», отмечена вместе с тем и восточным колоритом.

В «Клятве танкиста» авторы прославили храброго воина Хакима Демпуева, который в оборонительных боях не раз вступал в единоборство с превосходящими силами противника и добивался победы. Вот что сообщалось в прессе о нем тогда: «На рассвете после артподготовки наши пошли в наступление. Под натиском артиллерии и мотопехоты гитлеровцы начали отступать. Командир танковой роты Демпуев передал, что на шоссе показались мотоциклисты, а за ними танки противника, противотанковая артиллерия, автомашины с пехотой. Когда колонна выровнялась на гребне насыпи, грянул залп наших танков. У врага произошло замешательство. Дорога была закупорена разбитой, горячей, техникой. Тогда немцы стали спускаться с откоса по направлению к лесу, но тут же застряли в трясине. А рота Хакима Демпуева в упор расстреливала фашистов. Враг отстреливался. Его снаряды попадали в наши танки. Вражеский снаряд подбил танк сержанта Сушкова, но он не покинул машины. Противник открыл по нему сосредоточенный огонь. Еще одно попадание – и все померкло перед глазами героя.

Тяжело был ранен и лейтенант Ненашев. Механик-водитель Иванов стал вытаскивать его из машины, но осколок вражеского снаряда свалил его на землю.

Демпуев выследил, откуда ведут огонь противотанковые пушки противника, и меткими выстрелами разбил одну из них. Но вторая вражеская пушка продолжала вести огонь. Вокруг танка Демпуева трещали сосны. От непрерывной стрельбы в танке стало жарко. Экипаж задыхался от бензиновой гари и едкого порохового дыма. Уничтожена и вторая пушка противника. Хаким перенес огонь на танки врага. Загорелся один, другой... Автомашина противника с солдатами подпрыгнула и, задрав вверх колеса, покатила с насыпи в болото. За ней последовала вторая, третья.

Рота Демпуева с другими подразделениями полка пошла в атаку на противника.

Прямой наводкой били фашисты по нашим боевым машинам, идущим в атаку, но ничего не могло остановить их стальную лавину. Танки Хакима вырвались на артиллерийские позиции врага. Противник, побросав орудия, отступил в панике.

– Впереди справа пулемет – доложил Демпуеву механик-водитель сержант Матросов.

Не прекращая огня по отступающим, Демпуев приказал водителю танка: – Дави пулемет!

Матросов резко повернул танк, и пулеметное гнездо врага исчезло под гусеницами.

Наши танки ворвались в селение. Вражеские солдаты в панике поднимают руки вверх. Всюду виднеются опрокинутые противотанковые пушки. Вот висит на заборе фашист, его осколок настиг и пришил к забору».

Вслед за танками в селение вошла наша пехота. Бой окончился. Гитлеровцы оставили на месте сражения 26 пушек, большое количество убитых солдат и офицеров, много снарядов, мотоциклов, автомашин, пулеметов, винтовок.

В этом бою рота Демпуева отлично выполнила боевое задание.

Эти героические эпизоды из боевой биографии отважного танкиста не могли не вдохновить авторов песни о Демпуеве. Это о нем, о его преданности Родине, об уверенности в победе говорилось в песне:

Танкист святую клятву
Своей Отчизне дал,
Что будет враг заклятый
Повержен навсегда.

Не будем подходить с высокой меркой к оценке стихов: они написаны не поэтом-профессионалом, а любителем поэзии, человеком, который очень хотел помочь фронту, своей стране в отражении германской агрессии. Создав патриотическое стихотворение, Мирра Александровна сделала большое дело, стала соавтором волнующей, вдохновляющей, мобилизующей соотечественников на борьбу с оккупантами песни. В создании песен немалую роль сыграли и впечатления композитора от природы горного края. Прокофьев побывал в Приэльбрусье, у величественной Безенгийской стены, вблизи которой родился Хаким Демпуев, что позволило ему глубже проникнуться суровой красотой Кабардино-Балкарии и ярко передать это в своей музыке.

19 октября 1941 г. прокофьевские песни о славных сынах Кабардино-Балкарии впервые прозвучали по республиканскому радио. Жители городов и селений слушали их, испытывая чувство гордости за своих земляков.

Эти произведения звучали и на концертах, с которыми выступал Прокофьев перед нальчанами. В программе выступлений были и его фортепьянные произведения. Деньги, полученные от концертов, сдавались в фонд обороны.

Уезжая из Налчика в Тбилиси, Сергей Прокофьев вместе с другими московскими деятелями культуры благодарил хозяев: «Мы навсегда запомним ласковый Налчик. Несмотря на все трудности военного времени, мы были окружены исключительным вниманием и заботой. Спасибо за гостеприимство!»

– Все мы, танкисты и композиторы, делали одно и то же дело, приближали крах фашистского зверя, – рассуждал в мирные дни умудренный суровой армейской жизнью генерал Хаким Сафарович Демпуев, – истине «к штыку было приравнено перо!»

И сегодня, спустя десятилетия, слушая произведения Прокофьева военных лет, мы с радостью убеждаемся в том, что их образы, пафос, страсть по-прежнему волнуют нас. Его музыка правдиво запечатлела мысли и чувства советского человека в годы войны и тем выполнила свое историческое предназначение.

8. Чтобы выиграть бой...

Да, наш Хаким отличился в боях с отборными механизированными частями Вермахта на белорусской земле. Многие гитлеровцы были уничтожены метким огнем старшего лейтенанта Демпуева и его боевых товарищей-танкистов под городами Орша и Лепель. Их подвигами восхищался корреспондент главной армейской газеты «Красная Звезда» в номере от

1 августа 1941 г. Очерк был озаглавлен – «Герой Отечественной войны танкист Хаким Деппуев».

А генерал-майор танковых войск И. Корчагин 7 мая 1942 г. так писал о храбром балкарце:

«Товарищ Деппуев тактически подготовленный командир, в обстановке разбирается быстро, дисциплинирован, требователен. Силой воли обладает, достаточно решителен, инициативу проявлял разумно.

Участвовал в боях в должности командира танковой роты. В период с 22 июня по 4 августа 1941 г. проявил героизм и мужество в борьбе с немецкими оккупантами. Рота под его командованием все боевые задачи выполняла хорошо.

Лично Деппуев воевал уверенно и спокойно, боем руководил умело. Заслуживает присвоения очередного воинского звания «капитан».

А во время оборонительных боев под Смоленском от прямого попадания снаряда танк Деппуева загорелся.

«При обороне Смоленска наш 33 танковый полк сильно поредел, – рассказывал Хаким Сафарович. – Командуя сведенными в одно подразделение оставшимися машинами, я был тяжело ранен (осколком в ногу, получил сильную контузию и сотрясение мозга). Сознание вернулось ко мне в госпитале в городе Вязьме. Оттуда 12 августа 1941 г. я на самолете вместе с раненым генералом Сусайковым был доставлен в Басманную больницу Москвы. 31 августа нас привезли в Нальчик. В Долинске, в эвакуогоспитале № 2442, который размещался в санатории им. Кирова, меня лечили до 12 ноября 1941 г.

После выздоровления я прибыл в Москву. Меня направили в 15 запасной полк резерва командного состава бронетанковых войск, который находился в городе Наро-Фоминске. Им командовал мой однополчанин, бывший начальник штаба 33 танкового полка, майор Еремеев. После исторического парада на Красной площади меня назначили командиром учебного батальона по подготовке механиков-водителей. Потом наш 15 отдельный запасной полк передислоцировался в гор. Владимир, став 15 отдельным учебным полком в составе 1-й учебной танковой бригады».

И на новом месте руководство отметило организаторские способности храброго танкиста:

«Товарищ Х. Деппуев – энергичный, требовательный к себе и подчиненный командир. Хорошо поставил учебный процесс по подготовке механиков-водителей для фронта. На должной высоте держит дисциплину среди личного состава батальона, который занимает первое место в полку по состоянию боевой подготовки.

Приказом Командующего МВО от 24 апреля 1943 г. за № 0142 за хорошую организацию подготовки механиков-водителей присвоено внеочередное воинское звание «майор».

Представлен к правительственной награде.

Вывод: По своей теоретической подготовке и по опыту практической работы на должность командира учебного танкового батальона вполне соответствует. Тов. Деппуев в действующих частях может быть использован заместителем командира танкового полка.

Командир полка – подполковник *Баранов*.

11 октября 1943 года».

Да, как и прежде, Хаким с честью выполнял возложенные на него ответственные задачи по подготовке танкистов. Но сердце патриота велело ему быть на передовой, с теми, кто очищал священную советскую землю от гитлеровских варваров.

Хаким вернулся в свою часть. Закаленного в боях офицера назначают командиром батальона. А через некоторое время он становится во главе полка.

Осень 1944 года. 1-й Белорусский фронт. Наши войска одерживают успех за успехом. Один за другим извлекаются от оккупантов наши города и села. Советские люди со слезами радости на глазах встречают своих освободителей.

Майор Дешпуев, преследуя отступающего противника, своими танками прокладывает дорогу пехоте. Ему некогда даже поесть и отдохнуть. Ему нужно во все вникнуть, позаботиться о бане и горячем питании для бойцов. Он беседует то с замполитом, то с парторгом и комсоргом, то с заместителем по тылу. Днем и ночью он занят одной мыслью: солдаты и техника должны быть всегда готовы к бою и способны выиграть его. И офицер делает все, чтобы поддержать во вверенной ему части высокий наступательный дух.

В середине декабря 1944 г. Дешпуев был отозван в Москву. Его направили в Свердловск, где он попал в специальную команду генералов и старших офицеров. Она состояла из представителей некоторых народов Северного Кавказа, и ею руководил генерал Ока Иванович Городовиков, калмык по национальности. Многих фронтовиков, грудь которых украшали ордена и медали Советского Союза, отправили в тыл.

Генерал Дешпуев вспоминал: «После так называемой проверки комиссией, я в числе единиц был оставлен для продолжения службы. Меня назначили заместителем командира 40 учебного полка 5 учебной бригады Уральского военного округа. К этому времени я был абсолютно здоров и многократно просил направить в действующую армию. Но по каким-то мне непонятным причинам тогда получал отказы. Впрочем, и до Свердловска я писал прошение в высшие инстанции с просьбой направить на передовую. Только маршал бронетанковых войск Федоренко и генерал Фекленко, которых я хорошо знал, разрешили мой вопрос. Был направлен на стажировку в 1 Белорусский фронт с сохранением должности. Стал заместителем командира 344-го гвардейского тяжелого самоходно-артиллерийского Радомского Краснознаменного орденов Кутузова и Александра Невского полка СУ-152. Наша часть была фронтового подчинения, и мы воевали во время Берлинской операции сперва в составе шестьдесят девятой армии, а затем – третьей.

16 апреля 1945 г. наш 1-й Белорусский фронт приступил к исторической операции по взятию Берлина. В его составе воевал 344-й самоходный полк, где я был зам. командира. За участие в этой операции меня наградили орденом Красного Знамени. После салютов 9 мая для миллионов солдат-победителей война закончилась. А наша часть в конце мая 1945 г. еще ликвидировала южнее Берлина Губенскую группировку недобитых гитлеровцев».

В боевой характеристике Хакима читаем:

«Гвардии майор Депуев Х. С. за время пребывания в полку, стажирясь в должности заместителя командира тяжелого самоходного артиллерийского полка, показал себя грамотным, волевым, энергичным и инициативным офицером. В операции от р. Одера до р. Эльбы, после гибели заместителя по строевой части тов. Деппуев выполнял эту должность, участвуя во всех операциях полка. Всегда находился в боевых порядках самоходных установок. Решения в бою принимает быстро, правильно. В сложной боевой обстановке ориентируется хорошо. Неоднократно самостоятельно командовал двумя батареями на большом отрыве от остальной части полка. Тактику использования самоходных установок в бою знает. За короткий период завоевал заслуженный авторитет среди личного состава полка. Дважды представлялся к правительственным наградам. Идеологически выдержан.

Вывод: Вполне может быть использован в должности командира самоходного артиллерийского полка и достоин присвоения воинского звания «подполковник».

Командир 344 гв. тяжелого самоходного артиллерийского Радомского Краснознаменного орденов Кутузова и Александра Невского –

Никонов

15 мая 1945 г.».

...Хаким вскоре вернулся в любимую Москву. Этот день он запомнил навсегда. А спустя десятилетия генерал-майор бронетанковых войск, зам. командующего военным округом Х. С. Деппуев напишет: «1 июня 1945 г. меня назначили заместителем командира 42-го отдельного учебно-танкового полка Московского военного округа. С октября 1947 г. по май 1955 г. командовал 39-м танковым полком. Без отрыва от службы окончил курсы по профилю командиров дивизии при академии им. Сталина. Нарушая хронологию, сообщаю, что в пятьдесят седьмом получил диплом об окончании Академии имени М. В. Фрунзе. Учился, разумеется, заочно.

В период длительной командировки в Чехословакию командующего 32-й гвардейской механизированной дивизией генерала Луговцева, успешно замещал его. Был рекомендован на должность командира 72-й механизированной дивизии Забайкальского военного округа. Но тут случилось «ЧП». Зам. командующего 8-й механизированной армии генерал Носов проводил показательные учения по подводному вождению танков. По его вине произошли утопление боевой машины Т-54 и гибель экипажа. Хотя я никакого отношения не имел к данному происшествию, по ложному докладу генерала Русских в трагедии обвинили меня, необоснованно снизив в воинском звании и должности. Но позже я был реабилитирован и восстановлен в прежних должности и звании».

И в мирные дни советские воины зорко охраняли священные рубежи нашего Отечества и стран – участниц Варшавского договора. В октябре 1956 г., когда в Венгерской Народной Республике контрреволюция организовала антиправительственный мятеж, Советский Союз пришел на помощь братскому народу. Участие в установлении конституционного порядка в ВНР принял и офицер-интернационалист Хаким Деппуев.

В его биографии говорится: «В период с 20.09.1956 г. по 22.05.1957 г. командовал 128-м гвардейским полком. Командуя этим полком, усиленным стрелковым батальоном 145-го полка, 38-м гвардейским минометным дивизионом, помогал венгерскому народу в ликвидации фашистского мятежа. Восстанавливал народную власть в областях: Комаром, Тогобанья, освобождал от мятежников район горы Геллерт, дворец Хорти, королевскую крепость Буда и подземелье в крепости. За эту операцию имею правительственную награду».

Указом Президиума Верховного Совета СССР полковника Дешпуева Хакима Сафаровича 18 декабря 1956 г. наградили орденом Красного Знамени.

За долгие годы службы в родной армии отважный танкист, умудренный жизнью офицер Дешпуев внес достойный вклад в подготовку кадров бронетанковых войск. Постановлением Совета Министров СССР ему было присвоено высокое звание генерала-майора. С этим важным событием его поздравили многие военачальники. Вот телеграмма маршала Советского Союза В. Чуйкова:

«Поздравляю Вас с присвоением генеральского звания и желаю успехов в Вашей дальнейшей работе на благо укрепления Вооруженных Сил нашей великой социалистической Родины».

Не зря сказано в представлении нашего земляка на должность заместителя командующего Туркестанского военного округа по боевой подготовке: «Генерал-майор Дешпуев Х. С. в занимаемой должности с декабря 1967 г. За указанный период службы характеризуется как грамотный, волевой и трудолюбивый генерал.

К выполнению своих служебных обязанностей относится исключительно добросовестно. Обладает хорошей подготовкой, большим практическим опытом и организаторскими способностями.

Умело руководит отделом, проявляя при этом необходимое творчество, инициативу и настойчивость. Хорошо знает состояние дел с боевой подготовкой в подчиненных соединениях и частях. Систематически осуществляет контроль и оказывает действенную помощь командирам всех степеней в планировании, организации и проведении боевой подготовки, в устранении имеющихся недостатков. Постоянно занимается вопросами создания и совершенствования учебно-материальной базы в частях, непосредственно вникает в ход учебного процесса и принимает все зависящие от него меры с целью поддержания высокой боевой готовности соединений и частей. Хорошо знает требования Уставов и Наставлений Советской Армии, умело ими руководствуется в практической работе.

Природу современного общевойскового боя и операции понимает правильно, решения в сложной обстановке принимает быстро и обоснованно.

Настойчиво работает над собой. В декабре 1968 г. избран членом партийного комитета партийной организации Управления армии. Избирался кандидатом в члены Центрального Комитета Коммунистической партии Туркмении.

Службу в армии любит. Пользуется заслуженным авторитетом. Честен, скромнен. Требователен к себе и подчиненным. Состояние здоровья отличное».

...Идею написать книгу о боевом генерале Хакиме Дешпуеве подал незабвенный Кайсын. Тогда наш прославленный соотечественник служил

в Средней Азии, являясь заместителем командующего войсками военного округа. «Поезжай к Хакиму в Алма-Ату, – советовал он, – поживи у него некоторое время. Генерал покажет тебе свои владения, расскажет все, что тебя интересует. На своем вертолете повезет на озеро Иссык-Куль...»

Но я нарушил святое правило: «Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня!». По разным причинам я так и не поехал в ту командировку...

9. Название остановки – «Бессмертье»

Хаким Сафарович сорок два года носил военную шинель. Столько времени он защищал мирный труд людей и их покой. Но мужественное, железное сердце, вынесшее все тяготы жестокой войны, нелегкой армейской жизни, все же подкачало. Да и возраст не тот. В шестьдесят четыре года генерал ушел в отставку и вернулся в родной Нальчик. Туда, где живут Надежда Дмитриевна, сын Владимир, дочь Надежда, внуки, родственники, друзья... Помните эпизод, как Надежда Дмитриевна Деппуева с тремя малолетними детьми ехала домой из Забайкальского военного округа, мужа-танкиста проводив на фронт? Тогда Наде, первому ребенку Деппуевых, было лишь 3 года. Прошли десятилетия с той поры. Надежда школу окончила с золотой медалью. А из Краснодара, где она окончила институт, вернулась с красным дипломом. Ее направили в Заюково, где она с честью оправдала высокое звание врача. Потом работала в министерстве здравоохранения республики. И четверть века возглавляет медицинское училище Нальчика (теперь медколледж). Самоотверженный труд директора, умение работать с коллективом, преданность избранной профессии позволили училищу занять одно из ведущих мест среди подобных учебных заведений страны. Недаром Н. Х. Деппуевой присвоено почетное звание заслуженного врача Российской Федерации. Она также награждена орденом Трудового Знамени.

Надежда Хакимовна – хозяйка интернациональной семьи. Свою судьбу она связала с врачом Суфадином Уначевым. Они воспитали двух сыновей. Дети пошли по стопам родителей. Старший сын Руслан окончил Ставропольский медицинский институт и работает врачом-стоматологом. Тимур тоже справляется с возложенной на него работой.

К сказанному хочу добавить: щедрое, мягкое сердце Деппуевой всегда открыто людям. Ведь Надежда Хакимовна руководит Кабардино-Балкарским отделением Российского Фонда милосердия и здоровья. Вот что писала о ней «Кабардино-Балкарская правда»:

«Иной раз она слышит: «И зачем тебе эта дополнительная головная боль? Своих забот, что ли, мало? Ведь у тебя практически не бывает свободной минутки: все время люди, люди... И каждый со своими большими и малыми проблемами. Не устала?...»

И, в самом деле, бывает, промелькнет мысль, зачем ей вся эта несуетная нервотрепка, без которой и так дел невпроворот.

Должность директора медколледжа и без того требует немалых сил, а руководство местным отделением Российского Фонда милосердия и здоровья ко всему добавляет еще и душевное, и физическое напряжение, связанное с постоянным сопереживанием, когда чужая боль проходит

через ее равнодушное сердце... Но стоит вспомнить взволнованные голоса тех, кому помогла, их глаза, наполненные светом благодарности, сомнения рассеиваются, а душа как бы подпитывается желанием и дальше творить добро».

...Двухлетний в 1941 г., Владимир Деппуев уже разменял седьмой десятой. Из того мальчугана получился директор крупного завода «Севкавэлектрприбор». Но путь становления руководителя был долог и тернист. По окончании средней школы Владимир поехал в Ростов-на-Дону, где в 30-е гг. работал и учился отец. Поступил в институт по обслуживанию сельхозмашин. С дипломом об окончании высшего учебного заведения пришел на завод «СКЭП». Он стал инженером-конструктором в отделе главного технолога. В течение девяти лет возглавлял техническое бюро инструментального цеха. Затем работал заместителем начальника цеха, его руководителем. Деппуев был и заместителем директора завода по коммерческим вопросам.

За эти годы Владимир Хакимович успешно освоил многие процессы производства и реализации продукции предприятия. А 18 апреля 1990 г. состоялось собрание рабочих «СКЭПа», на котором В. Х. Деппуев единогласно был избран директором завода.

Он возглавил предприятие в трудное время. Ведь старые экономические связи между регионами были прерваны, а для обновления их не было денег. Как известно, сейчас мало кто отпустит сырье или продукцию в долг. Но жить-то надо, необходимо обеспечить людей работой своевременно платить им зарплату... И директор часто отправляется в командировки, добывая нужные для производства материалы.

Рабочие уверены в завтрашнем дне, знают – скоро завод выйдет из затяжного кризиса и вернет себе прежнюю славу. Ведь ими руководит талантливый, неутомимый, умелый организатор Владимир Хакимович Деппуев, сын прославленного генерала.

Да, сейчас ему не достает отца – мудрого советника. Хакиму Сафаровичу бы жить и жить в окружении детей и внуков, да и писать свои мемуары. Но тяжелый недуг вырвал его из нашей среды. Незадолго до смерти мы с Кайсыном Кулиевым провели больного генерала. Изрядно исхудавший, побледневший, Хаким Сафарович старался держаться, даже шутил. Покидая больного, мы пожелали ему скорейшего выздоровления, не думая о том, что дни его уже сочтены.

Хоронили Хакима Сафаровича 31 мая 1981 г. Дождь лил как из ведра, словно небо тоже оплакивало генерала и настоящего горца. Несмотря на непогоду, тысячи нальчан вышли на улицы, чтобы отдать последние почести Хакиму Сафаровичу Деппуеву.

Был человек и не стало его. Но жизнь продолжается. Только без него, ушедшего в бессмертие. Вновь, как и при нем, ярко сияет солнце. На небе – ни облачка. Кругом цветут сады, колосятся хлеба. Мир полон света, тепла, зелени, счастья. Он бесконечно добр к нам, ласков с нами! Но мир не был бы таким без стараний, труда и борьбы тех, кто жил до нас. Без тех, кто с оружием в руках, не страшась, защищал мир для грядущих поколений. Без таких, как Хаким Деппуев. Он ушел из жизни, но остался в памяти народа.

Ищу тебя, отец

Поэма

Я сегодня в отчий дом вернулась.
В дом, где я росла, где родилась.
Мне село родное улыбнулось
Золотыми огоньками глаз.

Удивляясь, прохожу селом я.
Не узнать родимого села:
С крыш исчезла рыжая солома,
Розой черепица расцвела.

Провода упруго протянулись,
Каждый дом наряжен и высок.
И на плечи посветлевших улиц
Лег асфальт, шуршащий, словно шелк.

Солнечные блики, как монеты,
По асфальту катятся, звеня...
Улица! Ведь улыбнулась мне ты!
Узнаешь ли, улица, меня?

Как меня зовут, ты хочешь вспомнить.
Не припомнишь? Изменилась я?
Разве наше прошлое восполнить
Дружеской беседою нельзя?

Ты примолкла. Но, всмотревшись, все же
Вспоминаешь, чья же я-то дочь!

Говоришь, я на отца похожа
И глаза отцовские точь-в-точь.

Говоришь, в моей походке легкой
Юность матери моей видна,
А руке, уверенной и ловкой,
Ловкость деда моего дана...

Память, память! Шевели вожжами
Над беседой, словно над арбой...
Помнишь тех, кого мы провожали,
Тех, кого встречали мы с тобой?

Помнишь, улица, отца с работы
Приходила я встречать сюда?
На тебе следы родные стерты –
В сердце не сотрутся никогда.

Я хочу, чтоб этот день погожий
Был на дни ушедшие похож.
Знаешь, что погиб отец, но все же
Ждешь его шагов, невольно ждешь!

Я хочу, чтобы отец вернулся
И, как в те ушедшие года,
Сквозь усы густые улыбнулся,
Подарил гостинцы, как тогда.

2

Тесный двор, трава у коновязи,
И повсюду рук твоих следы.
Наш индюк, надувшись, ходит князем,
У которого работал ты.

О Мушаж! Мы вместе на рассвете
По следам отца с тобой пойдем.
Старый пес меня без лая встретил.
Он всегда охотился с отцом.

Как в груди для сердца мало места,
Слишком гулко бьется в тишине...
Это ты, отец, сказал: «С приездом!» –
Ты с портрета улыбнулся мне.

На черкеске – газыри, как свечки,
На кинжале – битв далеких дым,
А ружье, не знавшее осечки,
Именем украшено твоим.

Но, обычай соблюдая точно,
Мама налила янтарный мед.
Угощение девичье, как дочке,
Мне рукой дрожащей подает.

3

Как прохладно в сумрачном сарае.
Входит ветер, сбруей шевеля.
Под ногой упругая, сырая,
Чисто подметенная земля.

Вот рубанок, гладок и натружен,
В дереве проблескивает сталь.
Здесь еще хранится запах стружек,
Запах леса здесь живет, как встарь.

Ах, зачем не родилась я сыном,
Я бы тоже плотничать могла,
Я бы под ладонью воскресила
Хоть частицу твоего тепла.

Очень трудно рассмотреть сквозь слезы
Стойкий стол, рубанок и топор...
Вижу крутобокие колеса.
– Мама, ты хранишь их до сих пор?

– Не колеса я храню, а душу,
Не колеса – память сторожу.
Ты уже большая, дочка, слушай,
Я тебе про юность расскажу...

Твой отец меня на свадьбе брата
Среди всех красавиц разглядел,
Был одет он просто, небогато,
Только взглядом сердце мне задел.

Что же делать: мы в достатке жили.
Разве примут бедняка в зятя?
С милым, все обдумавши, решили:
Им своя дорога, нам – своя.

Поздней ночью шепчутся колосья.
Головы тяжелые клоня.
Твой отец на этих вот колесах
Из дому увез в ту ночь меня.

Верные, как друзья, воронные
Нас в село другое унесли.
Так мы и зажили – молодые –
Без зерна, без денег, без земли.

Нам порою круто приходилось,
Стыла в печке без огня зола.
Словно колесо, земля крутилась!
Жизнь и к нам хорошая пришла.

Радости росток, тугой и сильный,
На заре пробился из земли,
Будто нам колеса в полдень синий
На подводе счастье привезли.

Будут листья расцветать и падать,
Будет день идти на смену дню,
Но колеса старые, как память,
Навсегда я, дочка, сохраню.

4

Я из дома выхожу с волнением,
Размышляя о твоей судьбе.
Красный флаг над зданием правленья
Бьется, словно память о тебе.

Словно клич победный, словно пламя,
Полыхает знамя – наша честь.
В той крови, что выкрасила знамя,
И твоя, отец мой, капля есть.

В доме, что оставили дворяне,
Ты работал, Кабарде служа,
А теперь над новыми дворами
Новый дом в четыре этажа.

Знаю, здесь окно всю ночь горело,
Словно свет в твоих родных глазах.
Ведь тобой посеянное дело
Прорастает нынче на полях!

Может, это ты проехал мимо:
В сердце отдается стук подков,
Или, может, это ты, родимый,
Шуткой распотешил стариков.

Помню, гордая твоим доверьем,
Саженцы везла я на арбе.
Ты тогда, отец, сажал деревья.
Их цветенье – память о тебе!

5

Дальше по твоим следам иду я,
Дальше к лесу – берегом реки,
Я места знакомые минуя,
Где семьей столпились бугорки.

Я иду тропинкою лесною.
Ты меня аукни, ты покличь!
Вот на это дерево большое
Вешал ты подстреленную дичь.

Я в лесу сегодня безоружна,
Но, как ты, я этот лес люблю.
Я, отец, не струшу, если нужно,
Если нужно, я не отступлю.

Я поймаю здесь лесную птицу
Цепким острием карандаша,
И в блокнот на белую страницу
Опущу я птицу, не спеша.

Старый лес ведет со мной беседу,
Ветки обнимают, как тогда...
– Лес! Я за отцом иду по следу,
Помнишь ли отца? –

Кивает:
– Да!

6

Ты, отец, стоишь передо мною,
Ты, отец, живешь в моих глазах.
Будто над селом и над горами
Дочку поднимаешь на руках.

Я беседую с горами теми,
Где косуль стрелял ты в вышине
И, подставив руки мне, как стремя,
Поднимал по тропке на спине...

Ты погиб, отец, но на вершину
Проторил прямую тропку нам.
Я твои стремленья завершила,
Поднимаясь по твоим следам.

Глажу, словно голову седую,
Крутолобую вершину гор,
И с орлами вольными веду я
О тебе, отец мой, разговор.

Сердце песен тех не забывает
Тех старинных, слышанных вдвоем.
Кажется, что эхо подпекает
Мне усталым голосом твоим...

Как твое дыханье, ласков ветер,
Веющий с заснеженных высот.
Ты, отец, дороже всех на свете,
Мне тебя, родной, недостает.

7

Ты меня с собою брал повсюду,
Хоть порою волновалась мать.
И теперь, отец, я вечно буду
Каждый шаг твой сердцем вспоминать.

Все тебе советуют, бывало,
«Дочка хороша, но дочки мало,
Истари обычай говорит:
Нужен сын, а дочка улетит».

«Дочка в сердце – мед в тяжелых сотах, –
Ты им отвечал, отец, всегда, –
Для чего мне непутевых сотня?
Знаю, дочка будет стоять ста!»

Ты хотел, чтоб я была похожа
Красотой и скромностью на мать,
Чтобы, как она, умела тоже
Юношей в своем селе пленять.

Чтобы мудрость я взяла у деда,
Дело доводила до конца:
Чтобы цели достигало дело,
Словно пули моего отца.

Возвращался ты домой усталый –
Как тебе хотелось помочь!
Поскорей похожей стать мечтала
На тебя, на деда и на мать.

Плавно время движется по кругу.
Стынут угли в бронзовой золе...
Ты приди и протяни мне руку –
Нет надежней счастья на земле!

8

В этот вечер я должна впервые
В сельском клубе прочитать стихи.
Так прислушайтесь, мои родные,
К робкому дыханию строки.

Было все вокруг обыкновенным,
Ведь свое село – своя семья.
Оттого бледнел мой стих, наверно,
И, смутясь, краснел, совсем, как я.

Звук последний прозвенел и замер,
В зале речкой песня поплыла...
Отыскала мать меня глазами,
Подошла и крепко обняла.

И сказала, что отец бы снова
Похвалил, как прежде: афарым !
Матерью подаренное слово
Показалось мне тогда твоим.

Кто ж еще меня ласкает взглядом,
В чьих глазах застенчивость и свет?
Кто же, молчаливо стоя рядом,
Свой неловкий комкает букет?..

9

Мой отец, тебя земля вобрала,
Словно воду в летнюю жару.
Дав мне жизнь, чтоб я жила, дышала,
С воздухом ты слился поутру.

В этой жизни счастья очень много,
В ней любовь, и верность, и друзья.
Но отца, что вывел на дорогу,
Ни забыть, ни заменить нельзя.

Вспомню о тебе – и стану выше,
И трудолюбивей, и верней,
Ты в моих стихах живешь и дышишь,
В жизни повторяешься моей!

Хасан ШОГЕНОВ

Хасан Хазизович Шогенов родился в 1931 году в сел. Чегем КБАО. В 1956 г. окончил отделение кабардинского языка и литературы Кабардинского государственного педагогического института, а в 1964 г. – отделение русского языка и литературы Пятигорского института иностранных языков. После трех лет работы учителем в чегемской школе его перевели в районный отдел народного образования, где он 15 лет возглавлял методический кабинет. Потом долгое время был директором школы и в Чегеме-I, и в Чегеме-II.

Хасан Хазизович – отличник народного образования РСФСР, имеет ряд правительственных наград.

Человек с большим жизненным опытом, он – автор нескольких повестей, ряда рассказов и очерков. Книжным издательством «Эльбрус» изданы книги Хасана Шогенова «Следы времени», «Приметы счастья», «Раны на сердце», «Фатима».

Редакция журнала предлагает своим читателям отрывок из повести Хасана Шогенова «Два друга», посвященного героической борьбе советского народа против фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны. Повествование ведется от имени одного из героев повести – бойца Ивана. Иван и его друг Пако убежали из концлагеря и пробираются к своим.

ВСТРЕЧА В ЛЕСУ

Отрывок из повести «Два друга»

Я лежал, прислушиваясь к звукам леса. На какой бы бок ни переворачивался, не мог уснуть. Вдруг я услышал гул самолета. Звук все усиливался, и совсем близко от нас на землю рухнул самолет, с треском ломая высокие деревья. Пако вскочил. Там, где упал самолет, загорелся лес, и мы долго ждали, пока пламя затухнет. Тогда мой друг и говорит:

– Пойдем туда, пожар вроде немного утих. Может быть, кто-то еще жив, и ему нужна наша помощь! Если летчик прыгал с парашютом, то он недалеко отсюда. Может быть, вернется к тому месту, где упал самолет, чтобы хотя бы посмотреть на остатки своей машины. Летчики, наверное, смелые люди! Если летчик этого самолета еще жив, Иван, скорее всего, придет сюда.

К тому времени мне стало немного лучше. Бог знает, может быть, меня напугал сторевший в пожаре самолет, и из-за испуга боль отступила, или, может быть, немного успел передохнуть, точно не знаю отчего, но мне стало гораздо легче.

– Хорошо, я постараюсь встать сейчас, и мы пойдем туда, Пако, – сказал я. Потом я сам, без помощи друга, встал. Но как только встал на ноги, словно новорожденный теленок, качнулся в сторону. Пако подхватил меня за руки. И тут мы оба, не задерживаясь, держась друг за друга, пошли. Шагов через сто достигли места, где сторел самолет. Обломки

машины были разбросаны вокруг. Мы стояли и думали о судьбе летчиков, как вдруг в тиши леса послышались чьи-то шаги. Мы с Пако присели и наострили уши. Кто бы это мог быть?

– Слушай, Пако, по-моему, это медведь! – шепнул я своему другу.

– Может быть, и медведь, – ответил он.

Для нас и медведь, и немец одинаково были опасны. Еще бы – у нас не было никаких сил на схватку ни с тем, ни с другим. Мы и так еле держались на ногах. Шаги, кажется, приближались. Разве можно было так лежать и дать медведю разорвать себя? Мы с Пако одновременно приподнялись, и Пако шепнул мне:

– Давай спрячемся быстрее!

Мы поспешно скатились в большую воронку от снаряда и стали ждать. Но как только мы спрятались, шаги заглохли, словно они ждали, когда мы спрячемся. Нас больше всего злили вороны, кружившие над деревьями. Они надоедливо каркали, дрались между собой, словно хотели известить нас и спасти от какой-то опасности. Сквозь вороний гвалт мы снова услышали шаги. Мы еще больше притаились. И вот из-под огромного дерева привстал высокий мужчина.

– Вот! Мы точно догадались, что там кто-то есть. Видишь, Пако, того мужчину? – спросил я своего друга.

– Как не вижу, Иван? Очень даже хорошо вижу. Это летчик. Я же говорил, что он, если жив, вернется к своему самолету. Мне кажется, на нем погоны наши. Ты не заметил, Иван? – спросил Пако.

– Ты, по-моему, прав, Пако, – ответил я.

В правой руке мужчина сжимал пистолет. Что-то коричневого цвета держал в левой. На спине, кажется, был вещмешок.

– Нам повезло, Пако. Летчик, конечно, наш. Мне кажется, нам следует дать о себе знать, – сказал я ему.

Но он перебил меня:

– Не торопись пока, Иван! Это надо хорошенько обдумать! Нельзя поступать опрометчиво. В спешке что-то не так сделаешь, потом трудно будет исправлять. Насчет этого у адыгов хорошая пословица есть, Иван. «Сначала подумай, потом говори, сначала оглянись, потом садись!» – говорят.

Пожалуй, мой друг прав. Не каждому можно объяснить, что нас немцы пленили в безвыходном положении. Даже не станут слушать. «Зачем сдались фашистам?», «Зачем не застрелились?», «Теперь вы хуже самих фашистов!» – вот что можно услышать. И никто, наверное, не станет выслушивать, как мы в окружении были тяжело ранены, как потом фашисты взяли в плен, как нас бросили в концлагерь и держали там, как мы дважды сбежали оттуда. Не дадут и слова сказать и вынесут приговор – расстрел. Так что мы с Пако, все так же тихо лежа в воронке, следили за действиями мужчины. А тот неспешно осмотрел место падения самолета. Потом, хмурясь, подошел к высокому дереву, что стояло неподалеку от нас. Мужчина свой пистолет положил в кобуру, снял со спины вещмешок, положил рядом. И, словно что-то потерял, долго осматривался, потом развернул рубашку и, расстелив под деревом, сел. После этого достал из вещмешка

банку консервов, кусок хлеба и стал есть. Как только мужчина закончил трапезу, снял комбинезон, накрылся им вместо одеяла и лег спать. Мы следили за ним некоторое время, не спуская глаз, но он даже не шелохнулся. Мы тоже договорились поочередно поспать в этой воронке.

– Ты сейчас отдохни, Иван. А потом – я, – сказал Пако, и я лег и сразу же заснул. Меня разбудил Пако: – Иван, разве не слышишь этот шум? Спишь как мертвый!

Мы насторожились, явно кто-то шел в нашу сторону. А мужчина под деревом хоть бы что – лежит и лежит.

И вот Пако шепчет мне на ухо: «Иван, смотри, это медведь идет!» Я тоже посмотрел более внимательно, и, действительно, это был медведь.

В этот момент мужчина, который лежал под деревом, вскочил на ноги, увидел медведя, быстро достал откуда-то свой пистолет и выстрелил. Медведь заревел и кинулся вперед. Мужчина выстрелил второй раз. Тогда громадный медведь с ревом растянулся на земле и затих. Мужчина и в третий раз прицелился, но после спуска курка пистолет не выстрелил, просто тихонько щелкнул. В пистолете уже не было патронов. Мужчина осторожно подошел к медведю и носком сапога пнул его в бок. Медведь не шелохнулся. Тогда мужчина полез в свой вещмешок и достал кинжал. Мне показалось, что это румынский кинжал. Мужчина присел возле убитого медведя, отрезал ляжку, потом собрал сухие ветки, развел костер. Когда мясо поджарилось, он снова достал кинжал и отрезал от ляжки кусок мяса и съел. Остальное мясо он порезал на куски и положил в вещмешок и пошел в ту сторону, откуда и пришел. Мы долго следили за ним. Потом мы вылезли из воронки и дотащились до убитого медведя. Мы умирали с голоду и в то время готовы были съесть что угодно. Но у нас не было ножа. Потом мы нашли пустую консервную банку и то, что осталось в ней, поочередно облизали. Потом посмотрели вокруг и нашли кусок мяса, который уронил мужчина. Съели и этот недожаренный кусочек, и нам стало немного лучше. Потом мы стали осматривать медведя со всех сторон и случайно увидели большой румынский кинжал, что торчал его боку.

– Мужчина забыл свой кинжал! Не такие уж мы с тобой, Пако, несчастные, – сказал я.

Пако взял кинжал и вырезал из туши медведя два куска. Не терпелось, и мы съели почти сырое мясо. Потом Пако сказал:

– Иван, сразу много нельзя есть. На первый раз хватит. А теперь лучше не торопиться и как следует поджарить мясо. У нас не было ни еды, ни огня, чтобы готовить, но Аллах вдруг все дал. Давай разведем хороший огонь и поджарим мяса про запас.

Решили, что лучше не откладывать, быстро собрали сухие дрова, развели хороший огонь и принялись за дело. Отрезали оставшееся мясо и положили на горящие угли и пожарили до красноты. Медведь, наверное, был молодой. Мясо быстро поджаривалось.

Жареное медвежье мясо было такое вкусное, что мы не удержались и поели еще. Потом, аккуратно завернув все жареное мясо в мою рубашку, засобирались в дорогу.

И пустую консервную банку, которую мы облизали, и полкоробочки спичек, которую нашел Пако, взяли с собой. Я, конечно, взял и румынский кинжал. И тут мы услышали шорох шагов – это, конечно, возвращался летчик. Мы снова залезли в воронку и стали следить. Вот летчик вернулся и что-то ищет под деревом, где лежит убитый медведь.

– Он что-то ищет, Пако, – сказал я.

– Наверняка идет свой кинжал, – шепнул Пако.

Конечно, мужчина заметил, что после его ухода здесь кто-то был, что и часть медвежьей туши кто-то унес. Раз заметил, то и нечего было кинжал искать. Это, видно, понял, наконец, и летчик, и тогда, не задерживаясь ни на минуту, быстро побежал в ту сторону, откуда пришел. В одно мгновение он исчез. Мы тоже не стали задерживаться, вылезли из воронки, направились в ту же сторону, куда и мужчина, и пошли следом за ним. Мы хорошо отдохнули, наелись и шли легко.

– Куда, интересно, подевался этот летчик? – все спрашивал Пако. Мы шли сквозь чащу дремучего леса, издалека доносилась канонада.

– Наверное, наши отступают. Утром канонада слышалась более явно, – сказал Пако.

– А бог его знает, может быть, и так, – сказал я, останавливаясь. Показалось, где-то недалеко от нас журчит ручей. Пако тоже прислушался и говорит:

– Иван, слышишь журчание ручейка? Это недалеко. Давай дойдем до него.

Мы прошли несколько десятков шагов и встретили небольшой ручеек, который протекал сквозь лес. Долго пили и не могли напиться.

– Вот было бы здорово, Пако, если б можно было в животе запасти воду на завтра и послезавтра.

Он кивнул, мол, это было бы отлично! Потом мы присели и перекусили. Посидели немного.

– Уже стемнело, Иван! Переночуем здесь. Ночью мы не сможем идти дальше, – сказал Пако.

– Ты прав, Пако. Я тоже так подумал. Лучше ночью отдохнем, а днем пойдём, так будет легче, – согласился и я. Но вдруг, как только мы стали собираться на ночлег, послышались шаги.

Мы оба посмотрели в ту сторону, откуда доносились шаги, но ничего не заметили. Мы, не задерживаясь, спрятались недалеко от берега в кустарнике. Вдруг небо обволокло темными тучами. Стало темно, мы с трудом видели друг друга. Притаившись, сидели в кустах, как вдруг, неизвестно откуда и как, перед нами упал большой круглый камень.

– Тот, кто бросил этот камень, конечно, не лесной зверь, Иван, – шепнул Пако. – Если б этот камень упал на кого-то из нас, то убил бы сразу.

– Пако, – шепчу я своему другу, – может быть, это летчик?

– А кто его знает, но, что ни говори, он кинул в нас камень не с целью, чтобы просто кинуть и спрятаться. У него на уме ничего хорошего. Мне кажется, что он хочет напасть на нас, – сказал и Пако.

– Пако, у того, кто кинул камень, мне кажется, нет никакого оружия. Если бы у него было оружие, то он, думаешь, стал бы кидаться камнями? Не стал бы.

– У мужчины, который убил медведя, был пистолет, Иван. Разве не помнишь? Как мы оба видели, он из пистолета пристрелил медведя. Я не считаю его трусом, Иван. Не знаю, как ты смотришь, но тот, который убил медведя из пистолета, – настоящий мужчина. Он умело обращается с оружием. И силой, как я видел, он тоже не обделен. Никому не даст себя обидеть, – тихо сказал Пако.

– Это все хорошо, Пако, но почему теперь нет никакого шума? Кинул один раз камень и успокоился. Неужели он думает, что одним броском он убил нас? – шепнул я на ухо Пако.

– Бог знает, что у него на уме. Давай спрячемся в другом месте.

– Зачем, Пако?

– Посмотрим, что он будет делать.

– А что он будет делать?

– Если он хочет к нам, тогда даст знать.

– Ладно, давай в другое место.

– Тогда пошли быстро, – сказал мой друг и пошел впереди меня. Когда мы переходили ручеек, кто-то выстрелил из кустов. Пуля со свистом пролетела мимо нас. На этот раз нас спас Аллах.

Но в этот момент Пако споткнулся и упал в воду. Я испуганно бросился к нему, я подумал, что его задела пуля, но, слава богу, это было не так.

Мой друг просто споткнулся о камень, который лежал в воде. Мы не стали останавливаться и пошли дальше. Вошли в глубину леса, остановились и спрятались там. Сидим, и вдруг опять слышали какие-то шаги сзади. Тогда Пако приготовил свой кинжал.

Мы, насторожившись, просидели с полчаса. Пока мы там сидели, тучи на небе потихоньку рассеялись и показались звезды, вновь засветила луна. То большое и темное, что мы заметили, когда еще было темно, оказалось подбитым танком. Перевернутый танк до половины скрывался в воронке от бомбы.

– Пако, пойдём, посмотрим танк. Может быть, мы там найдем какое-нибудь оружие, – сказал я. Но Пако не согласился.

– Не спеши, Иван. Утром посмотрим. В темноте можно случайно наступить на мину.

Я не стал спорить с Пако. Оба затихли и некоторое время сидели молча. Потом издалека донесся гул самолета. Ночью звук слышен далеко. Он долго гудел в наших ушах. Но гул никак не приближался, он доносился издалека. Казалось, что этот звук доносится из-под земли. Мы все сидели, и гул самолета стих. Потом воцарилась тишина, и мы так просидели, пока сон не начал одолевать нас.

– Будем спать по очереди, – сказал Пако. – Ты первым поспи, а я посижу. Если какие-нибудь шумы будут, я тебе дам знать.

Я прилег и сразу же уснул. Как только уснул, во сне увидел мужчину, который убил медведя, и он мучил меня. Он до того был страшен, что я от страха закричал и проснулся.

– Что, Иван, плохой сон видел? – спросил он.

– Да.

– Что видел?

– Мужчину, который из пистолета убил медведя.

– Как ты его видел?

– Он долго гонялся за мной, чтобы застрелить. Потом загнал на вершину высокой скалы, и когда мне деваться было некуда, приставил к моему лбу пистолет. Когда он стал нажимать на курок, не зря говорят, что жизнь сладка, я не выдержал и вскрикнул.

– Интересно! Это то, что с нами сейчас и происходит. Тот, кто кинул камень, и тот, кто выстрелил из пистолета, – один и тот же человек. И это, наверное, летчик, который убил медведя, – сказал Пако.

– Ничего не понимаю. Может, я погибну от руки этого мужчины, Пако?

– Ну что ты, Иван!

– Короче, Пако, я немного поспал и отдохнул. Теперь твоя очередь. Спи, а я покараулю.

Пако не стал возражать, лег и уснул. Ночь была светла, словно день. Кругом тишина, словно и нет никакой войны. Сидя рядом со спящим Пако я подумал – почему бы мне не сходить сейчас к танку? Я не смог удержаться от этого соблазна, взял кинжал и пошел.

Ступая как можно мягче, стараясь не шуметь, подошел к краю воронки, в которой лежал подбитый танк. Воронка уже заросла бурьяном. Внутри ничего не было видно. Двухметровый сорняк закрывал все и не давал ничего рассмотреть. Здесь смогла бы спрятаться целая стая волков. Один бок танка был закрыт колючками. Другой торчал из воронки. У разбитого танка люк был прямо под открытым небом и все, что падало, снег или дождь, попадало в него. Я решил залезть внутрь, зажечь спичку и посмотреть. Подумал и не решился. Как сказал Пако, рассвета, не будет, что ли? Почему нельзя осмотреть танк утром? Если вдруг что-то случится, я окажусь виноватым.

«Мой товарищ не послушался меня», – скажет Пако и обидится. Когда я стоял и так думал, раздался выстрел из пистолета. Здесь у меня в глазах потемнело, ноги поскользнулись, и я почувствовал, что падаю внутрь танка. Ум работал нормально. Я упал вниз и через несколько минут пришел в себя. Достал из кармана спички. Зажег и осмотрелся. Я лежал среди трупов. Сердце затрепетало. Спичка сгорела и потухла. Дрожащими руками я снова зажег спичку и вновь осмотрелся. Трупы были до черноты обгорелыми. Что-то горячее потекло с головы и залило лицо. Я пощупал голову. Хоть я и не подозревал, пуля из пистолета попала, наверное, в меня. На мое счастье, рана была неглубокой. Опять достал спички и зажег. Вытер рукавом кровь. Но разве этим кровь остановишь?

И тут кто-то сверху:

– Поднимите руки и выходите. Если сейчас же не вылезете из танка, убью всех!

Переждав несколько минут, я осторожно высунул голову, осмотрелся, но ничего не увидел.

Я заметил, что у входа в танк лежал и блестел кинжал. Я схватил его и спрятался внутрь танка. Не успел присесть, как снова сверху крикнули:

– Если не выйдете, пока сосчитаю до трех, то взорву то, где вы сидите! Раз! Два! – когда он начал считать, я вышел с румынским кинжалом в руке. Вылез и вижу – Пако с поднятыми руками стоит перед мужчиной, который убил медведя.

– Брось кинжал! – приказал мужчина, направляя на меня пистолет, и я бросил кинжал. – Там еще кто-нибудь остался?

– Нет, никого там нет! – ответил я.

– Руки за шею! – приказал мужчина, и мне пришлось выполнить его приказ.

– Вы вместе? – спросил мужчина, обращаясь к Пако.

– Вместе! – ответил Пако.

– Откуда взялись? Абреки, что ли? – спрашивает мужчина.

– Не абреки мы! Мы советские! Только что сбежали из немецкого концлагеря! – сказал Пако, глядя снизу вверх на собеседника.

– Если сбежали из немецкого концлагеря, то вы не советские, вы фашисты! Я сейчас вас расстреляю! – сказал мужчина и приставил пистолет к виску Пако.

– Подожди! – крикнул я, но несмотря на это мужчина нажал на курок. Но пистолет не выстрелил. Он нажимал на курок раза за разом, но выстрелов не было. Потом, когда он глянул в сторону кинжала, я сам быстро схватил его. В тот момент, когда мужчина стал подходить ко мне, чтобы отнять кинжал, Пако, словно тигр, прыгнул и вцепился ему в горло. И вскоре уложил его, словно дохлую овцу.

– Теперь твоя очередь, парень! – сказал Пако. – И мы теперь имеем возможность сделать с тобой то же самое, что ты делал с нами. Говорят, не рой яму чужому – сам туда попадешь! Руки за спину и вставай!

Мужчина встал и распахнул грудь, глянул на меня и крикнул:

– Вонзи в мою грудь кинжал! Я не хочу стать немецким пленником! Если не хотите убить меня, то дайте мне кинжал, я сам себя убью!

– Да не ори ты, парень, поговорим спокойно, мы не немцы и не фашисты. Мы тоже служили Советской власти, как и ты. Война не игра. Со всяким может случиться то, что с нами случилось. Над этим нельзя смеяться. Мы просто ищем своих. Если мы виноватые, то пусть судят. Мы правды не боимся, – сказал Пако. Эти слова заставили задуматься мужчину, который стоял перед нами. Не скоро он вымолвил слово. Задумавшись и опустив голову, стоял долгое время, дрожа.

– Если вы не боитесь правды, то я тем более! Если вы говорите правду, если не обманываете меня, могу быть с вами заодно. Но если обманываете, потом будет стыдно перед собственной совестью. Рано или поздно – я вам не прошу, – выделяя каждое слово, четко сказал наш пленник.

– То, что мы тебе сказали, никогда не окажется неправдой, парень! Хватит, что мы спорили. Меня зовут Пако, а его – Иван. А как тебя величать. Как твое имя? – спросил Пако.

– Меня зовут Хатахшоко.

– Фамилия?

– Казгериев.

– Откуда родом, Хатахшоко?

– С Кавказа.

– Кавказ – понятие растяжимое.

– Откуда именно? Родился я в Кабарде. Но еще совсем маленьким, в пятилетнем возрасте, выслали. Вместе с родителями жил в Сибири.

– А зачем вас выслали в Сибирь?

– Я не знаю, служил он или нет, но говорили, что мой отец служил эфендием. Потому и выслали. Правда, он умел говорить на арабском языке. Я часто слышал, как мой отец и моя мать говорили между собой на арабском. Даже меня научили.

– А чем занималась твоя мать? – спросил я его.

– Она окончила институт, учила детей. Хорошо знала русский язык и алгебру. Она учила обоим предметам.

– И сколько лет вы прожили в Сибири?

– Десять. Мой отец умер там, там и похоронили. Тогда освободили мою мать. Мне было уже пятнадцать лет. Мы уехали. Но моя мать не захотела вернуться в Кабарду. «Если вернемся, не дадут спокойно жить. Я сейчас беспокоюсь о тебе, Хатахшуко. Приклеят к тебе ярлык «сын эфенди» и твою жизнь превратят в ад. Лучше жить в таком месте, где нас никто не знает», – сказала она, и мы с матерью, без жилья, перебиваясь случайными заработками, оставаясь там, где нас приютят, несколько лет бродили по стране. Потом счастье повернулось к нам лицом и в каком-то институте моей матери дали работу. Она хорошо с ней справлялась. Вскоре многие работники этого института стали ее хорошими друзьями. Работая, она и аспирантуру закончила. Потом стала и доктором математических наук, профессором. К тому времени подошел мой возраст и меня призвали в армию. Попал в летное училище. Закончил его с отличием, но тут началась война. Был несколько раз ранен, но всегда, вылечившись, возвращался в полк, – сказал Хатахшуко.

– Много фашистских самолетов сбил, Хатахшуко? – спросил Пако.

– Не то чтобы очень много, но на моем счету примерно десять немецких самолетов, – ответил тот. Действительно, на кителе парня было много наград.

– Значит, Хатахшуко, ты тоже пережил трудную жизнь. Если останешься в живых и вернешься к своей матери, она будет счастлива! Вести от матери есть? Если она у тебя еще жива, то ты счастлив.

– Нет, она не жива. В прошлом году получил весть, что ее убили фашисты. Наверное, бог решил, что мы больше не увидимся, – когда Хатахшуко говорил эти слова, на его глаза навернулись слезы.

– Как это случилось, Хатахшуко? – спросил я.

– Моя мать вместе с работниками института, где она работала, ушла партизанкой в лес. Они не давали покоя фашистам. Не раз и не два фашисты нападали на партизан, но у них ничего не получалось. Но потом, собрав большие силы, окружили партизанский отряд. Захваченных в плен фашисты живыми бросили в яму. Облили бензином и сожгли!

Рана, которую нанес мне Хатахшуко, к счастью оказалась неглубокой, и сам Хатахшуко, который ранил меня, достал из вещмешка бинт, лекарства и аккуратно перевязал мою рану. После он достал продукты из своего вещмешка и накормил нас. Потом все легли и уснули. Когда мы проснулись, было уже послеобеденное время. Солнце клонилось к западу, вокруг стояла тишина, не было слышно даже канонады...

Заудин Маремов, ветеран нашей журналистики, известен как автор многих очерков о людях трудовой доблести и публицистических статей на актуальные темы жизни. В этом номере мы публикуем отрывок из его документальной повести.

ВОЙНА ГЛАЗАМИ ПОДРОСТКА

Отрывок из документальной повести

Великая Отечественная война засела в моей мальчишеской памяти не публичной казнью партизан, как на Украине, или массовым сожжением детей, стариков и женщин в сарае, как в Белоруссии. Всего этого не было в моем Нартане не потому, что изменился звериный характер оккупантов и вдруг их охватили проснувшиеся в сердцах гуманные чувства к покоренным народам – нет, конечно, они просто не успели исполнить свои варварские замыслы, хотя готовились к уничтожению и у нас всех тех, кого считали настоящими или потенциальными противниками фашизма. С помощью предателей среди местного населения они составляли списки этих лиц. И среди них находилась моя родная сестра, доярка колхоза, первый кавалер ордена «Знак Почета» в Нартане, депутат Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР Жану Матановна Маремова, чей муж находился на фронте, а сама она не могла бросить четырехлетнего ребенка и уйти в лес с партизанами. В этих списках были имена и других односельчан, которые честно служили своему народу и когда-то нанесли мелкие обиды доносчикам, ставшим прислужниками оккупантов и с охотой предоставлявшим чужеземцам данные о «неблагонадежных», с точки зрения немцев, наших односельчан.

Эти неоконченные списки, как и занесенных в них людей, не успели уничтожить немцы и их приспешники – так быстро были изгнаны из села.

Если бы не это наступление Красной Армии, освободившей Нартан в самом начале 1943 года, можно представить себе то зверство, которое могли учинить фашисты и над ни в чем не повинными жителями моего села. Мне шел тогда двенадцатый год, и я хорошо помню, как, узнав после изгнания немцев о том, что собирались казнить ее дочь, моя мать Гашамаша, крепко прижимала к груди своего внука Жорика, сына Жану, и горько причитала: «Звери они, за что хотели осиротить моего мальчика, убив его мать, разве недостаточно того, что проклятая война отняла у него отца? О, Аллах, всемогущий, покарай этих злых псов!»

Я хорошо помню время перед захватом Нартана немцами. Была осень. На колхозных полях, раскинувшихся между грейдерной дорогой (нынче федеральная дорога «Кавказ») и лесом, бурно росшим на склонах от Вольного Аула до с. Урвань, созрел в том году богатый урожай кукурузы. Стояла теплая, солнечная погода, и старики с женщинами, подростками вручную убирала крупные увесистые початки, которыми

наполняли плетеные из тонких прутьев сапетки, и ссыпали кучами на землю. Меня и моего друга и ровесника Ладина Хагабанова бригадир определил в помощники к нашим отцам Матану и Талиму, вывозившим кукурузу в Нальчик на элеватор на подводах, запряженных быками. Они не знали отдыха и нам не давали присесть ни на минуту, заполняя кузова подвод с высокими плетеными надставками кукурузой. На элеваторе отцам не требовалась наша помощь, так как там они разгружали подводы путем опрокидывания, поэтому Ладин и я оставались в поле. Однако отдыхать до возвращения подвод с элеватора нам не давал бригадир, который заставлял нас подключаться на это время к тем, кто убирал початки.

Однажды мы пожаловались отцам на эту с нашей точки зрения несправедливость к нам бригадира, но они оба в один голос сказали, что мы уже большие мальчики и должны работать так, как и все колхозники.

– Вы же понимаете, что идет война, – сказал нам твердо, но ласково мой отец, – а солдатам надо кушать. Если не мы с вами, кто их обеспечит едой. Вон, видите, как они смело воюют с немцами, которых не пускают вот уже третий месяц через реку Баксан, – продолжал он, показывая рукой на север, откуда время от времени доносились гулкие звуки взрывов снарядов и вой самолетов.

Полевой стан, построенный из саманных кирпичей, располагался недалеко на берегу речки Мишхиг. Дом был большой с двумя рядами просторных комнат внутри вдоль длинного коридора. В помещениях было светло, чисто и уютно, они освещались электрическим током. Здесь в разгар весенних и осенних полевых работ колхозники жили с ночевкой, здесь же располагались кухня, столовая и комната для грудных малышей, за которыми ухаживали моя мать и ее подруга Марьян Тамбиева. На полевом стане находились несколько дойных коров, небольшая отара овец, продукция от которых шла на общественное питание колхозников. Несмотря на то, что немцы уже стояли на берегу реки Баксан и могли в любое время занять Нальчик и близлежащие села, в том числе Нартан, все еще действовали на полевом стане порядки, заведенные в лучшие годы колхозной жизни, когда щедро выделялись самые разнообразные продукты не только на общественное питание, но и колхозникам выдавали осенью на трудодни сельхозпродукты. Так много зерна и картофеля получали они, что порою многие отказывались их принимать, особенно картофель, чтобы не возиться с его хранением на зиму. Также тем, кто работал в колхозе, выдавали в виде оплаты труда сыр, топленое и подсолнечное масло, овец, даже мед и арбузы.

Данное место стоянки колхозников называлось полевым станом Кедары – по имени известного во всем селе бригадира Кедары Бештоева. Давно уже нет этого стана и самого бригадира, но до сих пор место это носит имя Кедары.

Все рухнуло с оккупацией села фашистами, которые полностью разрушили хозяйственные постройки колхоза, в том числе все четырнадцать подобных описанному выше полевых станов бригад. Оккупанты разграбили и весь урожай сельхозкультур, которые колхозники не успели

вывезти на элеватор, а также весь скот, в том числе более десяти тысяч овец, тысячи голов крупного рогатого скота и лошадей.

А пока немцы еще стояли на Баксане. Старики, женщины и мы, подростки, делали все возможное, чтобы быстро убрать созревший на полях урожай. Но не успели.

Все началось в один из погожих дней октября 1942 года. Как обычно, с утра мы продолжили свое дело. Нагрузили подводы початками кукурузы, и старшие повезли их в Нальчик. В это время вдруг небо над нами огласил страшный протяжный гул десятков самолетов, которые парами стали делать большие круги, видно, высматривая объект для бомбежки. Колхозники побросали свои сапетки и в панике бросились в сторону села. Кормящие матери на ходу выхватывали из люлек, находившихся на поле-вом стане, встревоженных и громко плачущих малышей, и что есть силы неслись подальше от адского места. Они спотыкались о стебли кукурузы, падали, но вновь вскакивали и бежали, бежали в сторону села.

Мы с Ладином Хагабановым тоже припустили вместе со всеми. При каждом приближении к нам очередной пары вражеских самолетов мы быстро ложились на землю. Так учили нас педагоги, когда началась война, но школы еще работали. Женщинам мы советовали делать то же самое, но они так торопились, что не хотели тратить время и отказывались ложиться.

Слава богу, что и колхозницы, и мы благополучно добрались до дома; никто не пострадал от бомб. Зато на грейдере мы видели одну разбитую машину-полуторку и подводу, рядом с которой лежала и истекала кровью одна лошадь, а другая, живая и до смерти напуганная, рвалась во все стороны, не в силах тащить ни разбитую подводу, ни мертвую свою напарницу. Ни возле машины, ни возле подводы мы не увидели живых или мертвых солдат, видимо, они бросили подбитый транспорт и ушли подальше от опасного места в близлежащий лес. Среди бежавших женщин была известная во всем Нартане боевая, смелая, передовая колхозница Дзадзуна Абазова. Одному Аллаху известно, как в ее руках оказался нож. Но, увидев попавшую в западню лошадь, она подошла к ней, ласковыми словами успокоила ее, обрезала кожаные постромки и отпустила животное. Почувствовав свободу, лошадь не убежала от людей, а с болтающимся на шее хомутом понеслась туда, куда и люди.

Наши отцы Матан и Талим успели только разгрузить на элеваторе свои подводы, как началась та бомбежка. Они погнали быков с пустыми подводами как можно быстрее. Но не домой в Нартан, а туда, где мы с Ладином остались на кукурузном поле. Но здесь они не нашли ни нас, ни тех, кто только что убирал урожай. Их охватила страшная тревога, когда увидели две воронки от разорвавшихся бомб – одна на меже между лесом и кукурузным полем, другая возле самой кучи початков, из которой часа два-три тому назад мы и брали кукурузу и наполняли ею бричку. Матан и Талим искали нас, уже не надеясь найти живыми, и в зарослях кукурузы, и в лесу, решив, что мы могли с перепугу убежать туда от вражеских самолетов и заблудиться. Они обошли все близлежащие лощинки, поляны,

обыскали все кусты, громко выкрикивая наши имена, руками разгребали свежие и рыхлые земляные насыпи, образовавшиеся при разрыве бомб, думая о самом худшем, что могло случиться, если бы эти бомбы разорвались недалеко от нас. Отцы искали нас дотемна, до тех пор, пока их глаза не потеряли способность видеть вокруг себя что-нибудь. Только после этого они поехали домой.

Отец часто возил меня в лес за дровами или прутьями лесного ореха для плетения оград. В таких случаях он учил меня: «Если в лесу потеряем друг друга, тебе не надо идти никуда, так как можешь забрести так далеко, что не смогу потом найти тебя. Лучше жди меня там, где потерял дорогу, и громко зови меня – я найду тебя».

Если я поступал иначе, он сильно ругал меня.

На этот раз тоже я думал, что он отчитает меня за то, что не дождался в поле его возвращения с элеватора. Но, наоборот, сухо похвалил меня и моего друга за то, что ушли от немецких самолетов. При людях, да и наедине с нами, он никогда не перехваливал нас, его детей. Если был чем-то доволен, он просто говорил: «Правильно сделали, так поступают мужчины». А в тот день до самой полуночи возле нашего дома и дома Хагабановых толпились в волнении за наших отсутствующих отцов все наши родственники и соседи. Они знали, что в этот день немцы бомбили город Нальчик в то самое время, когда соседи и друзья Матан Маремов и Талим Хагабанов отправились туда на элеватор с очередным грузом кукурузы.

«Аллах, они бы давно вернулись домой, если живы. Если не погибли от бомб проклятых немцев», – шептали женщины тихо, чтобы моя мать и мы, ее дети, не услышали это страшное предположение. Только увидев Матана и Талима, хотя и измученных, но живых, с облегчением вздохнули до сих пор искренне сочувствовавшие нам хорошие люди и разошлись.

На следующий день бригадир с раннего утра стал обходить свой участок села и сообщать людям, что ночью все руководители колхоза, села, партийные и комсомольские работники ушли в лес в партизаны, оставив комиссию для распределения между колхозниками всего общественного имущества для хранения до изгнания немцев, которые перешли реку Баксан и могут сегодня же занять Нальчик, а оттуда до Нартана – рукой подать. Правда, еще несколько дней после этого враг не появлялся у нас. За это время люди успели поделить между собой то, что было в амбарах и на фермах колхоза.

Помню, что нашей семье досталось несколько мешков пшеницы, пшена, четыре или пять овец и очень красивый двухгодовалый жеребенок. Так как уборку кукурузы к этому времени не завершили, колхозникам было дано право по желанию выламывать початки и отвозить к себе домой. Правда, то, что оставалось в поле кучами, которых было немало, исчезло в первую же ночь после немецкой бомбежки.

Почувствовав отсутствие власти, люди растаскивали все, что было возможно. Несли домой пустые железные фляги, ржавые ведра, плуги, лемеха, а то и отдельные колеса, бороны, конскую упряжь, даже наша

соседка через два дома, чей муж до недавнего времени работал бригадиром, тащила на себе с близкого хоздвора тяжелое ярмо.

Отец собрал всех нас, своих детей, и нашу мать и строго наказал:

– То, что посчитали нужным, нам уже выдали, и я запрещаю тащить в наш дом сверх этого хоть один гвоздь, хоть палку. Нам харам не нужен.

А кукурузу, которую привезли нам для возвращения колхозу, когда прогонят оккупантов, он не разрешил засыпать в большую сапетку (ду), чтобы мать не соблазнилась кормить ею кур. По его настоянию все початки до единого мы спрятали на чердаке дома.

С тех пор как немцы заняли оборону по берегу Баксана, перестала работать электростанция на ней и люди освещали свои дома с помощью керосиновых ламп. Со временем стало невозможно достать керосин, как и соль, и мыло. В дни безвластия на Нальчикской МТС, находящейся напротив Нартана за рекой Нальчик, «ничейными» остались большие цистерны с так нужным людям керосином. По селу быстро распространился слух, что кто-то открыл краны этих резервуаров, из них вытекает на землю и пропадает даром добро. Люди стали растаскивать топливо ведрами, бочками и другими емкостями.

Сохраняя большую тайну от отца, и наша мать взяла два ведра с коромыслом и пошла за керосином. Отец видел, как люди, несшие керосин, проходили мимо нашего дома, заметил отсутствие дома матери, заподозрил, что она тоже пошла на МТС, и не ошибся. Только мать, вся в поту, еле дыша от усталости, с двумя ведрами керосина поравнялась с нашими воротами, как отец в гневе остановил ее и силой толкнул в плечо, она пошатнулась и упала, а ведра и коромысло разлетелись, разбрызгивая керосин в разные стороны. Это был на моей памяти единственный случай, когда наш отец так грубо обошелся с матерью. Мать, вздрагивая от обиды, подобрала пустые ведра, коромысло и молча вернулась во двор.

А вскоре после того, как наше село освободили от немцев, мы с отцом поехали на быках в лес за дровами. На обратном пути недалеко от дороги я заметил большой чугунный котел, оставленный то ли немцами, то ли нашими. Посуда эта очень пригодилась бы в хозяйстве, и я обратил внимание отца на нее.

– Хочешь, чтобы мы повезли котел к себе домой? – спросил отец и, не ожидая моего ответа, продолжил: – Ты, что ли, положил его туда, твой ли он? Нет же. Так что мы не можем присвоить чужое. Это харам. Пусть его берет тот, кто не боится Аллаха, а я не хочу гневить его, присвоив то, что мне не принадлежит.

Как только село было очищено от врага, отец пригласил представителей колхоза и вернул им всю кукурузу, которая на протяжении зимы пролежала на чердаке. А ведь многие, в том числе семья соседки, которая потащила к себе ярмо, и другие не возвратили хозяйству ни одного зернышка, сославшись на то, что все забрали немцы. А столько керосина натаскала осенью эта жена бригадира, что позже многие, и моя мать тоже, втридорога покупали горючую жидкость у нее.

Тамара ЧАНИЕВА

Под вуалью

Гром разлуки мне видится ближе и ближе,
я бешусь, не мирюсь, не терплю:
и зову, и звоню, и себя ненавижу,
и ночами гнедыми не сплю.

И ловлю каждый миг, и дышу ожиданием
то ль разлуки, то ль теплой руки.
Иль чужими сейчас, иль единым мы станем –
обстоятельства, словно крюки,

задевают, царапают, дергают речи –
без порезов по ним не пройти.
Пусть и душу и ноги себе покалечу,
но на этом, на нашем пути.

Ну что у нас за отношенья?
Нет в мире безрассудней доли –
с утра палящие сплетенья,
а на ночь – головные боли.

Мне в пору присобачить бирку
к себе – «Отдам в благие руки»!

И каждый день как под копирку:
живем от радости до скуки.

Отдам, отдамся без разбора,
чтобы не быть марионеткой,
чтоб миновать клеймо позора,
довольна буду душевной клеткой.

Я терзаю свои раненные нервы,
будто думаю, что чувство не пройдет,
будто ты у меня в жизни самый первый,
небывалый, резко прерванный полет.

Будто жгущего молчания не знала,
взгляда ждущего не ведали зрочки,
будто опыт чувств уже не проклинала,
не сжимала будто в гневе кулачки.

Все изведала любви лихие грани,
и на ощупь узнаю любой обман.
Все одна она – в Париже и Назрани...
под названием бесхитростным – роман.

Тревогой отдающие недели,
пронзающие месяцы – часы,
среди лета наступающие метели,
затерянные в шепоте басы...
Всем этим ты пути мне заграждаешь,
и я во дни вхожу, душой скорбя.
Все это ты один во мне рождаешь,
верней – не ты...отсутствие тебя.

Не долго до утра осталось:
уже четыре тридцать восемь.
А мне нужна от завтра малость –
мы – как дела? – друг друга спросим.
и оба скажем – все в порядке,
и оба скроем, что не спали,
что ночью в молчаливой схватке
друг другу глупо проиграли.

Ты, как и я, не думаешь о завтра,
о том, что надо заводить семью.
Дитя свободы, духа и азарта,
подкладываешь сам себе свинью
в моем лице. И я, и я туда же,
тянусь к тебе, как ветви к небесам.
И большей на земле не знаю блажи,
чем вместе прикасаться к чудесам.

В привычках ты и странен, и суров,
в движениях притягателен и тонок,
когда слегка приподнимаешь бровь,
мне кажется, что ты еще ребенок,
мне хочется прижать тебя к груди,
чтоб головные боли отступили,
мне хочется сказать тебе: «Войди!»,
но в дверь мою сейчас стучишься ты ли?!

Почему-то, когда остаешься один,
тебе кажется, всеми ты брошен.
И приходит тогда: к черту фальшь, к черту грим,
самым искренним буду, хорошим.

Чтоб звонил телефон, чтоб стучали мне в дверь,
чтоб улыбками чувства писали,
чтобы день проходил без обид и потерь,
чтоб любимые нас не бросали.

Бывает так: стрела в висок –
и боль, и в сердце жжение.
За часом бегают часок,
и душат подозрения.
Я, в прах разбитая тобой,
побитая изменою,

отчаянно бросаюсь в бой,
пока не стала пленною
на непонятно-долгий срок,
но знак как утешение:
в часах закончился песок,
а в жизни – отношения.

Любовь не путаю с влеченьем,
привычку с чувством, пыл – с теплом.
Таблетки – с истинным леченьем,
с тоскою рушащий надлом.

Так и с тебя – ни донжуана,
Ни Казановы не слеплю.
Живи безлико, безымянно,
я и таким тебя люблю!

Ахмед МИЗОВ

ДВА ГОТЪБЯ

Новелла

Почувствовав нежное прикосновение материнских рук, Руслан открыл глаза.

– Топа, (так звала его мать), ты проснулся? Уже семь. Ты просил разбудить тебя.

– А-а.

Как только мать вышла из комнаты, Руслан вскочил и быстро оделся.

– Опять ты не выспался. Тха, на твоём месте я не сидела бы у телевизора из-за футбола до глубокой ночи.

Выйдя из дома, Руслан посмотрел на небо. «И сегодня день будет ненастным», – стало портиться у него настроение. Хотя большая часть лета была уже позади, люди все еще хотели тепла. Уже больше месяца, за редким исключением, дни стояли ненастные. Каждый день шел дождь.

Побрившись, Руслан оделся в свой лучший костюм.

– Ты сейчас уходишь, Топа?

– Да.

– Ты бы перекусил. Есть калмыцкий чай и сыр.

Попив чаю, Руслан сел в машину и выехал со двора. Вчера начальник попросил, чтобы он съездил в Астемирово, на передовую ферму, с тем, чтобы ознакомиться с работой коллектива, и выступил по данному делу на предстоящем пленуме райкома комсомола.

Вскоре стекла машины стали мокрыми. «Ну и погода», – включил он дворники.

Когда он выехал из города, его опять стала занимать мысль, не дававшая ему покоя в последнее время. С тех пор, как окончил вуз, родные все время его теребили, чтоб он женился. Особенно настойчиво – мать. Отец, конечно, не заводил с сыном разговор на эту тему. Этикет адыгский не позволял. Все же Руслан чувствовал, что отец недоволен им – из-за нежелания привести в дом невесту. Стараниями матери кто только не обрабатывал его, скольких девушек предлагали, однако он оставался равнодушным. Нет, не из-за того, что девушки ему не нравились. Среди них были и красавицы на загляденье. Однако не было той, единственной, к которой его тянуло бы всем сердцем.

– Любовь – это сказка, – совершенно серьезно сказал ему недавно один из его друзей. – Выбери какую-нибудь подходящую, и баста!

Руслан был немного выше среднего роста, лицо вполне приятное. На лицу выходил всегда опрятно одетым, чисто выбритым. Туфли сверкали при любой погоде.

Девушки невольно заглядывались на него, да и сам он чувствовал, что нравится девушкам, но не задирает носа. Иногда он сам упрекает себя: пять лет учился в вузе, окончил его и работает уже несколько лет – неужели

за эти годы он не встретил ни одну хорошую девушку? Вот та, с которой его познакомили недавно, нормальная же? Красивая, умная, начитанная, скромная. Но... и к ней он остался, в сущности, равнодушным. Как жить с той, которую не любишь?

Он так увлекся своими размышлениями, что и не заметил, как приблизился к Астемирово. И даже проехал поворот, ведущий к ферме. Сповзвившись, развернулся и поехал по ухабистой дороге, приведшей его, наконец, к той самой ферме.

На воротах висел внушительный замок. Выйдя из машины, зашел в комнатенку дежурного. Было пусто. Потом, не спеша, направился в небольшой домик для работников фермы. Там тоже никого не было. «Видимо, все на дойке», – подумал он и зашагал в сторону коровника, откуда доносились голоса людей.

Поздоровавшись с женщиной, возившейся с флягой, Руслан спросил:

– Не подскажешь, где заведующий фермой?

– Он должен быть на той стороне коровника.

Поблагодарив ее, развернулся, и чуть было не столкнулся с девушкой, заносившей ведро молока. От резкого движения доярка даже пролила немного молока.

– Извини, ради бога! – лицо девушки покрылось краской.

Глянув в ее лучистые глаза, он онемел и некоторое время молча смотрел на девушку.

– Это ты должна простить меня, – придя в себя, улыбнулся Руслан. – Я виноват.

– Одну минуту!

Девушка забежала в комнатенку и вышла с чистой тряпкой в руках.

– Я забрызгала вашу туфлю. Сейчас почищу.

– Да что ты?.. У меня, слава богу, руки есть.

Взял тряпку и смахнул с туфли капельки молока.

– Спасибо!

Когда их взгляды встретились, девушка смутилась и, взяв ведро, зашла в другую комнату.

...Ознакомившись обстоятельно с делами коллектива, Руслан сел в машину и поехал обратно. Погода была такая же, что и утром, небо по-прежнему хмурилось, иногда накрапывало. Но у Руслана в душе была совсем другая погода – здесь светило солнце...

Когда лег спать, Руслан начал осмысливать прошедший день. Интересно, сколько бы ни старался, но вспомнить лицо девушки с фермы, которая ему так понравилась, он не мог. Запомнил только ее лучистые глаза. Оказывается, и так получается... Один взгляд незнакомой девушки перевернул весь его внутренний мир. «Извини, ради бога!» – эти слова зажгли его сердце.

Целую неделю Руслан не мог найти себе места. Доярка, имени которой он не знал, не давала ему покоя. Только во время работы, когда он был среди друзей, не думал о ней. Все остальное время занимала она. Руслан, не выдержав, однажды даже сел в машину и поехал в сторону фермы, но на полдороге опомнился, развернулся и поехал обратно. У него ведь и повода никакого нет, чтобы появиться на ферме...

Как-то утром первый секретарь райкома комсомола вызвал его:

– Как думаешь, можем провести послезавтра пленум?

– А что за спешка?

– Видишь ли, скоро многие члены райкома уйдут в отпуск. Лето – время отпусков.

– Да, это правда.

– Я тебе говорил, главный вопрос повестки – организация комсомольско-молодежных бригад. Ты сегодня поезжай туда, на ферму, где недавно побывал, и пригласи заведующего фермой. Он должен выступить на пленуме.

Руслан сумел скрыть от шефа свою радость.

– Хорошо, – лишь коротко ответил он.

«Успею ли, пока доярки не разойдутся?» – подумал Руслан тревожно, глянув на часы и садясь в машину. Когда он приехал, люди уже собирались у ворот фермы, откуда их должны были развезти по домам.

Закончив дела, Руслан спросил у руководителя молодежной фермы:

– Что-то не вижу девушку, которая, помните, пролила молоко по моей вине.

– А! Зарету? – рассмеялся тот. – Когда она рассказала, что забрызгала ваши туфли, мы от души подтрунивали над ней. Говорили, что ты исключишь ее из комсомола... Ее я чуть раньше отпустил, так как ей нужно было поехать в Терек по каким-то делам.

– Пешком, что ли?

– Да, она тут неподалеку живет.

– Ладно! Всего хорошего! Встретимся на пленуме.

– Счастливой дороги!

И только Руслан отъехал от фермы, как тут же интуиция заставила его повернуть машину не в Терек, а в другую сторону.

Сердце не обмануло его: та девушка стояла на автобусной остановке рядом с двумя пожилыми женщинами. Руслан поддал газу, доехал до середины села и развернулся обратно. Тормознув на остановке, высунул голову через окошко:

– Если вам в Терек, могу подвезти.

Пожилые женщины сели сразу же, обрадовавшись. А она чуть отошла и стала смотреть в другую сторону.

– Садись, Зарета, автобуса, может, и не будет, – сказала одна из женщин.

– Нет, я подожду.

– Чего ж ждать, раз машина есть? Если ты стесняешься, я сяду впереди с парнем.

Она вышла и пересела на переднее сиденье...

Руслан не знал, как скрыть свою радость. Теперь в его машине сидит девушка, не дававшая ему покоя в последнее время. Он иногда поглядывал на нее в зеркало. Эх, если б за рулем сидел другой человек, он не оторвал бы глаз от зеркала.

– Мы на вокзале выйдем, – сидевшая рядом женщина повернулась к нему.

– Хорошо, – говорит Руслан и вскоре останавливается у обочины.

– А тебе в какую сторону? – оборачивается он к девушке.

– Я тоже здесь выйду. Мне недалеко, в собес.

– Тогда не спеши. Мне тоже в ту сторону.

«Какой прекрасный день сегодня!» – Руслан подъезжает к собесу и тормозит.

– Большое спасибо! – девушка открывает дверцу и выходит.

– Подожди секундочку. Мне кажется, что я раньше где-то встречал тебя, – лукаво улыбается Руслан.

Девушка покраснела, но ничего не сказала.

– А-а, вспомнил! Из-за меня ты пролила молоко!

Девушка улыбнулась.

– У тебя дела, наверно, здесь?

– Да, мать собирается на пенсию, поэтому...

– А-а, понял.

– Счастливо! – дав Руслану приятную возможность еще раз взглянуть в свои лучистые глаза, девушка зашла в здание собеса.

Проводив ее, Руслан сел в машину. И что же теперь делать? Ждать ее? Неудобно как-то... И что он скажет ей?

Завел машину и поехал на работу. Но и там не сиделось. Он в упор не видел стопку бумаг, лежавшую на столе. После того как выйдет из здания собеса, она, конечно, поедет обратно в село... Руслан вновь едет на вокзал.

Небо опять хмурилось. От утреннего ясного неба и солнышка, по которому соскучились люди, не осталось и следа.

В здании автовокзала Руслан не нашел ее. Вышел из здания и стал ждать, она ведь все равно придет сюда.

Вскоре пошел дождь. Все, кто был возле здания, забежали в большой зал ожидания... Через некоторое время он увидел ее. Она спешила к вокзалу. Руслан, как бы проходя мимо, останавливается пред ней:

– Опять встретились! Ну как – сделала свои дела?

– Да.

– Ага... Тогда... не покупай билет, я довезу тебя.

– Нет, нет!

Зарета подошла к кассе и взяла билет.

– Второй раз встречаемся, а имени твоего не спросил.

Девушка посмотрела на него и опустила глаза.

– Думаешь, не знаю? Заретой тебя звать.

Девушка поднимет глаза и смотрит на него с полуулыбкой.

– А меня Русланом. Работаю в райкоме комсомола.

– Я знаю...

Немного помолчали.

– А когда будет автобус?

– Минут через 15–20.

– Здесь так душно. Может, выйдем. Там, под деревом, можно постоять. Да и дождь вроде прекратился.

Когда они вышли из здания, Руслан говорит:

– Ты бы лучше сдала билет обратно. Я довез бы...

– Нет, не надо.

– Давно работаешь дояркой?

– Около двух месяцев, после школы. Мои родители работают там, и я...

– И ты решила пойти по их стопам, как говорят.

– Нет, я хочу поступить в институт, если получится.

Вскоре с кашлем и чихом подкатывает выдавший виды «пазик». Увидев его, люди заторопились из здания и стали заполнять автобус.

– Счастливо! – девушка улыбнулась еще раз и тоже зашагала к автобусу.

– Зарета!

Девушка остановилась.

– Знаешь, я... я хотел бы, чтобы мы еще встретились.

Она не ответила. Улыбнувшись ему, села в автобус.

С того дня прошел месяц, а Руслан и Зарета так и не смогли встретиться. Он и на ферму ездил, но там ему сказали, что она уехала в Нальчик, готовится к экзаменам и живет у своей тетки. Раза два он был и у университета. Но среди тех, кто роился возле здания университета, он не нашел ее. И вот, не сдержавшись, в один из воскресных дней он взял да и поехал прямо к ней в село. Поставив машину недалеко от ее дома, стал ждать; вдруг случайно увидит. Но никто не входил во двор и не выходил. Стало смеркаться. И он подошел к одному из пацанов, игравших неподалеку.

– Слушай, ты можешь позвать Зарету?

– Сейчас.

– Но ты скажи так, чтобы никто не слышал.

– Хорошо.

Вскоре со двора выходит Зарета, Руслан выходит из машины и идет ей навстречу.

– Зарета, это я...

Оглядываясь, девушка подходит к нему. По ее лицу он понял, что и она рада встрече с ним.

– Руслан? Ты... зачем пришел?

– Сейчас скажу. Давай немного... отойдем. Если б ты знала, как я тебя ищу!

Девушка промолчала. И тут Руслан заметил, что ее глаза как-то необычны, они не искрятся, словно два солнышка, как всегда.

– Я вижу, ты чем-то расстроена. – Как прошли экзамены?

– Не прошла...

– А на какой факультет ты поступала?

– На физмат.

– Знаешь, не всегда сбываются наши мечты. Но не надо сдаваться. Не переживай сильно, подготовишься хорошенько и поступишь в следующем году... Теперь чем хочешь заняться?

- Буду работать.
- На ферме?
- Да. Знаешь, хочу пойти на подкурсы. Говорят, что все, кто учились на подкурсах в прошлом году, поступили.
- А как часто нужно посещать их?
- Один раз в неделю. По воскресеньям...

Руслан прохаживается возле университета. Проходит час, другой. Устав, садится на одну из скамеек, стоящих в скверике. Вот из здания выбегает веселая стайка девушек. Среди них и Зарета. Девушки как раз направились в его сторону. Когда они чуть было не прошли мимо него, Руслан окликнул ее:

- Зарета!
- Обрадовавшись знакомому голосу, девушка остановилась:
- Руслан!
- Как учеба? – Руслан нежно подправил локон волос на ее лбу. Девушка покраснела.
- Нормально.

Они встречались каждое воскресенье: Зарета из села приезжала в Терек, а оттуда Руслан увозил ее в Нальчик, на учебу. После занятий отвозил обратно. Мать Руслана не могла не заметить, что поведение сына изменилось, он стал более общительным, радостным. Порасспросив кое-кого, мать узнала, что у него появилась девушка. Даже узнала, кто она, откуда, чья родом. Но, узнав, не обрадовалась.

– Как это? – недовольно говорила она мужу, – он что, хочет привести мне в дом сноху-доярку? Я что, недостойна породниться с нормальной семьей, а только с семьей пастуха? Он что, хочет, чтобы наши недруги злорадствовали? Тха, пока живая, не допущу этого! У тебя приличная должность, он – секретарь райкома комсомола. Вскоре, даст Аллах, пойдет на повышение... Если спросят, чем занимается ваша сноха, что я отвечу? Стыд и срам! Нет, не бывать этому!

Но отец Руслана не разделял ее гнева.

– Пастухи – такие же люди, как и мы, не мешай ему, если хочет жениться.

Но женщина была непреклонна.

Руслану, конечно, передали, что его мать мечет громы и молнии, но он ни за что не смог бы расстаться с Заретой, которую полюбил понастоящему.

Руслан подумал, что весной можно было бы сыграть и свадьбу. «В первое время мать будет обижаться, потом, куда денется, успокоится», – рассуждал он. Но, как говорится, человек предполагает, а бог располагает. Однажды, ближе к весне, Руслану стало плохо, и его отвезли в районную

больницу. Прележал он там с неделю, потом перевезли его в Нальчик, надеясь на то, что в столице врачи все-таки, наверное, получше.

Дни проходили один за другим, но Руслану не становилось лучше. Какие только врачи его не осматривали, но с каждым днем он угасал. Но держался молодцом благодаря Зарете. После занятий она приходила к любимому и подолгу сидела у его изголовья... В канун майских праздников Руслана отпустили домой. Ему стало немного лучше. До поздней ночи у него сидели близкие, друзья. Как только они ушли, Руслан подошел к зеркалу и внимательно посмотрел на себя. Нет, он далеко не напоминал прежнего Руслана: лицо – бледно-желтое, стал худым, под глазами непонятные черные круги. Как только лег спать, его прошиб холодный пот. По тому, как лицо отца стало печальным, а у матери вечно заплаканные глаза, он догадался, что болен неизлечимой болезнью. Когда его осенила эта мысль, он спрятал голову в подушку и заплакал навзрыд...

На следующий день, под вечер, несмотря на протесты матери, Руслан сел в машину и выехал со двора...

– Зарета!

– Ты уже выписался?

– Нет, Зарета, только на три дня отпустили.

– Ну, как здоровье?

– Немного лучше.

– Слава богу.

Наступила пауза.

– Зарета, слушай меня, я много думал над тем, что хочу сейчас тебе сказать, даже ночью не спал. Я полюбил тебя в первый же день, как увидел. Верить?

– Верю! Но почему ты об этом спрашиваешь?

– Знаешь, мне думается, что... между нами не будет счастья, может, и ошибаюсь... нет, мое сердце чувствует это. Я не хочу, чтоб ты была несчастливой.

Девушка заплакала и склонила голову к груди Руслана. Уже стемнело, и их никто не видел.

– Зарета, не надо. Пожалуйста!

– Я знала...

– Что ты знала?

– Что твоя мать будет против.

– Нет, Зарета, ошибаешься, причина в другом. Но ее... Ее сейчас не могу тебе сказать. Поверь, если я когда-нибудь женюсь, никого не возьму, кроме тебя.

– А что за причина?

– Не торопи меня, через месяц скажу.

Закончив утреннюю дойку, Зарета села на скамейку. Лучи весеннего солнца нежно ласкали ее. В который раз она вспоминала первую встречу с Русланом. Как пролила молоко на его туфли... И каждый раз при этом

воспоминании настроение ее поднималось. Она не выдала себя, но в этот момент в ее сердце зародилось чувство к незнакомому парню.

– Зарета!

«Наверное, автобус прибыл», – подумала она, услышав голос заведующего, но, посмотрев в сторону ворот фермы, автобуса не увидела.

– Зарета, тут к тебе пришли.

Когда к ней подошел незнакомый парень с печальным лицом, да еще в шляпе, у нее что-то оборвалось в груди...

Зарета не помнит, каким образом поехала на похороны, кто ее туда отвез. Одно она запомнила: когда увидела лежащего на ковре Руслана, потеряла сознание... Даже не помнит, как ее привезли домой.

Целую неделю она не могла встать с постели.

– Время – лучшее лекарство, – говорили соседи, – пройдет определенный срок и она встанет на ноги.

В тот день, когда справляли сорокадневные поминки по Руслану, в их двор зашел незнакомый мужчина:

– Скончалась дочь Мулида Тхагужокова, – сказал он отцу Руслана. – Похороны завтра.

– Извините, но кто она? Откуда?

– Из Астемирово. Заретой ее звать.

Когда безвременно ушедшую девушку несли на кладбище, люди заметили, что вокруг вьются два голубя: один белый, другой – серый. Они веселились всюду: то опускались низко, то поднимались ввысь, через некоторое время голуби сели на носилки. Их прогнали. Опять сели. Опять прогнали, но далеко они не улетели. Когда голуби в третий раз сели на носилки, дядя покойной сказал:

– Не трогайте их!

Он хорошо знал о любви племянницы и Руслана.

– Эти голуби – души влюбленных...

Но последние слова никто не услышал.

Перевод Б. Аланского

Лев ХОЛАЙ

«ГОРНАЯ» АФЕРА*Рассказ*

Лето 1985 года выдалось очень жарким.

Пикник на природе только начинался, а моего друга, это было видно по его беспокойному поведению, так и подмывало что-то мне сказать, видимо, что-то срочное и важное.

Вадим, мой близкий друг с университетской скамьи, строитель от бога, возглавлял строительство важного объекта в горном ущелье для известного на весь ученый мир института. Видимо, ученые мужи решили свои изыскания сочетать с великолепием гор Кавказа, сравнимое разве что со Швейцарией, где заодно можно было неплохо отдохнуть.

Он жил там же, в горном поселке, со своей семьей и иногда подкапывал на мальчишник, когда позволяла его бесконечная занятость. Благо, знал, когда и где мы собирались.

Пятничная, традиционная встреча друзей, а скорей круг близких товарищей, на тот момент связавшая нас по деловым и одному богу известным причинам, грозила затянуться, судя по количеству спиртного, привезенного каждым из нас, которого в конце застолья обычно не хватало. Бутылки с водой и спиртным разнообразной батареей охлаждались в прохладной и чистой горной речке.

Длинный летний и очень жаркий день клонился к вечеру. Становилось прохладнее, солнце уходило за горы, и все с нетерпением поглядывали на костер, где жарился шашлык из свежей, замаринованной заранее, баранины. Вокруг костра хлопотало несколько человек, явно получая от своих действий удовольствие. Другие же накрывали импровизированный стол прямо на зеленой траве в тени густых крон деревьев, растущих на давно облюбованной нами лужайке. Компания уже начинала потихоньку приобщаться к спиртному, закусывая сыром, малосольными огурчиками и зеленью. Все весело и громко смеялись, балагуря и подшучивая друг над другом. Вблизи на пригорке в тени деревьев стояли изнуренные за день наши легковые автомобили с раскрытыми дверьми, багажниками и капотами, словно люди, раскинувшиеся на пляже, отдыхали, остужая перегревшиеся за день железные внутренности.

Все эти приготовления были обычными, и хотелось отвлечься от всех забот, которым подвержен каждый мужчина после тридцати, обремененный семьей и служебными обязанностями.

Весь этот мой настрой на безмятежное времяпрепровождение в кругу друзей подвергался угрозе со стороны моего друга, и это мешало мне окончательно «отключиться» от внешнего мира. Когда же вся компания плотным кольцом расселась вокруг «стола», Вадим пристроился рядом со мной и продолжал оставаться в задумчивости. После первых выпитых, под веселые тосты тамады, стаканов водки он, словно наконец решившись, наклонился к моему уху и негромко сказал:

– Надо поговорить...

Незаметно для тамады, который строго следил за порядком кавказского застолья, и, стараясь быть как можно безразличнее, я процедил:

– Говори...

Почерневшее от горного загара, обветренное его лицо напряглось, и, сдерживая себя, он коротко выпалил:

– Не здесь.

Его реплика означала, что ночевать он будет у меня и, конечно, не даст мне выспаться. Куда деваться – я согласно кивнул головой.

Разъезжались мы, как я и предполагал, поздно вечером, хорошо подшофе. Горланя обычный в этом состоянии репертуар любимых песен, обнимались, клялись друг другу в искренней дружбе и любви, а в конце долго и нудно прощались, будто навсегда.

О Вадиме я вспомнил только в машине, он с задумчивым видом сидел рядом на заднем сидении машины и выглядел совсем трезвым, а ведь пил много и сосредоточенно, в процессе нашего застолья про себя я это отмечал. Я начал потихоньку трезветь.

Водителю жестом показал направо – домой, хотя планы были ориентированы «налево». Через полчаса, отпустив водителя, мы с ним вошли в многокомнатную квартиру, где моя семья всегда приветливо привечала Вадима.

После нескольких чашек крепкого и душистого чая, которым потчевала нас супруга, мы расположились у меня в кабинете и, уже совсем трезвые, с удовольствием закурили.

– Ну что у тебя? – спросил я его, когда мы окончательно остались одни.

Разговор был долгим и длился почти до рассвета.

В следующую пятницу, после памятного ночного разговора с Вадимом, я собирал с давних пор хранившееся в подвале альпинистское снаряжение вместе с теплыми вещами, привычно упаковывая все в рюкзак, как когда-то нас учили в школе инструкторов горного туризма.

Домашние с явным неудовольствием поглядывали на мои неторопливые и обстоятельные сборы, хотя и молчали. Таков был порядок, если я что-то делаю, то в семье никто не мог перечить – значит, так нужно.

На вопрос хозяйки о том, когда ждать моего возвращения, я неопределенно пожал плечами, обнял младшую дочурку и, вскинув всю амуницию на плечо, бодро вышел на улицу, где меня ждала служебная машина.

В дороге я с каким-то радостным трепетом думал о том, что я снова увижу близко снежные горы и что наконец-то у меня будет возможность встретиться с моей альпинистской юностью, как когда-то бездумно рисковал жизнью, покоряя вершины, и был иногда счастлив, как может быть счастлив только идиот.

Правда, с работы отпустили под «напрягом», министр был недоволен моим заявлением об отгуле за все «рабочие» выходные, которые накопились в течение года, и взял с меня слово, что на работу вернусь через три-четыре дня. Дорога в Приэльбрусье заняла около двух часов, и мне показалось, что многое изменилось с тех пор, когда я последний раз был здесь, а это было так давно.

Вадим ждал на своем объекте, так называем мы, строители, каждую

стройку. Вся территорию строительства окружал многолетний сосновый лес, выросший под крутыми склонами ослепительно красивых снежных гор. На территории стройки были видны следы недавно выполненных из монолитного бетона фундаментов стен будущей базы института, словом, обычная для строителей панорама. Однако на стройке не было ни одной живой души – что было непривычно для меня. Обычно на объекте, по крайней мере, находился сторож со сторожевой собакой.

Вадим был немногословен и кивком головы, тронутой сединой, показал мне с моим водителем куда идти. Мы направились в сторону строительных вагончиков, стоящих в глубине стройплощадки.

Надвигался прохладный, какой бывает только в горах, вечер. Я сделал несколько глубоких вдохов, загоня в легкие пропитанный запахом хвои и снега воздух. Ощущение бодрости и готовность к действию наполняло все мое тело.

В комнате, куда мы вошли, стояли две кровати, обшарпанный холодильник, стол и несколько стульев. На полу я увидел такой же, как и у меня, упакованный «абалаковский» рюкзак, аккуратно прислоненный к стене. Сверху рюкзака, поблескивая сталью своего клюва, был пристегнут ледоруб.

Дав наставления своему водителю, я отпустил его, наказав вернуться за мной через два дня.

После того как мы остались одни, мы уселись за убранный стол, расстелили карту района, где велось строительство базы, и приступили к разработке горного маршрута, по которому нам предстояло пройти вдвоем.

Вадим, с которым мы вместе прошли суровую школу инструкторов, где многоопытные инструкторы, чемпионы страны и мира, готовили из нас выносливых и закаленных восходителей-спасателей, вбивали в мозги все нюансы выбора наилучших вариантов покорения вершин, отрабатывали различные способы страховки партнера и другие способы выживания в экстремальных условиях, имел больше практики хождения по горам, и он взял инициативу в свои руки.

Скрупулезно и в подробностях рассказал о предстоящем «маршруте», отмечая на карте все каверзы, которые могли возникнуть в пути, и мы вместе обсуждали выходы из незапланированных вариантов развития событий нашего путешествия.

Когда было оговорено все, он начал накрывать на стол еду из холодильника – необходимо было основательно подкрепиться перед походом. По молчаливому обоюдному согласию спиртное не выставлялось, хотя у каждого из нас в рюкзаках был зарезервирован неприкосновенный запас – чистый медицинский спирт в алюминиевых фляжках, необходимый и незаменимый в критических ситуациях продукт.

Выход в горы был намечен в три часа ночи. Плотно поужинав и развалившись на койках, мы молча курили, размышляя каждый о своем.

После столь обильной и вкусной пищи мне не хотел думать о том, что предстоит тяжелый и опасный выход в горы, по которым уже давно не хаживал. Но других вариантов не было, иначе с Вадимом можно было распрощаться навсегда и не только как с другом.

Да, ситуация складывалась очень серьезная, и в случае неудачи нашего «предприятия», могли произойти кардинальные жизненные изменения

в жизни каждого из нас, хотя мое участие выражалось только в оказании помощи ему в данном деле. Что делать – Вадим доверял только мне.

Засыпая, я подумал, что иду навстречу опасности, потребность в которой, видимо, все это время жила во мне на протяжении прошедших после горных эпопей лет, и почему-то был этому рад.

По ночной горной тропе идти было легко. Холодное и звездное с ярким полумесяцем небо освещало нашу дорогу вполне достаточно, чтобы идти, не напрягая зрения. Через полчаса тропинка начала круто уходить вверх, и тут начало сказываться многолетнее отсутствие тренировок, чтобы поддерживать приобретенные когда-то навыки в горных путешествиях, усугубляемое курением и другими вредными привычками, я о спиртном. Дыхание участилось, ноги стали ватными, и я начал потихоньку отставать от идущего впереди Вадима, который тут же это заметил, и, остановившись, мы, тяжело дыша, рухнули на траву.

После пятиминутной передышки двинулись дальше. По опыту я знал, что через некоторое время адаптации, или, как мы говорим, акклиматизации, будет намного легче и я «въеду» в заданный Вадимом темп.

В этот день надо было добраться до первой условной базы, которую заранее подготовил Вадим, где мы должны были заночевать. Заночевать – это сильно сказано, всего два-три часа отдыха, перед предстоящим главным восхождением.

Места знакомы мне с давних пор – это не так близко, поэтому необходимо было идти в ускоренном темпе, чтобы успеть дойти до наступления темноты.

После двухчасового движения вверх по протоптанной туристами и местными жителями тропе я уже вошел в то привычное состояние, когда тело само по привычке делает все необходимое, а сознание живет своей жизнью.

У меня, размышляющего над происходящим, почему-то складывалось впечатление, что Вадим затеял какую то игру в «партизаны», что этот бред закончится сразу же по истечении какого-то, известного только моему другу срока. Казалось, что все это было затеяно, чтобы проверить мою реакцию на такого рода предложения, и мы еще вдоволь над всем этим посмеемся.

Однако то, как Вадим вел себя, был сосредоточен, немногословен, и принятые им беспрецедентные меры секретности, которыми были обставлены наши действия, – исключало всякую мысль, что это розыгрыш.

Время подвигалось к середине дня, начинало припекать. На ходу мы начали «распаковываться» и через некоторое время уже были в майках и шортах. Со стороны могло казаться, что идут обычные неорганизованные туристы. Но если бы нас засек опытный глаз нашего «соплеменника», мог бы сразу определить, что идут «профи» – по темпу, заданному Вадимом, и еще по ряду внешне незаметных, выработанных годами привычек.

Дойдя до полянки с нарзанным источником, остановились, – мы так делали всегда в молодые годы, – и начали располагаться для короткого отдыха и обеда.

Наконец появилась возможность спокойно оглядеть великолепную панораму снежных вершин, представших моему взору. Предо мной простирался главный Кавказский хребет, венцом которого являлся могучий

красавец Эльбрус. Величие и красоту сего явления вряд ли я смогу описать, для этого надо быть поэтом.

Неожиданно вблизи источника из чащи сосновых деревьев с громкими и веселыми возгласами появилась группа молодых людей, которые уверенно шли в нашем направлении. Видимо, ребята были из альплагеря, находившегося за полчаса ходьбы отсюда. Принимать какие-то меры, чтобы уйти от нежелательной для нас встречи, было поздно.

На этот случай, конечно, у нас была своя «заготовочка».

Сразу ставшая тесной поляна заполнилась молодыми людьми с очерневшими от загара симпатичными лицами и обгоревшими носами, а двое из них оказались весьма симпатичными девушками. По их дружному приветствию и поведению было понятно, что они знакомы с этикетом альпинистов, передающимся из поколения в поколение. Вначале мы взаимно поинтересовались, не нужна ли какая-нибудь помощь, после чего они вежливо спросили у нас разрешения набрать нарзан в припасенные ими емкости. После обмена «любезностями», на поляне создалась непринужденная обстановка. Посыпались безобидные и весьма острые шутки между молодыми людьми.

Все смеялись, особенно заливалась одна из девушек, было видно, что она представляла ту когорту веселых и бесшабашных девиц, которые могут наравне с парнями переносить все тяготы горных переходов. Старший из них, «борода», как я мысленно его нарек, особым чутьем поняв, кто лидер нашей группы, подсел к Вадиму, и у них завязался обычный в таких ситуациях разговор: откуда, куда и что «взяли», то есть какую вершину одолели. Пока Вадим «грузил» «бороду», мое внимание с самого начала привлекла вторая девушка, которая присела на теплый камень недалеко от меня. Она только отрешенно улыбалась всему тому, чему громко смеялись все остальные, и была необычно задумчива для этой компании.

У нее были поразительно голубые бездонные глаза, в ней чувствовалась заметная под любой одеждой осанка, присущая только благородным по крови женщинам, которым уготована только одна судьба – быть желанной для всех мужчин. Непонятно было только одно – каким чудом занесло это хрупкое создание в дебри гор и как она переносит тяготы нелегких альпинистских будней.

Словно прочитав мои мысли, она повернулась ко мне и о чем-то непринужденно спросила. Не расслышав ее вопроса, я подсел к ней поближе и встретился с ее взглядом.

Да... давно я такого уже не испытывал.

Мы говорили о каких-то пустяках, но каждое слово сразу обретаю одним нам, мужчинам, известный смысл, скорее вело в желаемую нами неизвестность. Эта хрупкая и красивая женщина оказалась весьма опытной, со стажем, альпинисткой, одновременно покоряла и вершины медицинских наук, в общем, я безоговорочно капитулировал перед ее очарованием и знанием всех нюансов в деле освоения высот в обоих направлениях.

Мой богатый опыт обольщения противоположного пола не понадобился, вполне естественно, без какого-либо намека на интим, она приглашала в гости, если появится такая okazия – быть в столице нашей родины, и, подробно записав свои координаты на клочке бумаги, передала его мне.

Так бы продолжалось и дальше, если бы я не почувствовал нетерпеливый взгляд Вадима.

Мы начали прощаться с ней и с симпатичными теперь во всех отношениях молодыми людьми. Напоследок я рассказал один из великосветских английских анекдотов, который вызвал громкое «ржание» всей группы. Прочел в глазах моей новой знакомой одобрение в виде многообещающей восхитительной улыбки, которая давала понять, что у нас с ней может быть еще и заманчивое будущее, которое теперь целиком зависело только от меня. Уже скрываясь за возвышенностью, мы еще раз попрощались со всей компанией взмахами рук и двинулись дальше.

Вадим все-таки не преминул выразить свое негативное отношение к моему донжуанству и ввел меня в курс того, чем он «грузил» «бороду». Его бурчание пролетало мимо моих ушей в пустоту, без всякой на то моей реакции. Мой мозг был занят Инной, так девушка представилась мне, и не впервые еще раз убедился в том, что жизнь более богата на сюрпризы, чем нам кажется, и уже обдумывал под каким предлогом срочно организовать командировку в столицу. Мои, не лишённые эротики, картины будущих встреч с Инной, которые я рисовал в уме, прервал Вадим:

– Лева, ты что, оглох?

Мне пришлось вернуться к действительности. Вдалеке слышались редкие выстрелы, скорей всего охотников – браконьеров за турами. Нас они засекали, судя по бликам поблескивающей в нашем направлении оптики и, видимо, были в некоторой растерянности: не егеря ли идут к ним на перехват? Час от часу не легче. Хуже всего было другое – если мы подойдем ближе, нас могли бы узнать, а этого ни в коем случае нельзя было допускать. Вадим показал на небольшую расщелину в скале в метрах ста от того места, где мы стояли, и мы, не торопясь, двинулись туда. Нельзя было показывать, что мы делаем это в спешке.

А с другой стороны все это было нам на руку. Когда складывается в одном месте, в другом обязательно что-то не сходится. Так и здесь: мы молили бога, чтобы в этом районе появились или «дикари» или охотники. Второе даже было более приемлемым для осуществления нашей операции.

Но приходилось терять драгоценное время, скрываясь в укромном месте от прицела мощных «цейсовских» биноклей, обладателями которых могли оказаться наши знакомые или друзья, есть среди них и заядлые охотники, и браконьеры, хотя до меня никак не доходит, чем они отличаются друг от друга.

Из дремы меня вывел какой-то звук, и, открыв глаза, я понял, что никого рядом нет. Наверное, это был шум небольшого камнепада, мелькнуло у меня в голове. Взглянув на часы, отметил – прошло полтора часа, видимо Вадим проверяет обстановку, чтобы идти дальше. Через минут двадцать он появился с биноклем на шее и дал понять, что можно двигаться. Наверное, охотники взяли от природы то, что им нужно, и волокут добычу к месту ее разделки и дележа. Однако было упущено время и надо было торопиться.

Таким темпом я даже в молодые годы не часто ходил в горах. Задышавшись и обливаясь потом, мы преодолели несколько перевалов, покрытых

снегом, и уже шли по скалистой седловине. На «базу» прибыли поздно вечером и начали устраиваться на ночлег. Место было выбрано идеальное, нас обступали скалы, которые защищали от ветра, здесь можно комфортно расположиться на отдых и укрыться от любопытных глаз.

Вадим вытащил из какой-то известной только ему расщелины маленький, туго набитый брезентовый мешок, содержимое которого должно нам понадобится через некоторое время. Вокруг нас простиралось холодное безмолвие вершин, плотной стеной окружавших наш бивуак. Было так холодно, как бывает только высоко в горах. Тесно прижавшись спинами друг к другу, мы сначала перекусили, потом коротко уточнили все детали предстоящей «кампании» и замолчали. Все мышцы моего тела устало гудели, но сон не шел.

Вадим заснул мгновенно, он практически не спал уже вторые сутки.

Вершина, которую нам необходимо было оседлать, была не очень сложная по категории трудности, но на ее склоне скопилось громадное количество снега, а под его толщей сформировался многотонный кусок льда, что делало восхождение весьма опасным. Однако именно эта многотонная снежно-ледовая глыба нас погнала в опасный и во многом непредсказуемый по своему исходу путь.

В наступившей тишине под чистым звездным небом простиралась огромная страна белеющих в полумраке гор, их причудливые очертания – в великолепном исполнении создателя – выглядели фантастически красиво. Снежные, местами ледовые, сверкающие от лунного света вершины, могучие и безгрешные исполины, стояли, выстроившись перед главным верховным командиром – Эльбрусом. В такие мгновения осознаешь их величие и притягательность, и то, как они далеки от всех проблем человеческих, той грязи, связанной с подлостью, обманом, несправедливостью и многими другими негативами на нашей земле, от которых люди бегут кто куда, а самые смелые и отчаянные именно сюда – в царство чистых и холодных вершин. Здесь, где равенство, взаимовыручка и братское отношение друг к другу являются жизненной необходимостью, они на некоторое время обретают душевное равновесие. К великому сожалению, некоторые из них платят за это самую высокую цену – жизнь.

Таковы суровые и прекрасные мгновения альпинистской романтики.

Мои размышления прервал будильник на часах, который запищал, зовя нас в путь. Вадим вскочил, бодрый и отдохнувший, достал из своего рюкзака две пары «триконей» – оббитых твердым и легким металлом ботинок. Одну пару бросил мне и начал экипироваться, его примеру последовал и я.

С собой мы взяли несколько связок различной толщины и длины альпийских веревок, саперную лопаточку, пару плиток шоколада, флажки со спиртом, аптечку и брезентовый мешок, который осторожно накинул на свои плечи Вадим. Остальное все оставалось на «базе», припрятанное до нашего возвращения. После всего, встав в связку «проводником» (особым узлом) из пятнадцати метровой веревки и критически оглядев друг друга, мы мысленно произнесли каждый свое заклинание и двинулись в путь к нашей цели. Погода благоприятствовала нам, теплый южный ветерок приятно обдувал лицо, под ногами хрумкал твердый наст снега. На ночном звездном небе не было ни одного облачка.

После двух часов хода вышли на гребень перед вершиной, по кото-

рой надо было идти с особой осторожностью. Здесь необходимо было сконцентрировать все свое внимание: одно неосторожное движение, и последствия могли быть печальными. При переходе на более крутой подъем я, наконец-то, увидел то, из-за чего мы здесь.

Внизу – тонкой, блестящей и ломаной ниткой сверкала река. На ее берегу и располагался тот Вадимовский «объект», который должен был быть похоронен под лавиной. Сотворить эту самую лавину должны были мы вдвоем.

Наконец, Вадим, шедший впереди, остановился и дал условный знак – надежно зафиксировать веревку, а мне, по ней же, необходимо было подобраться к нему. Поискав расщелину, куда можно было забить ледоруб и прикрепить к нему веревку, я осторожно выполнил все необходимое и несколько раз проверил, всем своим весом, надежность крепления. Под нами находилась почти отвесная скала, у подножья которой, метрах в тридцати от нас, начиналось снежно-ледовое скопление, и до которой один из нас должен был добраться. Осторожно, балансируя по гребню, я дошел до Вадима, который уже закрепил свой крюк, прикрепил к нему веревку, а к ней еще один конец тридцатиметрового веревочного каната. К другому его концу мой компаньон со всеми осторожностями привязал тот самый, туго набитый динамитом брезентовый мешочек. Вдвоем, стараясь не дергать опасный груз, очень медленно начали спускать его вниз.

Когда он достиг твердого основания скалы, по тому же канату начал спускаться и сам Вадим с закрепленной на спине саперной лопаточкой. Я сверху страховал его на репшнуре – особо крепкой тонкой альпинистской веревке.

Утро уже заявило о себе, освещая первыми солнечными лучами вершины самых высоких гор, и они начали пылать почти красным цветом, словно яркие костры. Тем временем мой напарник добрался до основания скалы и, отвязав мешок с динамитом, перешел на заснеженное плато. Остановившись метрах в двадцати от места спуска, он аккуратно поставил ранец с взрывчаткой, отвязал лопатку и начал копать твердый снег. Через некоторое время, которое, казалось, длилось вечно, Вадима уже практически не было видно.

Так прошло около одного часа, и когда на поверхности снежного плато появилась его голова, я вздохнул с облегчением. Знаком он показал, что все идет «путем», и начал священнодействовать над мешком с динамитом.

Мое напряжение все увеличивалось, хотя мы с самого детства имели опыт обращения с различного рода взрывчатыми компонентами, так как росли в маленьком городке шахтеров, добывающих вольфрам и молибден, и этого «добра» у нас всегда было в избытке.

Вадим опять начал спускаться в вырытую им яму, но уже с несколькими зарядами в руках. На этот раз его отсутствие было недолгим, и когда он появился, за ним уже тянулся змейкой бикфордов шнур. Я ему показал на часы, он понимающе кивнул головой. Дело в том, что на строительной площадке и прилегающей к ней территории его люди в оговоренные нами часы создадут безопасную обстановку, чтобы даже случайный прохожий не мог попасть под организованную нами лавину. После того как шнур будет подожжен, у меня оставалось время, чтобы поднять Вадима наверх,

затем вместе уйти как можно дальше от этого места. На все это нам отводилось минут двадцать, конечно, при условии, что все сработает, как мы задумали. Вадим присел на корточки, и я увидел тонкую характерную струйку дыма от тлевшего бикфордова шнура. Он заспешил к месту, где висел конец каната и, зацепившись за него, с моей помощью начал ловко подниматься к исходной точке. Уже наверху, запыхавшийся и с горящими глазами, он еще раз убедился, что шнур горит, и мы поспешили уйти подальше от этого места. Успешно преодолев все опасные участки обратного маршрута, мы продолжали уходить все дальше и дальше.

И вот, наконец, позади нас раздался негромкий, но плотный по звуку хлопок.

Мы остановились и с тревогой посмотрели в ту сторону, где была заложена взрывчатка. Удары наших сердец слышались, кажется, громче, чем шум, произведенный взрывом. Секунды ожидания тянулись будто вечность. Вначале послышался сухой громкий треск, словно лопнула гигантская гитарная басовая струна, поднялась снежная пыль, и вначале медленно, а потом – ускоряясь с характерным гулом, вниз двинулась вся эта снежно-ледовая махина.

Зрелище было впечатляющим. Со склонов посыпались камни, некоторые из них летели прямо на нас, и нам пришлось бегом нестись к огромному куску скалы, отколовшемуся от основного массива горы бог знает когда, чтобы скрыться за ним. И все-таки один из камней, величиной с кулак, просвистев над моим ухом, ударил впереди бегущего Вадима прямо в спину. Он, вскинув руки, пролетел метров пять вниз и с глухим стоном упал на каменистый, покрытый в некоторых местах снегом склон. Несколько раз перевернувшись, он остановился, тормозя ледорубом. Я подскочил к нему и, схватив за подмышки, утащил в безопасное место. У него была рассечена бровь, а на лбу красовался быстро увеличивающийся волдырь. Тем временем гул от лавины, сошедшей благодаря нашим усилиям, уже затихал. Я начал обрабатывать раны Вадима спиртом и, после того как заклеил лейкопластырем рассеченную бровь и вспухший бугор на лбу, расспросил о самочувствии. В общем, ничего страшного не случилось. Правда, побаливало место на спине под лопаткой, куда угодил камень. Вид у моего Вадима, с заклеенным лбом, был «чапаевский».

Вниз спускались мы медленно, часто делая остановки. Вадим, крихтя и охая на каждом трудном отрезке нашего пути, матерился на чем стоит божий свет. И кому только от него не досталось. Но во всем этом ворчании проглядывала вселенская удовлетворенность, будто спал с его плеч огромный и угнетавший сознание груз, да это и было правдой. Если все сложилось так, как мы задумали, то у Вадима все проблемы улетучивались автоматически.

Чувство исполненного долга перед другом воодушевляло и меня, однако тревога, как там все внизу сложилось после схода лавины, не давало до конца и полноценно радоваться успешному завершению «горной аферы», как я мысленно окрестил нашу экспедицию. Да, с самого начала задумка Вадима имела вполне реальный, не подверженный риску, коммерческий проект, который случайно подсказал, сам того не ведая, один

из научных работников высокогорного института, лаборатория которого расположена была высоко на склонах горы, известной всем горнолыжникам страны.

Как-то при встрече он предупредил Вадима, что на территорию строительства, где он возводил научную базу известного вуза, должна сойти лавина и назвал якобы точную дату этого явления. Вадим очень долго и скрупулезно расспрашивал его, откуда такие сведения, на чем они базируются, зафиксировано ли где-либо все это в официальных документах и, получив ответы на все интересующие его вопросы, предпринял все меры по безопасности своих работников, необходимые в этих случаях. Одновременно сформировал в своей предприимчивой голове гениальный по своей простоте коммерческий план. Вся техника, имевшаяся у него в наличии, в течение нескольких дней вывозила строительные материалы и оборудование на другой объект. Не пропадать же зря добру, твердо решил он. А материалов: цемента, досок, арматуры, кирпича и т. д. у него было заготовлено в избытке, и приходилось работать практически сутками, чтобы успеть все вывезти. После этого стали ждать запланированного схода лавины. Строящийся объект представлял собой в этот период покинутый всеми опустевший дом.

Однако по истечении срока, который предсказывал «синоптик», лавина не сошла, и каждый последующий день вызывал все большую тревогу за жизнь и будущее людей команды Вадима, а также за безопасность случайных прохожих из числа альпинистов, туристов и так называемых «дикарей», которых всегда было в избытке в этом великолепном по красоте месте.

Так прошли еще две недели, а тут пришла телеграмма из того самого вуза, что сюда через две недели направляется комиссия по проверке хода строительства в Приэльбрусье. Вот тут Вадим совсем приуныл – что сказать комиссии? Что поверил какому-то синоптику и остановил стройку? Ситуация стала безвыходной. И снова в голове моего друга созрел дерзкий замысел, и для его воплощения понадобился верный, обладающий навыками альпиниста друг, кому можно было все доверить, то есть ваш покорный слуга. В течение пяти часов мы, захватив с условной базы наши рюкзаки, шли неторопливым шагом вниз, где в условном месте к вечеру нас ждали люди Вадима.

Впереди показались нарзанский источник, и у меня, словно пламя, вспыхнуло воспоминание о вчерашней встрече с Инной. Желание видеть, слышать ее грудной и милый голос, да что там... обнять и прижать ее к себе, было непреодолимо. Если бы не состояние Вадима, не преминул бы заявиться к ней в гости, благо директором спортивного лагеря был наш коллега по школе инструкторов.

Отдохнув и перекусив остатками продуктов, мы продолжили свой путь. Возвращение наше должно было пройти незаметным для всех, кроме команды Вадима, которая была посвящена в детали операции, и мы были уверены, что они волновались за нашу жизнь: в горах всяко бывает. Спускались уже без приключений и, выждав пока окончательно стемнеет, вышли к условленному месту.

Эта была полянка, скрытая от любопытных глаз сосновым лесом, у берега бурной горной речки. В темноте горел костер, пахло шашлыками,

слышался негромкий разговор нескольких человек. Мы появились перед ними неожиданно, словно абреки, и начались объятия и рукопожатия. Увидев же голову Вадима, они, перепугавшись, хотели везти в больницу. Вадим негромко цыкнул на своих подопечных, и в стане встречающих воцарилась необходимая, без всяких эмоций и расспросов, тишина. Однако через несколько минут все наперебой, сдерживая эмоции и понизив голос, в деталях рассказывали, как впечатляюще был похоронен их объект под многометровым слоем лавины. Слава всевышнему, обошлось без всяких ЧП. На наши скрупулезные уточняющие вопросы они уже спокойно и в деталях обрисовывали все произошедшее. Мы же с усталым и довольным видом слушали их, пили водку, закусывая шашлыками под треск горящего сухого хвороста и летящих искр от костра. Мне по-хорошему было завидно, что у Вадима такие преданные и, видимо, обожающие его, соратники и друзья. С ними в компании было тепло и уютно, особенно после нескольких рюмок водки.

Словом, стройку наполовину снесло в протекающую рядом реку, остальную часть накрыло лавиной так, что ее практически не было видно, тем самым поставленная задача была выполнена на все сто – отменялся сход лавины на научную базу лучшего вуза страны, предотвращалась большая трагедия со многими смертями и разрушенными зданиями. Отменялись и все мрачные предположения о будущем моего друга и его соратников. За полночь нас повезли к дому Вадима, и когда мы с ним предстали перед его женой, пришлось долго ее успокаивать, объяснять, что ничего страшного с Вадимом не произошло. На неизбежные в таких случаях расспросы нами была заготовлена версия, связанная с охотой, как и где все это произошло.

Затем, после обязательной процедуры чаепития, мы, наконец, могли расположиться на ночлег и отдохнуть от пережитых двух суток напряжения.

Лично я заснул мгновенно.

По привычке мой сон прерывался в шесть утра, и я с удовольствием нежился в чистой и мягкой постели с приятным ощущением выполненного долга. В большом, функционально и конструктивно прекрасно продуманном доме, где я находился, проживала многочисленная семья моего друга. Всех их я знал с давних времен. Меня принимали не меньше, как брата Вадима, и все радостные и горестные дни наши семьи делили вместе.

Когда пришла моя машина, мы все еще завтракали на залитой солнцем веранде. После недолгого прощания со всеми, мы с Вадимом поехали за моими вещами, которые предусмотрительно были отвезены в дом одного из его людей. При расставании с Вадимом мы, без слов, долго смотрели друг другу в глаза, и я молча сел в свою «Волгу», которая сразу сорвалась с места. Через несколько секунд я обернулся назад, Вадим стоял на том же месте и задумчиво смотрел нам вслед.

Все прошедшие с тех давних пор годы я вновь и вновь возвращаюсь к этому событию, думая о том, что дружба, взаимовыручка и те особые отношения между людьми, которые зреют и выковываются горами и годами, не подвластны времени.

Борис ЧИПЧИКОВ

МЕЖ КРЕСТОМ И ПОЛУМЕСЯЦЕМ

Рассказ

*Не мы идем к Богу –
Это Он приходит к нам.*

Проведал родственников в уразу, и – в полутьме – жду первый и последний на сегодня автобус. Снежная поземка с воем вгрызается в без того уж изъеденный дорожный бульжник. От вида придорожного глиняного холма, отутюженного тракторным ковшом до перламутрового блеска, становится еще холоднее. Маленькая деревенская почта, с громадным гербом на стене, слепленным местными мастерами, вылупляется из дремучих снов деревенских рассказами О’Генри, и черные скалы нависают над темно-сизой продрогшей округой.

Ураза. Попы в золоченых рясах, с громадными крестами золотыми на мощной груди, муллы в шелковых роскошных халатах, немыслимых тюрбанах, – ряженные под мультяшных халифов. Зима. И до веры – как до весны. А где-то вера: веселая, несказанно молодая, как и весна сама. А где-то вера пузырится на краешках губ сладко спящего младенца. А где-то вера нежится в вечерней прохладе речной. А где-то вера теплится в птичьем гнезде, и, обогретые ею, желторотые верующие выдыхают хвалу переполненному восторгом небу. Я стоял и грыз семечки, и всматривался в дорогу, ожидая автобус, а увидел мальчика, совсем рядом с собой, а увидев, от растерянности предложил ему семечек. Мальчик безучастно посмотрел на меня и сказал:

– У меня ураза.

Хорош же я был – белоголовый, на этой зимней дороге, с грохотом дробящий черные семечки в разгар уразы. Мальчик же был значительным и безучастным, как часть этой округи. Мне даже на миг показалось, что округа безмолвно, не напрягаясь, исторгла его из себя. Волосы у мальчика были цвета каштана, прочного, крупного, но несъедобного. И я вспомнил городские каштаны, лежащие в ржавых листьях среди осенней тротуарной слякоти. И каштаны те были безнадежным и зримым безверьем.

И, когда глядел в глаза мальчика, в безнадежно бытовые его глаза, без усталости пытающиеся просчитать все земные варианты, у меня мелькнуло: а ведь вера – это деликатность. Мог бы семечки положить в карман, а потом выкинуть – птицы склевали бы, все грехом меньше. Мальчик был очень несчастным. Он был частью дороги, важной частью, но он никогда не сможет стать идущим по дороге, которая выводит на путь свой. Вера – это когда от тебя тепло, даже на этой стылой дороге. А какая ж это вера, когда от тебя знобок? Он будет неистово молиться, но верующим ему не дано стать, ибо вера дается, а не приобретается. И дается она вначале, а никак не в середине или в конце. Просто некоторые запоздало с ней

встречаются, но она была в них изначально. Павел не пришел к Богу – он к нему вернулся. Еще не было человека, который пришел бы к Богу: это невозможно, ибо не мы идем к нему – это Он приходит к нам. «Званных было много – избранных мало». Христос выбирал. Выбирали и Христа.

Вера – это не ум в голове, а пупырышки по коже. Путь – это то, что ты можешь пройти. Пройди, сколько сможешь, и путь, тобою пройденный, сам осилит все оставшиеся дороги. Если ты проехал – значит, мимо, мимо времени и сути. Идущий – весел, едущий – печален. Но в жизни все с ног на голову. Едущий – весел, идущий – печален. И Бог, глядя на наши пятки, ничего понять не может. Вера, когда душа и тело шагнули за предел, предел видимого. Вера – это преодоление видимого. Вера – это отбор духовной элиты.

«Элитные» войска... не слышим, что говорим. А не слыша, что говорим – не ведаем, что творим. Элита – это улучшение и приумножение улучшенного. Ничего военные не улучшили, а о приумножении и говорить как-то неудобно. Ведь говорим мы не только общения ради, а общаемся, чтобы жизнь поддержать. С уходом слов уходит и жизнь сама. Самая большая беда – хлеб, купленный в магазине. Если ты посеял, сжал, смолол и испек – ты прожил воистину. «Добывай хлеб в поте лица своего» – это буквально, как и все Священное Писание. Пышность убивает веру. Не могу вообразить Христа, сидящим на лошади, еще больше смущает Христос, едущий на ослике.

Загляните в глаза ослика, и вы увидите собственную несправедливость и несправедливость мира всего. На ослика нельзя садиться. Ради веры самой. Вера – самое хрупкое из всего хрупкого. Если Христос сидит на ослике и пьет вино, это совсем не значит, что и ты машинально должен повторить все это. Ты сам решаешь, где тебе есть и что тебе выпить. Вера – это гармония собственного «Я» и тончайших небесных посланий, предназначенных конкретно тебе. Без собственного стержня вера недосыгаема.

И, глядя на мальчика, вмерзшего в зимнюю дорогу, я вспомнил давний, давний, как предутренний сон, тот летний азиатский день. Впрочем, в Азии я помню только летние дни; было, и снега выпадали, кроме недоверия и недоумения они ничем и не запомнились. Проходя мимо старушек, продававших с придорожного лотка виноград, папа сказал:

– Выбирай, какой хочешь.

Я хотел взять самую маленькую кисть, но рука моя указала на самую большую. Старушки смеялись, смеялся и отец. И смеялись солнечные зайчики, пляшущие на терпкой тени тополиной. Из ласковых тополиных крон прорастали добрые птичьи гнезда. И птенцы, переполненные умильным шепотом листвы тополиной, самозабвенно распахивали желтые рты свои – они не есть просили, им петь хотелось. Они и пели про себя, и я слышал материнскую колыбельную, когда утомленные слова утекали в шепот листвы тополиной, унося меня в дали дальние, в небеса необъятные, знакомые, как щербинки нашего порога деревянного. И я навсегда вдыхал в себя неистребимый воробьиный дух, исходящий из гнезд тех добрых, и дышал запахом асфальта от расплавленной дороги, и крепко веровал и верил, что все это – навсегда. И смотрел – как на икону – на

крохотное птичье яичко, голубевшее в бархатной пыли золотой. Эту пыль я не спутаю ни с какой иной. Я не соломку стелил, я перемалывал ногами босыми колючий песок, превращая его в невесомую пыль золотую, и Бог с небес сыпал под ноги мне пух тополиный. Для меня сотворили, я и сам сотворил – сам и ходил по благодати той. Я смотрел, дышал и слушал... и крепко веровал и верил, что все это – навсегда.

И в минуты растерянности, непонимания, когда я чувствую, что на век заблудился, я вижу ниточку из добрейших тополей, росших у теплой дороги, – и я хватаюсь за нить ту и с облегчением выбираюсь из заблуждений своих. Тогда я был заморожен увиденным и чувствовал, что все это – самое главное, самое важное в жизни моей, просто я не знал, как это все назвать. Сейчас знаю – это была вера сама. Все, что не вписывается в эту картину, и есть неверие. Мальчика на моей картине не было.

А был совсем другой человек.

Я его видел-то раз в жизни, и то мельком. А он возьми и останься навсегда. Картину, как оказалось, не всегда ты сам рисуешь. Приходят какие-то люди, вещи малоприметные, приходят незванные, и уходить никуда не собираются. Я помню его черное, старое лицо, красные слезящиеся глаза и стоптанные сапоги, про которые говорят – «сапоги дорогу знают». Я стоял рядышком, а о чем он говорил – не помню. Я просто, раскрыв рот, смотрел на этого человека. У края дороги была большая проплешина, и из нее торчали дорожные булыжники, присыпанные выгоревшим от пекла белым песком. Человек чернел у этой белой дорожной раны, среди благодатной зелени тополиной. И пронзило: у него нет ни дома, ни семьи, ни близких, а есть эта дорога и случайные встречные.

Обычно, когда говорили взрослые, я отходил в сторонку. Не потому, что воспитан был, просто когда говорили взрослые от слов их размывалась округа, предметы и ощущения теряли четкость, физически чувствовалось, как едет земля, а вместе с ней уносит и тебя. Благо, маленькому можно, да и нужно было не слушать взрослые разговоры. И меня это очень даже устраивало. Округа, наверное, любит слова, но не те, которые мы высыпаем, проходя, а те, которые проговариваем про себя. Переполненные думой деревья, усталая дорога, удивленное небо, кот на солнечном подоконнике, пес в тени дворовой – все жило внутренним и соединялось друг с дружкой безмолвным пониманием. И лишь человек жил внешним, растворялся во внешнем и его ничто и никто понять не мог. И был он одинок во всей вселенной, ибо одиночество – это оторванность от иной внутренней жизни.

А черный человек улыбнулся и вытащил из кармана грязный-прегрязный платок, схваченный несколько раз прочными узлами. Руками и зубами распустил этот ужасный платок, вытащил оттуда кусочек сахара и протянул его мне.

Чего только не уместилось на этом некогда белом кусочке: желтая пыль придорожная, более темная – домашняя, нанесенная из домов чужих, и все это щедро было посыпано махоркой. Я взял его подарок и сунул в карман. На том мы с ним и разошлись. Он-то ушел, но остался во мне по день сегодняшней. Я много думал о нем, думаю и сейчас. Мне кажется, я многое о нем знаю. Он и не человек был вовсе, а время само. А время

характерно своей нелепостью. Если и есть связь времен, то связывает их воедино одно лишь слово – нелепость.

Человек этот был и временем и судьбой Балкарии – одновременно. Дома наши находились Бог весть где, а сами мы пребывали вдали от них. Куда нелепей. Я почувствовал, что есть в нем что-то важное и непонятное мне, как и в тополе, что рос рядом с ним. Придорожные тополя так похожи были на маму. Когда я смотрел на них: зеленых, теплых и прохладных одновременно – я думал о маме. Тополь у дороги всегда порождает грусть. Он уходит от тебя – уходила и мама, и я это чувствовал. Грусть – это когда от тебя уходят. Тополь в городе и тополь у дороги – разные деревья.

Городской тополь – он общий, он не твой. Тополь у дороги, да еще в степи полужилой, когда средь всего видимого он один – это твое. Он понимает свою значимость крохи, стоящей рядом с ним. Как же не усыновить ему этой малости – ростом с две виноградные кисти, одну из которых он держит в едва обозначенных ручонках своих. Вместе с тополями уходил и черный человек – уходил вместе со временем своим. Потому-то я и спрятал дар его в маленький карманчик свой, спрятал как память о нем и уходящем времени. А придя домой, я не выкинул тот сахар, а положил его на подоконник, и сбежавшиеся со всего дома муравьи щедро отламывали от сахара того и радостно неслись в норку свою. Уходили муравьи, уходило и время – это виделось в залитом солнцем, неподвижном зеркале оконном. Черный человек был из тех времен, когда в горы торговцы привозили комковой сахар, а взрослые дробили его на кусочки и раздавали детям. Он был из тех времен, когда горцы поедали арбузы с кожурой и спали под коровой – все равно ни свет ни заря вставать на утреннюю дойку.

Черный человек грыз соль. Все, что он ел, превращалось в соль. И сжалился Бог над ним и превратил ту соль в сахар. И ходил черный человек по дорогам чужим и делился с людьми Божьим даром. Достался и мне кусочек от доли той. Я уже шагнул в новое время, с громадной кистью винограда, а черный человек, протянув мне кусочек сахара, остановил мой бег за временем. Так и стою – одной ногой во времени ушедшем, кусочек сахара держа в руке, другой ногой во дне сегодняшнем стою, с громадной кистью винограда. И все пытаюсь разгадать загадку черного человека – кое-что у меня получается, но этого так мало.

И я, весь облитый солнцем, держа в руке радужную кисть виноградную, чувствовал, как во мне созревает сама свобода. Свобода – это то, что было во мне и в тополях, идущих вдоль теплой дороги к бирюзовой кромке неба. Мы, родившиеся с 1945-го по 1950-й, и выносили в себе ту свободу, в которой пребываем и сегодня.

А семена той свободы бережно собрали отцы наши с кровавых полей европейских и посеяли в нас. Рожденные в 30–40-х годах, так называемые «шестидесятники», глядя на нас, сформулировали и передали другим суть этой свободы. Мы не смогли бы этого сделать. Нам не до разговоров было – мы сами росли средь свободы и сами ее растили, да и говорить-то толком мы еще не умели. А то, что свобода наша не совсем благостная, так и кровь, из которой выросла она, – не враз смывается.

После уразы пришло Рождество.

Рождество – это, когда кто-то родился и ты не один на этой земле. Это остро осознаешь, будто ступил в мороз из теплой комнаты. И еще пронзительное недоумение и жалость, что кто-то прет, не щадя души своей, не жалея душ и плоти, и ближних и дальних, – прет, подвигая тело свое поближе к Богу, не понимая, что нет дороги к Нему, а есть Путь, исходящий от Него. Рождество – как нашатырь к беспамятству. Рождество и пахнет дальним и давним, едва-едва уловимым запахом нашатыря. И потому на Рождество пытаешься что-то вспомнить. Вспомнить то, что произошло или могло произойти, или тебе показалось тем давним-давним летним утром, что-то необходимое тебе сегодня и завтра. И в сознание втекает первый луч солнца на пупырышках крохотного тельца и крупные гроздья росы под босыми ногами – и в том луче, и в росе той и затаилась разгадка произошедшего или беспричинно ожидаемого события. Воспоминание неумолимо накатывает на тебя, и кажется, что оно вот-вот взорвет бытовую, невнятную тягомотину... и ты ойкнув, вылупишься из плотной пелены хаоса, и наступит ясность в тебе и округе. Но оно захлопывается перед самым носом, становясь желанной тайной, которая всегда рядом с тобой, но до нее ты опять не добрался... и досадно, как от несостоявшегося чиха.

Запах навоза ударил резко и неотвратимо, и пахнул он одиночеством вселенским, и Христос приоткрыл печальные глаза свои. Рождество – праздник для молящихся и печаль для сирот, ибо рождественская морозная яшень пахнет просветленным сиротством. И, хватанув во все легкие то рождественское ощущение, я пошел к ней. Проведал я родственников в уразу, пойду теперь к родственнице христианке. Но, увидев крест на ее груди, я замер: то ли крест был больно большой, то ли крест – это прерывность, остановка. А я веру чувствую как движение. Она и молодая, и задорная, потому что в постоянном движении, и движется она во благо самом. Чтобы почувствовать веру, надо самому пребывать во благо. «Будьте как дети» – важнейшая, если не самая важная мысль Христова. Бед не много на земле, беда одна – дети перевелись на свете белом, а с ними вместе ушла и вера. Вера – это просто восторг, тот самый телячий восторг, который так не любят пишущие о литературе и в котором пребывают телята и дети.

В дверь позвонили, и она зазвенела: резко, долго и нахально. На пороге две девушки восточной внешности, не по годам изможденные. И не салама от них, и не здравствуйте, а единый возглас: «А вы имя Бога знаете?» Вот тебе раз – жизнь прожил, а имени Бога, выясняется, так и не узнал. Я враз и потух. А они показывали какие-то пухлые книги, и до меня долетали слова: «Голгофа», «Армагеддон», «Содом» и «Гоморра». Меня окутало туманом, и я слушал издалека летящие слова и смотрел на давно не метенные лестничные ступени, на смачно залепленное грязью подъездное окошко, и реально чувствовал, как меня все дальше и дальше уносит от веры. Долго я их слушал в забытии и унынии, и уж не помню, как и избавился от них. Не иначе как с Божьей помощью. И я почувствовал, как далеки от веры все кресты и халаты. Ну нет у веры атрибутов! Вера – это воздух на земле и на небе, а крест – на груди, а халат на плечах.

Мы сидели с родственницей за праздничным столом, пили и закусы-

вали. Горели свечи, горела елка – было все, лишь не было главного – детского подарочного кулька с открыткой Деда Мороза. Было еще светло и было видно, как за окошком идет снег, хлопьями крупными и дробными, как сами снежинки, одновременно.

– Папу забрали на фронт, а мама, копая траншеи, заболела и умерла.

Падал крупный снег за окном, и, падая, вспоминал ее родителей, и, упав, мягко погребал их под собой. Погребал и воскрешал, воскрешал и погребал.

– Война унесла родителей, а победа лишь подтвердила мою потерю. Победа... и никого на всем белом свете – ни родных, ни близких... Громыхание слов: война, победа – оставляет после себя, долгий, едва слышимый звон сиротства. Мне девять лет, и я все понимаю. Понимание пришло вместе с бомбежками и укрепилось послевоенными грудями почерневшего кирпича и камня, еще вчера считавшихся домами. И эти острые осколки черни росли из зеленой травы. И глядя на молоденькую зелень, порождающую пепелище, я сильнее ощущала сиротство свое. Война и победа, объединившись, добивали меня. И я все понимала. И понимала я, не то, что видела, а то, что увижу. Я понимала не сами события, а то, из чего возрастали и во что превращались они завтра. Сирота ведь – вечное вслушивание и неоглядная ширь ожидания. У сироты – вчера и завтра, но нет сегодняшнего дня.

Диван, мягкие кресла, мерцающий телевизор – вещи, родившиеся в менее варварское время, с недоумением и непониманием, напряженно вслушивались в слова моей родственницы и ничего понять не могли. А время, оно всегда варварское, оно созидает только внутри себя и разрушает все, что вовне. Люди для него, все равно что чесотка для человека, одно лишь желание – избавиться.

А снег все шел и шел – мягкий, умиротворенный, как давным-давно прошедшие события. И даже время лихое задремало, убаюканное чистой музыкой, просеянной сквозь семь небес и павшей с тех небес на землю белизной.

Снег шел и шел, и нес, и нес сохраненные им мои и чужие воспоминания. И в маленькой снежинке умещались воспоминания всех и все воспоминания. И голос моей родственницы, в такт подающим снежинкам, озвучивал прошедшие события. И я, сидя рядом с ней, слышал отзвуки далекого далека. И как это африканцы обходятся без снега? Как трудно им – в монотонном пекле – вспомнить ушедшее.

Солнце – это всегда настоящее, снегопад же – вести из прошлого, музыка ушедшего. Кто-то читал Библию, кто-то Коран – читающим хотелось приблизиться к Богу, но если ты не слышишь песен падающих снежинок, в которых уместились и Библия и Коран, тебе никогда не приблизиться к Нему. Далекий от поэзии – далек от веры. Вера и монотонность – несовместимы. Вера – это полифония чудес, фейерверк умилений и изумлений.

Нас, сирот, разместили в уцелевшей военной казарме, на самом краю города, на высоком обрыве речном. Дальше нас были лишь степь да горизонт. Степи было много, аж до самого стыка земли и неба. И если бы не речка, а несчастые дерева, искореженные ветром речным, можно было

подумать, что жизнь отсюда давным-давно ушла и возвращаться не собирается. А жизнь была в городе. Кто в телегах, кто на тележках, а кто и в мешках заплечных – растаскивали кирпич. И, глядя на них, я думала, что люди собрались строить хоть и мирные, но блиндажи. Из этого кирпича, пропитанного войной, ничего мирного нельзя было построить.

Все мельтешило, несло и кружилось, и, глядя на этих оголтелых людей, я думала: молчаливые, но деятельные проповедники собственного несчастья. Слов таких, конечно, не было, но суть была именно эта. Слов не было, но остро ощущалось строительство всеобщего сиротства. За все время, я не видела хоть одного просто так сидящего человека. А мне так хотелось увидеть такого. Вид мирно сидящего человека подсказал бы мне выход из собственного сиротства. Так мне казалось, и я верила в это.

Директора детдома Порохню то носило по комнатам дома нашего, то выбрасывало во двор. И он все давал какие-то распоряжения нашему плотнику Расщупкину. А тот, лысый, в полотняной, до белизны заношенной рубахе, весь день стоял за верстаком и все строгал и строгал, утопая в янтарной древесной пене, и от запаха этой ласковой пены я ощущала какое-то жгучее сиротство. За одним ухом у него ловко была пристроена папироса, а за другим – остро отточенный карандаш. За все время я от него и слышала, разве что несколько десятков слов.

Чтобы как-то заполнить день наш, Порохня водил нас строем по двору, и мы пели солдатские песни. Вместе с нами шла дворняжка, наша Афелия, и не в такт, с величайшим неодобрением, подвывала песням нашим. Когда не одобряешь – это всегда не в такт. Видя, что в городе все что-то строят или на худой конец ремонтируют, Порохня решил отремонтировать наш дом. Неделю где-то пропал, нашел черную краску, и мы покрасили фундамент, на большее ее не хватило. И все вернулось к строевой да песням.

И тут на той стороне реки появились цыгане, и жизнь наша наладилась. Цыгане появились внезапно, как война, победа и сиротство. Порохня сказал, что если появились цыгане – значит, будут красть. И наша, мол, задача защитить социалистическую собственность. Но кроме солдатских панцирных кроватей и нас, лежащих на них сирот, никакой другой собственности у социализма не было. Порохня приказал Расщупкину смастерить нам автоматы. И тот мало того, что вооружил нас, но и для пущей похожести окунул оружие в остатки черной краски. Нам выдали красные нарукавные повязки с буквами «БДО» – боевая дружина обороны. И стали мы и днем, и ночью охранять нашу собственность. А на праздники рядились в пестрые лохмотья и танцевали «цыганочку».

Я стояла с автоматом и в свете луны видела усталых цыган, певших заунывные песни свои, серенькую задремавшую речонку, черные враскосяк растущие деревья, груды мертвенно-бледных камней речных, и все это поглощалось бесконечной теменью ненасытных полей. И я, замерев, стояла, прижав к груди автомат, и чувствовала свою оторванность от всего этого. И вдруг что-то мягкое и шершавое коснулось моей руки, враз наполнив ее теплом. В свете лунном, прижавшись ко мне, стояла наша Афелия, стояла, задрав голову, неотрывно смотря на меня. В ее глазах было столько теплого пронзительного понимания, и понимание то

заливало меня с ног до головы, и слезы текли из глаз моих. И мне стало жаль себя. Но больше всего, больше чем себя, жаль мне ту девочку. Век проживу – век ее помнить буду, и если есть жизнь на свете том, то и там мне ее не забыть.

Она украла у подружки носовой платок. Мы раздели ее и поставили посреди спальни. Была поздняя осень, из вечно разбитых окон несло предзимним холодом. Мы сидели, укутавшись в одеяла, а она стояла голая. В свете лампы керосиновой, крупные пупырышки на тельце ее виднелись издалека. Лопатки у нее развернулись, как зачатки неотросших крыл, а вместо попки торчали две острых кости. Она стояла, отвернувшись от нас к окну, а в окне полыхали крупные звезды. Мы, обездоленные, нашли себе в утешение еще более обездоленную. Так там тогда казалось. А сейчас, когда я вижу в окошке звезды, ко мне в комнату из незабываемого далека вливается голая, продрогшая девочка и хуленьким тельцем своим заслоняет свет всех звезд.

И сейчас, когда я думаю: «Почему я, несчастливая женщина, почему все женщины несчастны?» – перед глазами моими встает как ответ та голая девочка, из послевоенного далека, и я понимаю, что женщина не может быть счастливой, потому что изнутри ее прорастают крылья, а внешнее комкает ее крыла, прессуя из них две кости. И от этого столкновения внешнего и внутреннего женщине всегда больно. Женщина – боль въяве. Одни женщины, смирились с двумя костями позади, у других в глазах предполагаемые крылья за спиной.

...Ну ладно, ничего себе я Рождество тебе закатила. Не Рождество, а история сиротства. – И в ее выбеленных одиночеством бледно-голубых глазах мелькнула тень продрогшей девочки.

И она отвела меня в спальню.

А спать совсем не хотелось.

Наверное, потому что Рождество я представляю, как утро, а кто ж спит по утрам? Утром человек встает – встает во весь свой рост.

Уличный фонарь, а за фонарем тем – громадная луна, а меж ними – снега и снега падали перед фонарем, бились о землю и вновь возвращались к луне, создавая белые холмы в желтом бесконечии. И трепетное белое и желтое заливало комнату, и казалось – не в жилище я, а в вагончике фуникулера, и вагончик тот, укутанный снегами, по белым холмам небесным уносит меня в желтизну первоздания. И в свете том постель показалась неправдоподобно белой. Я не мог лечь на нее – она явно предназначалась кому-то другому. Лечь на нее было все равно, что есть при голодном. Есть при голодном до слез пахучий хлеб.

Ноздри младенца почувствовали запах стылого навоза, и пахнул он чистотой предстоящих событий и одиночеством зимнего ветра в продрогшей степи. Младенец улыбнулся и приоткрыл печальные глаза свои... и наступило Рождество – праздник молящихся и печаль всех сирот. А постель моя пахла добрым рассказом, который предстояло еще написать.

Книжный шкаф, столик, несколько стульев, а на полу, в углу, трофейная немецкая картина. А на картине той совсем не рождественский снег. Снег тот был грязно-серым – первый снег послевоенной Германии. Это был не снег, а состояние разбитой вдребезги страны. Даже из этой

белой благодати, чем щедро делилось небо само, оказывается, можно слепить безысходную грязь. На книжной полке попалась книжка «Фельдшерство». И мне подумалось: «А наука эта вполне могла произойти от фамилии Фельдшер».

И ходил я по комнате, и носило меня от слезной чистоты Вифлеема до кроваво-серой усталости послевоенной Германии. И, устав, присел на коврик половой, взглянул на стену и обомлел... В красном платье с белой оторочкой по краям, со стены на меня строго, но по-доброму глядела кареглазая Матерь Божья – работы Петрова-Водкина. И мне показалось, что не со стены Она на меня смотрит, а с тех белых холмов небесных, щедро политых светом лунным. И среди зимы из меня болюче выцарапывались весенние слова Есенина: «Будто я весенней гулкой ранью проскакал на розовом коне». И мне срочно захотелось написать рассказ, навеянный белоснежной постелью, которая предназначалась не мне. Я вбежал на кухню – ручки и бумаги я там не нашел. А нашел коробку спичек. И я, намочив спичку, стал писать на белых кухонных изразцах. Писал в забытьи и исступлении. Спичек мне хватило, но вот изразцы закончились. Не помню, о чем я там писал, но в сознание вливаются кадры из «Мира животных». Лев терзал олененка, бегемот, отбив его у льва, засунул голову несчастного себе в пасть, стал делать ему искусственное дыхание. Тут же слетелись большие белые птицы и, став в круг, замахали крыльями, разгоняя зной африканский, вея спасительной прохладой на бегемота и олененка. Я не помню, что я там написал на белых стенах тесной «хрущевки», но помню что-то доброе, которое не исчезает, едва появившись, а оседает внутри тебя навсегда. Ничего добрее я не писал и уже никогда не напишу. Жаль, не помню, о чем.

Я сидел на полу и смотрел на падающий снег, на луну, на волшебный уличный фонарь, а на меня строго, но по-доброму смотрела кареглазая Матерь Божья, и за спиной у меня белела постель, предназначенная не мне. Так и просидел до утра в благостном оцепенении. А утром попросил у нее картину. Она молча ее протянула, и крест на ее груди не казался таким уж большим. По глазам было видно – и она не спала. Так трудно уснуть в Рождество.

Я шел домой, и дом мой был совсем рядышком. И шли сквозь сугробы сонные люди. И, глядя на них, подумалось: «Господи, меж крестом и полумесяцем – шаг, но в шаге том – забыли, потеряли человека».

Хоть, тысячу лет смотри на небо – ты не увидишь Бога. Бог затаился в другом. До века скончания молись – ты не увидишь Бога. Бог не приходит в одиночку и не приходит к одиноким. Он является вместе с Благостью к тому, кто нашел Его в другом. Прошедший мимо человека – прошел мимо Бога.

А утренний запах снега и был запахом самой веры. И была та вера на стороне идущих. Несмотря на государство, на силу креста и полумесяца, – люди шли, шли, полня меня теплом веры своей. Идущих становилось все больше и больше. Господи, как много у тебя верующих. Шла пожилая пара – оба белоголовые, под стать снегу небесному. Они шли, помогая выбираться друг дружке из сугробов. Они шли, нелепо размахивая руками, нелепо передвигая ногами. Они шли, как в невесомости,

шли как два человека, любовью своей преодолевшие земное притяжение и шагнувшие вместе в измерение иное. И, глядя на них, мне подумалось: «Они могут пройти и по лесу осеннему, не проронив ни слезинки, – так они были сильны. Мне ж одному без помощи Божьей и шага не ступить в том лесу, не заплакав. Я умилялся им, как умилялся вере нашей единой белой благодатью, ниспадающей со всех семи небес».

А снег все шел и шел, и не было конца снегу тому. Я поместил Божью Матерь не в красном углу, а у дверей. Пониже Ее я пристроил фотографию своей сестры и ее подруги. Их сняли ранним утром в горах Чегема. И горное утро застало их врасплох, не дав им раствориться в предстоящем дне. И я, не верящий поповским мифам, вдруг уверовал в Троицу Святую, которую вместе с Петровым-Водкиным и соорудил собственными руками. У меня есть своя икона и молитва от святого Сергея Есенина: «Будто я весенней гулкой ранью проскакал на розовом коне». У меня есть икона, у меня есть молитва, и я глубоко верующий человек. И выходя из дома, я смотрю на Святую Троицу, и, возвращаясь домой, я встаю пред ними. И мне не надо разбирать свои слова и поступки. В их строгих и добрых глазах я вижу прожитой день свой. И понимаю – день был прекрасным, просто мне трудно до него дотянуться. Человек не должен оставаться один, за ним одного земного присмотра мало – ему необходим и взгляд с небес. Господи, как хорошо мне под земным и небесным присмотром.

И, глядя на этот добрый снег, на убаюканные снегом деревья, на вступающих в бесконечный день свой верующих, мне подумалось: «Мы из жизни пришли – в жизнь и уйдем. И нет у нас выбора». Как нет выбора у падающего снега, растущего дерева, летящей птицы. Мы обречены на жизнь, и выбираем лишь, на что нам жить. Господи, на что бы я жил, если бы не снег Твой?

ДВОРЕЦ МОЙ В БЕЗЛЮДНОЙ СТЕПИ

Рассказ

Обездоленность – когда нечего дать другому.

После ухода мамы мы собирали поминальные кульки со сладостями – на девятый день, потом на пятьдесят второй. И даже сквозь горе чувствовалось, что делаем что-то не то – пытаемся накормить сытых. Сестру, наверное, Бог надоумил: в годовщину поедем в интернат, там и раздадим милостыню, неожиданно сказала она. И мы, ближайшая родня, наполнив «газель», поехали. Миновав ближайший городишко поселкового типа, поплутав в степи с полчаса, мы подъехали к этому интернату. Дом с колоннами, а рядом ни жилья, ни людей, ни живности. Степь до горизонта и дом с колоннами – жилище Кафки, земля его собственная. Время забылось в нереальности. И интернат этот предназначался для умственно отсталых людей. К нам подходили обитатели этого дома: у кого – губа заячья, у кого – глаза враскосяк, у кого – шея шире черепа. Обступили, разнообразные, невиданные на земле формы, будто фантастичные видения во сне. И, странно, от них не отшвыривало, а притягивало, как к неведомому, но

долгожданному теплу. Будто прошедший сквозь пургу подполз к очагу, к горячей чашке чая. Мы жали друг другу руки, обнимались, как фронтовики в первые мгновения после войны. Слов было мало, будто мы давно все обговорили. И в простор милославия, через босхианские формы, на меня неожиданно накатили потоки едва узнаваемого, простого, чистого добра, изначально нами забытого, но помнимого только этими людьми. Наверное, так же внезапно нас вбросят в чистилище, и мы испытаем то же самое, что испытывал я, стоя на земле, в поле чистом, у дома с колоннами. Да ведь я, оказывается, и не жил вовсе, разве что сейчас жить начал, в миг сей, и миг был такой емкий и долгий и предполагал какое-то долгое продолжение, смывая предыдущую жизнь мою, зряшную почти. Господи, избавь меня от гордыни, хожу я с ней по хлябям земным, не ведая пути своего и не будучи хозяином дел своих. Сил – как у цыпленка, а гонору – как у ста орлов вместе взятых. Господи, дай мне смирение, а значит, и истинной жизни чуток. Я ведь догадываюсь, что такое смирение.

Смирение – не крест, раскрашенный кровавыми губами.

Ни кисти муэдзина в подутье.

Смирение – не хлеб мой вчерашний.

Не хлеб, о котором мечталось во сне.

Не взгляд мой осенний, в продрогшем окне.

Не раскаленный посох, тлеющий в пыли.

Не ставни – до земли.

Смирение – когда в глазах старушьях

Синеет целомудрие весны.

И я жал руки и обнимал этих людей, как носителей той жизни, которую просил у Бога. Мое сокровенное, мое самое ценное, самое необходимое, было не во мне, а в них. Один бы я не унес, и Бог дал мне подмогу. Крест свой я худо-бедно нес, но долю свою, от Божьей благодати, один я не унесу. Будто самое ценное свое я сдал на хранение, и я знал, что в миг любой оно вернется ко мне преумноженным.

Санитары сказали: вы сами раздайте ваши кульки по палатам. И мы пошли по изодранному донельзя линолеуму коридорному, вдоль давно не беленых стен. Обитатели больниц и тюрем обретают суть, исходящую от стен этих домов – грустную суть плохо стиранного, старого белья.

– Курить принесли? – только и спрашивали, и молодые и пожившие вдоволь, и женщины и подростки. Здесь очень хочется курить.

– А как вас кормят?

– Хорошо, дают макароны и картошку.

В палатах сидели и лежали холодные и голодные люди, и в замкнутом пространстве своем, из бед своих и лишений вырабатывали тепло, чтобы согреться, и добро, чтобы было на что жить. Им не на кого было надеяться, да такое и доверить некому.

И палаты умиляли ликами с общим выражением, и лики те совсем не хотели вживаться и обретать смысл скорбных стен своих. И за все время я не услышал ни одного шероховатого слова. Слова были простые и теплые, обогретые и взлелеянные ими.

– Спасибо, – говорили они. – Чтобы у вас не было больше смертей, чтобы много радости было.

И я, протягивая кулек, ощущал, что не даю я, а беру. Они ели и смотрели в глаза, и слаще тех конфет я никогда не едал. Из душевой неожиданно выскочил совершенно голый человек на четвереньках, он взял свой кулек и вновь захлопнул дверь. И никто не содрогнулся, не отшатнулся: ну вышел человек и вновь зашел. На каждом этаже были свои санитары. Добрались мы до второго этажа. Стою с кульком в руке и не знаю, кому его протянуть. А санитар, грозно взглянув на меня, рыкнул:

– Ты что, уже второй кулек взял себе?!

Боже, да он меня с ними путает. И такая радость хлынула в меня: значит – что-то во мне осталось, значит – не все растерял.

– А, извини, – спохватился санитар, не ко времени подобрел, и все рухнуло.

Обошли мы все палаты, двигаясь в безвременьи и невесомости. Мы уезжали, а они стояли на ступеньках и махали нам вслед, и им очень хотелось уехать. Едва мы отъехали, и я заскучал по этим людям. И мне показалось, что это я, из давнего далека, крохотной ручонкой машу себе, едущему Бог весть куда и Бог весть зачем. Я не мог бы остаться, ибо я не понимал: как можно излучать добро, будучи совсем, совсем одиноким, холодным и голодным? Я уезжал туда, где тепло и сытно, но чем лучше я одевался, чем вкуснее ел, тем дальше и дальше уносило меня от добра.

Как их назвать: умственно отсталыми, людьми с ограниченными возможностями? Да, у них ограничены возможности делать что-то не так. И неограниченные в том, без чего и жить-то невозможно. Их бы не бросить в степи, а поселить в центре города, чтобы брать у них средства: на день свой, на год, на жизнь. Я уезжал, а позади остались дом с колоннами, схваченный со всех сторон тополями и людьми на ступеньках, машущими вслед нам руками, и все это стиралось, впадая в сизый, кизячный закат грустных деревенских окраин. И вспомнилось название не то повести, не то рассказа Катаева «Хуторок в степи». И пахла слова эти светлой ширью и возможностью выхода, выхода из теснин обезумевшего бытия.

Мы молча возвращались домой. Вымолвить слово не было никакой возможности. Всежитое – выветрилось, а новое еще не обжилось.

Меж двух дорог, меж мчащихся машин, на клумбе цветочной, лежал пес на правом боку и, сладко подремывая, улыбался. И дремлющий пес, и сизый, без единого яркого пятна горизонт не завершали день, а растягивали, удерживая долготу дня. Совсем как у Пастернака: «И дольше века длится день».

На одном из домов было написано: «Продается». И мой двоюродный брат, остановив машину, сказал: «Я хочу дом купить, будь другом, узнай цену».

Калитка была открыта, на крыльце стояли двое седовласых мужчин, примерно мои ровесники.

– Салам алейкум! – поздоровался я.

А в ответ – тишина.

– Сколько дом ваш стоит?

Молчат...

Эти двое, одетые в какие-то старомодные костюмы, стояли на крыльце и смотрели сквозь меня. Они молчали, им было лень изобразить даже

презрение ко мне. Молчание затягивалось. И один из них, оживившись приливом сарказма, крикнул в приоткрытую дверь: «Фоза, тут к тебе покупатель». И в голосе его было столько ехидства, лишавшего надежды купить хоть что-то, хоть когда-то.

Вышла крупная женщина в блеклом платье и блеклым лицом оглядела меня, и, ничего не сказав, захлопнула дверь. И вспомнилось из того же Катаева: «Мадам Стороженко». В двух словах – образ человека, не слышал ничего более емкого и более лаконичного во всей литературе.

Мадам Стороженко, облитая солнцем, бойко кричала: «Бычки, кому бычки», и полнилась жизнью, почти как море за ее спиной.

А эта уже состарилась и сама не знала, что ей надобно. Бывает. Бывает и хуже. Они оценили меня по одежке. Я оделся поскромнее, чтобы не было стыдно перед людьми, к которым я ехал. А они продают дом свой и, наверное, примеряют себе какие-то новые роли.

Ну продадут они дом – на Канары они точно не поедут, вряд ли сошьют себе хорошие костюмы – вкуса не хватит. Вряд ли съедят сразу двух куриц, они и сейчас и полкурицы не осилят. Тогда зачем весь этот гонор. Не знаю. Но я знаю, даже надень я свой лучший костюм, все равно я им ничем помочь не смогу. Наконец один из мужичков, смилостивившись, сказал: «Дорого стоит дом, дорого». С тем я и ушел.

И что же мучился я – неужели день мой вместился в катаевских образах: «хуторок в степи» и «мадам Стороженко»?

И уже подъезжая к дому, я увидел одинокий тополь у дороги. Когда я вижу тополь, мне хочется молиться. Если долго стоять около него – сам превращаешься в молчаливую молитву. Я не могу представить киргизскую юрту без тополя, растущего рядом, – так жилище надежней кажется. И умильные всплыли айтматовские слова: «Тополек мой в красной косынке».

И как вообразить украинскую мазанку без тополя, растущего рядом? Но тополь – всегда у дороги, а не у дома. Тополь все время в движении, он странник неустанный. За березами всегда ощущается оседлость, жилище человеческое. Береза как бы пришла, светло обустроила округу и никуда уходить не собирается. Когда я иду по большой дороге вдоль тополей, то полностью оптимизмом – ведь люди, сажавшие их, поняли бродяжью суть тополиную, поймут они и цену живущих рядом... и не так уж безысходна жизнь, которую по неведению своему мы соорудили.

Тополь – это всегда выход, выход зримый. Жизнь тополя, как и жизнь человека, – дорога и молитва.

Человек, как и тополь, не чувствует, что молится.

Помолюсь тополи, посоветуюсь с ним и выйду в день новый. И мне всё дано, и все понятно. Уступлю тополи дорогу и пойду в такт дышащей тверди земной. Мне всего-то надо: не обогнать его, а иначе заблужусь. Тополь мой, странник и домосед, скромное обличье вкуса, ибо вкус и есть всепонимающая, всех понимающая, обиженная нами скромность. И в трудную минуту я вспомню тополя вокруг дворца моего в степи безлюдной, тополя, которые молятся и охраняют людей, у которых я оставил все свои ценности.

АСТАНИ

В капельке малой вижу океан.
А в сером камне – высокие горы.
За горизонтом – очертанья дальних стран,
И всю вселенную – в любимом взоре.

Спускались радуги с небес,
Звенел листвою осенний лес.
Слетались птицы. В облаках
Небо носило нас в руках,
Качали горы на хребтах,
Степь пеленала нас в цветах,
И ветерок ржаному полю
И нам пел про любовь и волю.

Небо нас с землею обручало
Золотым кольцом пламени зари.
Небо нас с собою повенчало,
Звездным светом щедро одарив.
Звездное сиянье, озаренье будем
Дарить всем живущим на планете людям.

Мы друг для друга – дар небес.
Об этом прошептал нам лес.
Об этом шелестело море,
Волной играя на просторе.
Об этом чайки нам кричали, –
В их криках отзвуки печали.
Природу слушая, молчали,
Прощаясь, друг мой, в час разлуки
Другие предали нас звуки:
Два сердца в один такт стучали,
Эхом вселенной отвечали...
...Все будет: море, чайки, лес,
Но без тебя, мой дар небес.

Все говорят, что для любви это полезно,
И что разлука любовь только закаляет.
Но иногда она становится болезнью,
Той самой, от которой умирают.

Неба неожиданная просинь
Среди низких облаков и туч,
Вдруг осветит золотую осень
Солнца ласковый, прощальный луч.
А над родиною, к югу улетаю,
Журавлиная курлычет-плачет стая.
Словно землю штопает-латает,
Лист роняет осень золотая.
Медленно кружат листья, слетая –
Вальс танцует осень золотая.
Первый снег, не долетев до земли, тает.
Краски щедрой кистью разметает
Без начала, без конца, без края...
О, сень года – осень золотая.

Тот, кто увидит эти горы только раз,
Навеки пленником твоим станет, Кавказ.
Тому, кто на вершины путь осилит,
Дарит сокровища жемчужина России.
Там каждая вершина – перлы: утром
С зарей играет и сияет перламутром.
Там солнце на ладонях держит лед,
И воздух чист и сладок, словно мед.
На голом камне растут сосны и березы,
Там тихо скалы проливают о нас слезы,
Там водопады с голубого небосвода
Несут в долины хрустальные воды.
На тех высотах самый чистый снег,
И эдельвейсы цветут на проталинках.
Там радость светлая и только добрый смех.
И мы там искренние, словно дети маленькие.
Откроют тайны сокровенные вершины,
Внимая им, там плачешь без причины.
Тепло, как сына, там обнимет тебя Небо,
Словно дороже никого у него не было.
Но одному до тех высот вам не дойти.
Дойдете, если с Богом вы в пути.

Валентина ШУБАЕВА

В тайны вселенной я проникну незаметно,
Чтобы вернуться серебром утренних рос
И майской радугой, только тебе заметной,
И нежным ароматом первых роз,
Прохладным ливнем в жаркий летний вечер
И пламенем заката ярко красным.
А ночью, когда ты погасишь свечи,
Стану сиять тебе звездой прекрасной.
Твои мечты я буду делать явью,
А ты не будешь знать, что я с тобою,
И без любви тебя я не оставлю,
Но и любовью не побеспокою.

Прости. Мне стыдно пред тобою –
В рванье, лохмотьях и лоскутках.
Сама не знаю, как такую
Стою у жизни на распутье.
Холодный дождь стучит по крыше.
Я без зонта стою босая.
Прости, что долго шла. Ты слышишь?
Ты ждал меня. Я это знаю.
Ты снимешь серый плащ и шляпу
И мне свой зонт отдашь сейчас.
А дождь над нами плакал-капал
И предвещал разлуки час.
Меня жалея, ты заплакал.
Что люди сделали со мной.
И дождь с тобою вместе плакал
И уходил вновь за тобой
В дальнюю даль, за горизонты
И уносил мои мечты...
Меня оставив, плащ и зонтик,
Вновь от себя уходишь ты.

Потомкам нашим через много лет
Достанутся стихи мои в награду.
Они прольют на день вчерашний свет
И просияют солнечной громадой.
В них свет любви и сила русской речи,
Живущая в сердцах простых людей,
И нет такого на земле наречья,
Где слово было б чище и сильней.

Народ, останься чистым, как кристалл,
Душа твоя пусть светлой остается.
Я в силе слова убеждать устала.
Зачем вам, люди, речи дар дается?

Добрый путь я себе попрошу,
Помолясь на рассвете Богу,
Боль и ненависть всем прощу,
Возьму только любовь в дорогу.
Сяду в поезд, в пустой вагон,
И уеду навстречу удаче,
Листья вальс мне станцуют «бостон».
С родным краем прощаясь, заплачу.
До свидания милый Домбай,
Теберда, доли, горы и реки,
Милый край, обо мне вспоминай,
О любимом тобой человеке.

Трамвай застыл, уснувший в полутьме,
Такси в парк уезжает на покой.
Еще пока иду, а обо мне
Уж в церкви подают за упокой.
Все свечи догорают, воск застыл,
Святые лики спрятали в огне,
И мой хранитель, ангел легкокрылый,
Пред Небом слезы проливает обо мне.
Игрой пустой потом все назовут,
Что в древности любовью называли...
Душа моя искала здесь приют,
Но слишком рано свечи догорали.

Все соразмерно: стройные колонны,
Холодный мрамор и гранитный пол.
Но этот плач – души раненой стоны,
Внесет ли секретарь в свой протокол?
На том суде не по закону кара
И не судья выносит приговор.
Фемида от грязи суда устала,
Сняла повязку, посмотрев в упор,
Спросила: «Лавочки вы иль судьи?
Зачем за мзду калечите вы судьбы,
И, прикрываясь мантией и правом,
Вершите суд жестокий и неправый,
В котором нет ни истины, ни милости?
А сила права лишь в добре и справедливости».

Борис КАГЕРМАЗОВ

Жалобное яблочко ошиблось

Росла в саду яблоня, вся усыпана плодами. И одно яблочко ей однажды заявляет:

– Довольно, старушка, сколько можно мне висеть на твоей ветке. Отпусти! Вокруг столько интересного. Хочу на свободу.

И ответила мудрая яблоня:

– Ах, глупыш! Повиси на веточке, пока не созреешь, ведь совсем еще зеленое...

Однако яблоко не послушалось. Попросило налетевший ветерок, тот и сбил его с ветки. Упавшее на землю яблочко поднял хозяйский мальчик. Обрадовался, думая, что яблочко наливное да спелое, зубки острые вонзил, да только тут же скривился и выбросил огрызок: «Фу-у, зеленое еще!»

И валяется яблочко среди других таких же и уже гниющих, смотрит с тоской на родное дерево и горько сожалеет: «Эх, висеть бы на веточке да созревать...»

Ответ старому валуну

Валявшийся во дворе никому не нужный камень увидел, как на кухню несут дрова, и сказал:

– Вот несут вас, крепко обнимая, а вы и думаете, будто вас любят. Но вы увидите, что с вами сделают! Бросят в печь, жечь будут, чтобы согреться в вашем тепле, приготовить пищу да насытиться.

И ответили дрова:

– Нет в том для нас печали. Мы для того и нужны, чтобы у людей был огонь в очаге. И судьба дарить тепло нас радует. О себе задумайся, бесполезный старый валун!

Заллатка

Маленький кусочек кумачовой ткани, никем не замечаемый в коробке для рукоделия, однажды увидел пробитое в бою знамя и попросил:

– Пожалуйста, сделайте заплату на боевом знамени – вон там, где след от пули. Я как раз подойду!..

Бедный кусочек, он мечтал поднять свой авторитет, став частью знамени.

Пословица отвечает

– Ах, ты такая короткая, у тебя всего несколько слов! Что же ты такая долгожительница и почему у всех на устах? – спросили однажды пословицу.

Чуть заметно улыбнувшись, пословица сказала:

– Хоть сама я коротка, да правда моя длинна. Вот и долга моя жизнь!

Рубль и Копейка

Копейка работала на Рубль, выполняя все его приказы, была ему верна. Так проходило время. Дела Рубля шли в гору. С тысячами да миллионами рублей ворочал крупными делами.

Но вот стал Рубль с некоторых пор проявлять недовольство Копейкой. «Мало ты для меня делаешь, – ворчит. – Да и то правда: что с тебя взять, с одной Копейки. Я-то миллионы делаю! Ты мне очень мало помогаешь, так что, пожалуй, и вовсе не нужна. Увольняю тебя!»

Очень удивилась Копейка тому, что Рубль сказал. «А может, ворочая миллионами, Рубль умом тронулся? Надо поговорить с ним, помочь обраться!» – так решила она и с тем зашла к Рублю.

– Что, с моим решением не согласна, ничтожная Копейка? – свирепо встретил ее Рубль. – Я свое слово не меняю: ты у меня больше не работаешь!

– А хорошо ли ты, Рубль, подумал, принимая такое решение? – Копейка голову держала высоко, смотрела гордо и не собиралась сдаваться. – Почему меня унижить хочешь? Или не знаешь, что я собой представляю? Тогда слушай: если меня лишишься, кто тебя Рублем звать станет? Если лишишься меня, от тебя только девяносто девять копеек останется. Никогда не забывай об этом.

– Правду, истинную правду Копейка сказала! – поддержали ее девяносто девять копеек. – Не ввергай себя в беду, Рубль, послушайся Копейки.

– Вот так-то, дорогой! – укорила Копейка пристыженный Рубль. – Хочешь оставаться в целости, помни, что состоишь из копеек.

Бег инфаркт?

Собака сломя голову бежала куда-то. Встретилась ей товарка и спрашивает:

– Куда несешься?

– Да бегу изо всех сил, чтоб инфаркт не догнал.

Посочувствовала ей товарка:

– А что если инфаркт ждет там, куда бежишь?!

Случай с бараном

Баран часто видел собак и привык к ним. Однажды поздним вечером он пощипывал траву за околицей, когда подошел к нему какой-то пес:

– Хозяева беспокоятся о тебе, ждут домой. Ты здесь один, и если придет волк, то съест тебя.

– О, и правда, я запоздал что-то сегодня. Послушай, соседка, не проводишь ли вон до тех прибрежных кустов?

– С удовольствием, дружище! Беги домой, я никому не дам съесть тебя.

– Ты настоящий друг! – обрадовался баран.

А у самой речки «добрый друг» – матерый волчара – затащил барана в кусты и устроил славную пирушку.

Оказалось, наш баран не умел отличать собак от волков...

И корень завож

В яблоневи сад принесли молодой саженец. Все говорили: «Хорошим деревом станет. Смотрите, хоть и мал, а ствол мощный и веточек уже много».

Нашли место саженцу подле самой заметной высокой яблони. Посадили. Рос он быстро, все прибавляя новые ветки. И вот уже саженец наш – вровень с яблоней-соседкой стал: красивый да ветвистый. Забеспокоилась соседка: «Ах, эта молодая поросль скоро совсем догонит меня, станет выше и краше. Все деревья увидят это и перестанут меня замечать. Небось стремится занять мое место. Так чего я жду? Я же могу ее сейчас одолеть, а то поздно будет».

И обратилась она с просьбой к старой знакомой – буре: потрепай, мол, выскочку, как следует. Пусть станет слабой, невзрачной и жалкой. Исполнила буря просьбу подружки. Многие деревья в саду осудили поступок старшей яблони: «Некрасиво как», – покачивали они ветвями.

Однако деревце под бурей хоть и обломало несколько веток, вновь набрало сил, став на диво красивым и ветвистым. А там и обогнало в росте соседку-завистницу.

Новой яблоней гордится весь сад. А она с горечью взирает на торчащий из земли сухой корень – все, что осталось от прежде роскошной соседки.

Сила нуля

Встретила как-то двойка тройку и жалуется:

– До чего же несговорчив этот нуль! Попросила у него единицу – отказал: нет, мол, у меня единицы.

– А ну-ка я попрошу. Неужели и мне откажет? – загорелась тройка и отправилась к нулю.

– Нулик-дружочек, дай мне, пожалуйста, единичку или двойку. Ну, очень нужно!

Нуль откликнулся от всей души:

– Ну, конечно, троечка, с удовольствием бы... Ты же не из тех, кому нельзя одалживать. Да только нет у меня ни единицы, ни двойки. Честное слово! Да и откуда им быть-то? Я же круглый сирота. Единственная моя способность – увеличить цифру, после которой стою. Вот смотри: стану за тобой – и ты тридцатка!

– Вот это здорово! Ну-ка, становись за мной!

Став тридцатью, она снова встретила ту же двойку, но та ее не узнала в тридцати.

– Ах, двойка, как ты ошиблась! Просить-то надо было не единицу, а просто стать после тебя. Нулик оказался очень даже уступчивым: посмотрел, превратил меня в тридцать. Может, попросишь и станешь двадцаткой, вместо того чтобы без толку обижаться.

Перевод с кабардинского Людмилы Гуровой

КОНЕЙ НА ПЕРЕПРАВЕ НЕ МЕНЯЮТ

У древнего мудреца спросили: «Как можно отворотить себя от пьянства?» Ответ был краток: «Надо всегда перед собой видеть пьяного человека». Эту простую, но мудрую мысль Мухадин переиначил на свой лад. Не думайте, что он увлекался спиртным. Это зелье он давно не потреблял – у него слабость была иного порядка. Женщины...

Правда, в последнее время он мало общался с прекрасным полом, но, как говорится, и связей не терял – старых, разумеется. Иногда созванивался с кем-нибудь, поздравлял с праздником или днем рождения, спрашивал о делах, здоровье. Те отвечали охотно, не понуждали к обязательным встречам, рассказывали об общих знакомых. В такие минуты сердце Мухадина почему-то не трепетало, как в былые времена, потому он бесстрастно обрывал свои телефонные разговоры. Но в день рождения Нины-пампушки решил поступить по-иному, поджентльменски.

С вечера Мухадин заготовил букет из алых роз и плитку малинового шоколада: спозаранку он намеревался предстать перед сонными очами именинницы. Короче, удивить на все сто, а заодно узреть, как нынче выглядит его старая пассия. Все познается в сравнении. Если понравится полусонная – возродить былые отношения, а коли нет – пришел, увидел и... ушел. А цветам и сладостям любая женщина будет рада.

...Раннее июньское солнце еще тяжело отрывалось от мутного горизонта, а Мухадин уже шел на утреннее свидание в сторону нового микрорайона. Общественный транспорт еще не грохотал по безлюдным улицам, и человек с цветами был полноправным хозяином городских магистралей. Спрямоленная стрелка часов только чуть отклонилась от цифры двенадцать, когда завершал трелью звонок Нины-пампушки на четвертом этаже пятиэтажного дома. То, что хозяйка спала, было, конечно, несомненным фактом. После повторного звонка слабо раздалось: «Сейчас», затем щелкнул открываемый замок.

Мухадин сдвинулся чуть в сторонку, чтобы не маячить в смотровом обзоре и этим усилить загадочность утреннего визита. Дверь открылась, и был эффект: «О-у!»

– С днем рождения. Решил первым поздравить, – Мухадин протянул букет, не переступая порога.

– Да заходи же, – требовала Нина, понемногу отходя ото сна.

Мухадина что-то сдерживало, и он уже жалел о своем визите. «А вдруг там у нее кто-то, ведь живет одна». Но хозяйка проявила настойчивость.

Подарки были приняты в тесной прихожей, а Мухадин все ждал, что кто-то выйдет из комнаты.

– А разве Лиза тебе не сказала, что жду сегодня вечером?

– Я ее вообще не видел и не слышал, – отвечал Мухадин тихо. – Я сам по себе, как киплинговская кошка...

– Может, ты где-то гостил рядом, а ко мне зашел по пути? Бывало такое в старые времена по-пьяне...

– Да брось ты, – озлился Мухадин. – Вечная, что ли, твоя подозрительность? Так после четырех?

Полусонная, бледная, постаревшая Нина не тянула на эффектность, скорее здесь явствовал дефект.

Мухадин вышел к остановке автобуса и расстроено присел на скамейку. «Чокнутый визитер! Решил удивить бабу. И чего тебе нейметя? Донжуан недорезанный, – ругал себя Мухадин в этот утренний час. – Действительно, верно замечено, что человек, который пил и бросил пить, опять начнет пить; который курил и бросил курить, тоже начинает курить, а который любил и перестал любить, тот никогда опять не влюбится...»

С Ниной Мухадин познакомился в пору пресловутой перестройки. Обнимая пышнотелую блондинку, он тогда ерничал рифмованными стихами: «Перестройку принимаю и другую обнимаю...» Очаровала его Нина своей энергией, подвижностью не по комплекции, простотой в общении и горячими пампушками, заправленные чесночным соком. Пятнадцать лет назад она была еще свежа и ароматна, как и ее теплые пампушки. Впоследствии ее блюдо стало новым именем для Нины.

С ней и Лизой Мухадина свел старый друг и тезка Мишка – Мухадин Будаев. В одну из встреч тот пожаловался, что в его компании некомплект – нужен незакомплексованный мужик. Мухадин отнекивался: «Я не ходок, я рядовой алкаш...» Но за компанию погулять согласился.

Интимные встречи были эпизодическими, но и того достаточно, чтобы обнадежить безмужнюю женщину. «А я на тебя имела виды, – призналась позже Нина, – но из-за твоей общительности полагала, что ты гуляка еще тот...»

Оно и правда – компанейский человек может только в своем кругу быть доверительным и потому зачастую его считают балагуром, несерьезным, взбалмошным. Мухадин не считал себя таким и потому немного злился на Нину. Менять ее ложные убеждения не было смысла: если баба втемяшит что-то в свою башку, то даже колом не выбьешь эту заразу.

Нина не интересовалась другой, семейной жизнью Мухадина. Догадывалась, что там все в порядке – окольно доходили слухи, город-то небольшой. По ее же словам, она была не требовательна к нему – оберегала от склок. Зачем лишние головные боли ей и ему?

...Целый день Мухадин придерживался мысли, что незачем идти на Нинины именины. И, чтобы окончательно утвердиться в намерении, решил разыскать своего друга. Было еще потаенное желание познать, почему второе «я» отторгало эту неплохую, характерную, своеобразную женщину? На то вроде не было веских причин. Может, Нина сама послала отрицательную ауру – поиграли, мол, и хватит?

Мухадин Будаев работал реставратором в Национальном музее. Служба была не адова, как и не денежна. Непризнанный гений Будаев отождествлял себя почти с Буддой и не стремился чрезмерно работать, тем более – наживаться, как личность он себе нравился. Одаренность у него была, но в каком-то зачаточном состоянии, прожил полвека и не смог приспособиться к этой жизни. Его крупным недостатком была скромность, а это уже... порок. От этого, естественно, больше всего страдал

сам Будаев. Небольшого роста в прошлом, теперь М. Будаев совсем скукожился от собственных мыслей. В таком тягостном состоянии застал его в мастерской музея приятель-тезка.

– Муки творчества терзали его, – сказал Мухадин, входя в неудобное помещение. – Над чем трудимся? Что мрачен? Опять проблемы?

– Веселиться нечему. Опять начальство не включило меня в список на получение президентской стипендии.

– Чем аргументируют?

– Якобы реставратор – не творческий работник...

– ...и у тебя, валлаги, глаза не красивые, – докончил за него Мухадин Первый. – Да если он упертый в свою пользу, то сотни причин найдется.

В ответ Будаев что-то уныло промямлил. Людей, подобных ему, специалисты называют психологическими вампирами. Жалобным тоном, со скорбным выражением лица, сетуя на неудачи в работе, в личной жизни, они начинают пересказывать свою жизнь. Детально описывают физиологические подробности расстроенного здоровья. В совете они не нуждаются, да и не прислушиваются, успокоить их невозможно.

Зная эти черты, Мухадин в силу своей деликатности не пытался утешить друга, не конец же света...

– Идем на именины?

– Какие именины? – последовал вопрос.

– Тебе разве не звонила твоя Лизавета?

– Сто лет не ее не видел, не слышал, не говорил, и вообще...

– Ладно, пошли на воздух, там и поговорим, – сказал первый Мухадин и пошел к выходу. Термометр настроения опускался.

Будаев нагнал его вскорости в скверике у музея. Присели на скамейке.

– Надо оттянуться сегодня, – начал Мухадин Первый. – У Кертиевой сегодня день рождения. Я ее уже поздравил. Она сказала, что к концу дня ждет нас. Лизка должна была тебя найти, а ты потом меня. Но все получилось наперекосяк. Ваши предложения, сэр?

– У меня только тридцатка, – Будаев вытащил из кармана скомканные червонцы.

– Убери их. Дело не только в деньгах. У меня нет особого желания к застолию, да и настрой хреновенький...

– Я и сам такой... С Лизой давно у нас разлад. Кажется, у нее есть какой-то «крутой», вечно она в разъездах, гулянках, дома не бывает...

Будаев с Лизаветой были оригинальной парой – из совместных десятия пудов три принадлежали шуленькому реставратору. Что их сблизало несколько лет, сказать трудно. Лиза, хоть и была горянкой по происхождению, водку «хлестала» без удержу. Ела соответственно весу. Будаев хмелел после двух-трех глотков, к еде был равнодушен. Постельные баталии этой пары трудно представить из-за столь очевидной несовместимости.

В свои сорок с гаком лет Лиза не была еще замужем, жила со своей старшей сестрой, тоже старой девой, вечно ее опекающей. Не только Будаева, но и подруг, и знакомых отваживала она от общения с сестрой. Непонятна была это никчемная опека над уже перезрелым человеком.

– Эта выдра отшивает всех, – ворчал всегда Будаев...

– У тебя на нее какие-то виды есть?

– Да никаких! – с живостью восклицал Будаев. – Просто осточертела эта жизнь. С женой дома нелады. Не живем, а так, грызня одна. Дети – сами по себе, она вечно недовольна, хоть в горы беги. Разводиться? Люди засмеют. Когда-то думал, что с Лизой, может, серьезно выйдет, тоже не потянула...

– Лучше жить одному, чем с кем попало, – философски вставил Мухадин.

– Дурак был, когда по глупости упустил ленинградку. Думал, молодость продлится еще долго. А теперь кто я?

– Хорошо, что хоть задумался. И теперь не поздно, дядя, – подзадорил друга Мухадин Первый.

– Поздно, еще как поздно. Коней на переправе не меняют, друг мой. Это еще Авраам Линкольн сказал. Силенок уж нет. Да и желания особого тоже.

– А были? – бросил подначку Мухадин.

– А шут его знает, – признался Будаев. – Но есть же какой-то выход? Трагедия не в том, что старость приходит, а в том, что молодость ушла. Хотя старость – зима для невежд, и время жатвы – для умных.

Мухадин решительно встал.

– Хватит разводить философию! Пойдем затаримся в супермаркете и продолжим разговор в нашем узком кругу. Считай, что мы на именинах. Лады?

Будаев молча встал, а молчание, как известно – знак согласия.

СОСЕДСКИЕ БАЙКИ

– Василич, привет! Смотри-ка, жив и здоров! А мне разов пять говорили: умер, умер... Надо же!

– И потому ни разу не пришел на мои похороны?.. Друг называется.

– А ты действительно что-то неважно выглядишь.

– Просто не выспался... Был в городе. В гостинице меня поселили в сотом номере, а какой-то озорник стер на двери единицу. Всю ночь будили стуком в дверь.

– А почему ты ходишь в такой старой шапке?

– Только ради своей жены...

– Как это понимать?

– Очень просто. Она сказала, что пока я ношу эту шапку, она со мной никуда ходить не будет.

– А как тебя жена называет?

– Обезьяной!

– Почему?

– Потому что от меня произошло несколько человек.

– Когда бы я ни пришел к вам в гости, вижу, что обед готовишь ты, а не жена. Это что, в порядке хобби?

– Какое хобби? В порядке самосохранения...

– А ты действительно сегодня выглядишь грустным, дружище.

– Жена меня наказала: поклялась не разговаривать со мной неделю...

– Ну, ничего страшного, это же не всегда...

– Ты не понял – сегодня последний день ее клятвы...

- Откуда у тебя такой синяк под глазом?
- Я стал жертвой собственного человеколюбия. Представляешь, вытащил из воды одну девушку, а в это время пришла жена и ударила меня.
- Это бесчеловечно. А где это произошло? На реке или на озере?
- Да в нашей ванной!
- Ну и дела... А как там ваш сын, уже выучился?
- Да ну его!.. Скажу по секрету, что легче купить готового ученого, чем выучить такого, как он.
- Твой сын, действительно, самый большой хулиган в нашей округе!
- Слава богу, что он еще не в Америке!
- Почему?
- Представляешь, сколько народу бегало бы оттуда жаловаться на него!
- А скажи, почему твои дети не похожи на тебя?
- Соседи мешают.
- Говорят, Василич, что ты когда-то сидел в тюрьме. Это за что?
- Я в рабочее время форточку открыл.
- А где ты работал?
- На подводной лодке.
- Ну и как в тюрьме? Наверное, не сладко...
- Да как дома: выйти никуда нельзя, еда тоже ни к черту, крик и ругань...
- А ты часто ругаешься с женой?
- Нет, только когда вместе бываем.
- Да, не сладко жить с этими женами...
- Даже плохо. Моя жена, например, спит с новым русским.
- Да... Хуже некуда...
- Правда, я сплю с его женой.
- Так это же хорошо!
- Хорошо?! У моей жены от него уже двое детей!
- Да-а, плохо...
- Правда, и у его жены от меня двое детей...
- Но тогда вы квиты?
- Какие квиты? Я-то ему делаю новых русских, а он мне?
- Ну и дела! А почему тебя уволили с работы?
- У меня обнаружилась крупная недостача.
- Наверное, очень неприятно?
- Еще бы. Теперь каждый старается выпросить у меня денег взаймы.
- Послушай, а ты мог бы дать другу взаймы сто рублей?
- Мог бы, но, к сожалению, у меня нет друзей.
- Пошли, сосед, пропустим по рюмочке...
- Не могу.
- Это почему же?
- По трем причинам: во-первых, самопальная водка очень вредна для здоровья; во-вторых, жена будет ругаться; а в-третьих, я уже опорожнил одну бутылку... Знаешь, как я определяю, что уже под хорошим градусом?
- Ну?
- Мне начинает нравиться моя жена. Вон, видишь, мой дом? Вон светится мое окно, видишь, там силуэт красивой женщины. Это моя жена. А красивый мужчина, который обнимает ее... это – я!

Кашиф УНЕЖЕВ,
д.ф.н., профессор

Место и роль религии в духовной культуре общества

По меткому выражению И. Канта, есть два мира – мир культуры и мир творчества. Только второй из них, по его мнению, и есть подлинно человеческий мир, ибо культура, как человеческое созидание, – это собственное изобретение самого человека. И человек через это созидание воздействует на первый мир – мир природы, и на самого себя. И поэтому Ф. Энгельс справедливо отметил, что «труд создал самого человека» [1].

Другими словами, история человечества – это история познания мира природы и мира самого человека. В этом великом «походе» человека он создал свою материальную и духовную культуру.

Физическая нагрузка, которую выдерживают гигантские мосты, фундаменты зданий, дворцов и т. д. ничто по сравнению со смысловой нагрузкой, которую несет духовная культура. Духовная культура не просто результат «взрыва» человеческого интеллекта, но она «инструмент», через который человек показывает свой интеллект, свою мораль, нравственность, наконец, это «инструмент» доказательство того, что он является самым разумным существом на планете Земля.

Духовная культура – это еще посол мира, важный рычаг поддержания гармонии человека и природы. Культура – это толерантность, культура – это душевное состояние человека, культура – это способ успокоения души, способ проявления самого человека.

И в результате каждого такого «взрыва» интеллекта человек делал очередное гениальное открытие тайн природы и самого себя. И одним из великих результатов «взрыва» его интеллекта явилось появление веры в существование загробной жизни, сверхъестественной силы, т. е. религии. И не случайно среди различных форм общественного сознания огромную роль в истории человеческого общества играло, играет и будет играть религиозное сознание.

Оно имеет такую же давнюю и противоречивую историю, полную драматических эпизодов, как и само человеческое общество. Но оно не возникло сразу после появления человека современного типа. Другими словами, религиозное мировоззрение имеет свое начало и развитие.

Различным социально-экономическим условиям жизни людей соответствовали свои формы религиозных верований. И чем дальше человек продвигался вперед в познании мира природы и мира самого себя, тем разнообразнее и сложнее становились его религиозные верования.

Человек прошел длительный сложный и противоречивый период не только в социально-экономической, политической и других сферах жизни, но и в нравственно-этическом и особенно в религиозном отношении. В религиозном «пути» человек прошел различные эпохи от самых примитивных религиозных верований до мировых религий с различными сектами и организациями.

Сейчас религия оказывает огромное влияние на сознание миллионов людей нашей планеты. Религиозное сознание является важнейшим фактором в духовной жизни верующих, оно способствует поддержанию

их духовности, гармонии с самим собой, во взаимоотношениях между людьми, соблюдении между ними толерантности, т. е. терпимости, уважительного отношения друг другу.

Религиозное сознание верующих является важнейшим «инструментом» в воспитании человеколюбия, доброты. Неслучайно поэтому верующий человек прибегает к «помощи» Бога в самые критические периоды его жизни, он поклоняется ему, он боится его и поэтому своими поступками пытается всегда «задобрить» его. Словом, религия – важнейшая сила воздействия на сознание миллионов людей и важнейший «регулятор» взаимоотношений людей между собой, с одной стороны, и взаимодействия самих же людей – верующих – с богом или богами.

С этой реальностью обязаны считаться все государства, в том числе и светские, а их соответствующие структуры должны выстраивать цивилизованные отношения не только с религиозными организациями, но и с самими верующими. От уровня цивилизованности взаимоотношений религии, ее организаций и самих верующих с государством и его органами во многом зависит установление общественно-политической, социальной стабильности в том или ином обществе.

История развития особенно светских, атеистических государств неоднократно показала, что когда государство и его органы вступали в противоречие с религией и ее организациями, это общество вступало в противостояние, которое зачастую переходило в непримиримую открытую борьбу, переходивший в политический хаос.

Проблема взаимоотношений государства и религии особенно актуальна на современном этапе и в любом обществе, в том числе и нашем. Это обуславливается тем, что в мире сейчас царит свобода выбора во всем, в том числе и в вопросах религии. Утверждается плюрализм не только в политике, искусстве, науке и других сферах жизни людей, но и в вопросах религии, в отношении граждан к ней.

В нашем обществе не на словах, а на деле мы уже отказались от воинствующего атеизма и перешли к подлинной свободе совести, т. е. каждый гражданин получил реальные права и возможности исповедовать или не исповедовать ту или иную религию, и государство гарантирует эту свободу выбора. Она закреплена и в его основном законе (Конституции) и в других многочисленных и специальных законах и постановлениях различных уровней государственной власти.

В частности, во многих статьях главы 2 конституции Российской Федерации, которая была принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., закреплены эти права наших граждан. Например, в статье 19 пункт 2 основного закона сказано: «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности» [2].

А в статье 28 той же конституции прямо закреплены принципы гарантий свободы совести всеми нашими гражданами. В ней прямо записано: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания,

включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними [3].

Более того, во взаимоотношениях религии и государства последнее строго запрещает пропаганду или агитацию религиозной ненависти. В том же основном Законе РФ, например, в статье 29 говорится: «Не допускается пропаганда или агитация, возбуждающая социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства» [4].

Однако следует отметить, что место и роль религии в духовной культуре рода человеческого невозможно рассматривать и понять без научного анализа условий и причин появления религиозного сознания; без исследования истории ее дальнейшего развития и распространения. При этом надо иметь в виду, что на протяжении многовековой истории человечества религия не просто сопутствовала ему, но она во многом определяла дальнейший путь развития его духовной жизни. В этом плане наглядным примером является средневековье.

Именно в эту эпоху культура, в основе которой лежала религия, осознала имеющиеся противоречия в обществе и предложила пути их разрешения. Правда, все это она предлагала решить с позиции религии и идеологии. По мнению богословов, все противоречия, которые имели место в обществе, и проблемы каждого человека мог разрешить Бог – Творец.

Таким образом, сам человек – главное действующее лицо истории, лишался возможности обустроить свою жизнь по-своему, он лишался активной деятельности, ибо за него все вопросы решал Всевышний. Тем не менее, именно в период средневековья в стенах монастырей и других учреждениях и служителями культа делаются многие гениальные открытия в науке, искусстве и культуре в целом.

Религиозная культура была оторвана от реальной жизни, от земных проблем. Таким образом, человек был разделен на дух и тело, где предпочтение отдавалось первому.

Итак, главным действующим лицом среди всех сфер культуры средневековья была религия, с ее Творцом – Богом. В период Нового и Новейшего времени религия заняла еще более крепкие позиции в культурной жизни общества.

Сейчас можно с уверенностью утверждать, что человеческое общество разделено больше не по принадлежности к тому или другому государству, к той или иной расе, а разделено по религиозному признаку, особенно по принадлежности к одной из мировых религий – христианству, исламу или буддизму, и с этим надо считаться при решении общественных вопросов.

Примечания

1. Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. М., 1979. С. 3.
2. Конституция Российской Федерации. М., 2002. С. 6.
3. Там же. С. 7.
4. Там же.

(из книги «Между Богом и мной»)

ЗЕМЛЯНИНУ

Прочитавши книгу эту,
Ты сомненья разреши.
Ходим мы по белу свету –
Собирать устав души.

Жизнь, кочуя по Вселенной,
До тебя дошла теперь.
Ты – теперь переселенный
В мир людей из тайных сфер.

Для души свои законы
На земле и в небесах.
Ты взглядишь в черты иконы:
Разве жизнь не в тех чертах?

Ключ от тайн в душе упрятан,
А душа в терзаньях спит,
Будто Бог совсем не рядом,
Чтобы спящих осудить.

Расставляйте свечи у своих порогов.
Разбудите Душу, поднимайте крест!
Разносите Веру по земным дорогам,
Чтобы свет Всевышнего виден был окрест.

Помолись Аллаху, добрый мусульманин,
И своей молитвой приумножь добро!
Показало время смертоносность грани,
И не знаем, завтра чем сверкнет оно.

Мудрый, просветленный, златоликий Будда,
Подними сегодня Ты и свой народ!
Дьявольская сила угрожает людям,
Иссушая в чреве светоносный плод.

В судный час поможет Дух Молитвы общей
И согласие Духа грешный мир спасет.
Пред светлейшим Ликом братьев не возропщем,
Чтобы не приблизить роковой исход.

Да поможет Дящий продлевать нам сроки,
 Чтоб взошел к высотам Человек Земли!
 Преодолевая злобу тайных токов,
 До высокой сути чтоб дойти смогли.

И приверженцы Корана,
 И адепты христиан
 Делят общество на кланы, —
 Значит, в жизни есть изъян!

Будь ты сто раз христианин,
 Иль буддист, иль чти Коран,
 Помни: ты пока Землянин
 И живешь среди Землян!

Кто кого переиначит?..
 Есть ли смысл в земной борьбе?
 И для Бога много ль значит
 Форма верности судьбе?!

Верь Всевышнему как Благо,
 Не давай хулить устам.
 Верь в душе и верь без страха,
 Чтоб не стало страшно Там...

Ты изнурил мою Душу и тело,
 Ты откровения в муках даешь.
 Чтобы познать то небесное дело,
 Ты из меня Боголюбца куешь.

То ли готовишь к небесной дороге,
 К более трудным и нужным делам.
 То ли вещаешь Добро и Благое
 Людям земным, как небесным послам.

Так изнурил Ты и Душу и тело,
 Что откровения в муках даешь.
 Все же иду я, пусть тяжело, но смело.
 Если не все было так, Ты спасешь.

Если Дары Твои – муки Земные,
 Уверование – милость и Рай:
 Есть ли меж ними жизни иные,
 Чтобы у каждой имелся бы край?

В то, что Ты есть и что правишь Мирами,
 Верю безропотно, с тем и живу...
 В муках живя, что возносится нами?
 Что я несу и куда я иду?

То ли готовишь своею дорогой,
 К более трудным и нужным делам,
 Чтобы Душа воспиталась бы строго,
 Как подобает небесным послам?

И предназначенный путь человеческий –
Как воспитание мукой Земной?
Или со мной это носится вечно?
В разных Мирах эта мука со мной?

Боже! Прости за неладные речи,
Лучше бы мне и не ведать о том.
Только когда зажигаю я свечи,
Горестно думаю: что же потом?..

Душа слуга ли?
Друг ли?
Приходит, чтоб уйти?
Иль что-то ищет в мире,
Чего нельзя найти?!
Летит везде и всюду?
Иль есть стезя своя?
Иль с ней в Земле пребуду,
Уже Землей живя?!
ДУША!
А может, все же
Когда-то ты была
Звездой голубою
И среди звезд плыла?
Потом когда-то любо
Воплощена во мне?
А я, обтесан грубо,
И вижу лишь во сне
Тебя?!
Но ощущаю все же,
Что ты одна во мне,
Что ты всего дороже
Что ты всего мудрей!
Но я не знаю: кто Ты?

Я – Ты? Иль Ты – не Я?
Во мне миры-пустоты,
Ничто в себе хранят?!
И обращаясь к предкам
ЭПОХИ до-земной,
Мне говорят о редком –
Что не был Я землей!
Тогда, кем был Я ранее?
В ком воплощусь Я впредь?
Вот знать бы все заранее,
Какой настал черед!
После Себя кем буду,
В полете вечном... там?..
Все о Земле забуду,
С людьми где выросал?!
И все земные блага,
Что Я трудом добыл,
Как испаренья влаги?..
И Я, что не был... был?..
...Мне помнятся Барьеры
Из Мира в МИР иной?!
Мы – Звездные Курьеры?!
Творцы – Земли родной?!

Бог подарил униженья земное
С тем, чтоб духовность я снова собрал!
Все, что во мне накопилось дрянное,
Чтобы я детям не передал!

Не для того ли вы бьете поклоны,
Чтобы деянья свои искупить?
Вы умножаете Детские Стоны,
Как во грехе вам не боязно жить?!

Муки детей разбудить вас успели? –
 С тем, чтоб в себе всю духовность собрать!
 С тем, чтобы подлость вы сеять не смели,
 С тем, чтобы злом этот мир не венчать!

Бог подарил униженья земное,
 Чтоб распознать в униженьи себя...
 Чтобы деяние это святое
 Не позволяло вам жить не любя!

Ни один Святой не улыбается!
 Все святые грустны и строги.
 Значит, и Святой с рожденья мается,
 Видно, жизнью платит за долги.

Видно, проходя миры иные
 И вбирая Божескую суть,
 Собирают все грехи Святые,
 Чтобы людям стало легче жить.

Вы же, люди, помните об этом,
 Если вам по силам торный путь,
 Значит, живы вы Святым обетом,
 Значит, вас Святые стерегут.

Учат исполнять и долг Высокий,
 Жертвенной любовью сострадать,
 Чтоб не стал живущий одиноким,
 Учат Свет и Доброту являть.

Свет над землей сгустился,
 И силуэт возник...
 Так на земле появился
 Тронный, святейший Лик.

Но опустил Он очи
 Видя убогость масс:
 Видя кромешность порчи
 В тяжких раздорах рас...

Жизнь из очей струилась.
 В душу доверье слал.
 Видно, с небес спустился
 Тот, кто о Душах знал.

И... помолившись Богу,
 Грустно растаял весь...
 Видно, еще не могут
 Люди понять небес.

Тот, кто спешил на помощь,
 Чтобы земным прозреть.
 Тот, кто страдание, немощь
 Смог бы Добром согреть.

Видно, еще не могут
 Сами себя познать...
 Как же найти дорогу,
 Чтобы в веках дерзать?

Жизнь бурлит между Богом и мною,
И Душа красотой горда.
Но становится грустно порою:
Не лукавит ли мысль иногда?!

Не тревожит ли мысль нас обманом,
Будто ЖИЗНЬ – непроглядная ночь?
И пути застилает туманом...
Избавлению нечем помочь.

Только мучает сердце тревога:
Сердце верит, но чувствует страх.
Оно знает – безмерна дорога,
Оно чувствует ЖИЗНЬ В НЕБЕСАХ.

Я от строгости мысли линейной –
Вроде жизнь – математика в ряд –
Не могу становиться сильнее,
Но порыву познания рад!

Рад ДУШЕ, в своем хаосе тайном.
Сердцу рад, что умеет гореть!
Но стремясь в бесконечность,
 в бескрайность,
Мысль не может пути усмотреть!

И бурля между БОГОМ и мною
Светоносы микробы, поля –
Мы не знаем друг друга порою,
МИР неправильно разделя.

Жалко ЭТО! И в сердце тревога.
Сердце мучают Гордость и Страх...
От Родного, Земного Порога
Сплетено Мирозданье в Весах.

Махми УЛАКОВ

Новые подходы и современные методы изучения материальной и духовной культуры народов Северного Кавказа

В условиях глобализации все страны и народы мира нацелены на создание национальной стратегии действий по реализации международных моделей в конкретном государстве, где региональному компоненту отводится определяющее место.

1. Обеспечение реализации идей международных проектов в конкретном регионе зависит в основном от двух взаимосвязанных составляющих: природно-климатических особенностей региона и духовно-культурных ценностей коренного населения. Это положение актуально для Северного Кавказа, который имеет уникальную природу, фауну, флору и считается одним из древнейших очагов цивилизации, занимает особое место в мировой культуре, а населяющие его народы являются предметом пристального изучения как единый полиэтничный и поликонфессиональный регион. Рост материального благосостояния и духовного развития населения национально-территориальных образований тесно взаимосвязаны и обусловлены особенностями социально-экономического развития всего Юга России. Поэтому для достижения стабильности и устойчивого развития двух указанных выше компонентов реализуемой модели необходимо проводить адаптированную к конкретным условиям методику модернизационных преобразований, нацеленную на унификацию системы, интеграцию ее составляющих, итоги которых гарантировали бы сохранение культуuroобразующих национальных элементов и дальнейшее развитие общецивилизационных ценностей с параллельным ростом экономики и благосостояния всего населения края.

Идея ценности каждой культуры для мировой мозаики, идея языковой справедливости, независимо от величины ареала и численности его носителей, в наше время получает возможность развития в новых реалиях, служа информационному взаимообогащению культурного универсума в условиях ускоренной регионализации и исчезновения нетитульных языков.

2. Для региональных исследований особую важность имеет тот факт, что скрытый конфликт двух систем мировоззрения, в сущности, определивший кризис познавательной мысли вообще, вплотную подвел человечество к осознанию принципиального равенства идеального и материального в природе (понимаемых как материя) и – закономерно – гуманитарного и естественнонаучного познания.

Роль гуманитарного знания, и шире – гуманитарного сознания – в деле накопления информации об окружающем мире будет возрастать, и это – объективный и закономерный процесс. В данном случае значимость приобретает то обстоятельство, что в общегносеологическом смысле точные и естественнонаучные дисциплины не имеют такого комплекса признаков, который именуется «национальной спецификой». Правила математики едины для всего человечества. Гуманитарное же сознание, его эстетические образцы предполагают именно национальное своеобразие, реализуемое на информационном, гносеологическом уровне.

Перспективы развития гуманитарных наук в значительной степени пре-

допределяются тенденциями трансформации их предмета – тех социальных и культурных форм, в которых осуществляется жизнедеятельность человека. Взятые в глобальном масштабе эти тенденции неоднозначны.

В группе стран, занимающих сегодня лидирующие позиции в экономической и научно-технической сфере, прогрессирует эволюция от индустриального к постиндустриальному («информационному обществу»). Совокупность социальных и культурных сдвигов в этих странах все чаще истолковывается как свидетельство завершения всей эпохи модерна и начала перехода к постмодерну – новой культурной и социальной эпохе. Появление постмодерна связывается с плюрализацией и индивидуализацией жизненных стилей, что, прежде всего, выражается в ускоренном распаде традиционных коллективных жизненных форм. Вместе с тем, обширные регионы, включая, в частности, нашу страну, находятся на стадии модернизационных преобразований и ориентированы на приобщение к структурам и ценностям «модернистской цивилизации». Экспансия ее далеко не завершена, и эта экспансия по-прежнему влечет за собой подрыв символических и институциональных основ.

В то же время отмеченные выше процессы вызывают мощную культурную реакцию. Она выражает и значительную устойчивость историко-культурных (национальных, региональных, цивилизационных, религиозных и т. п.) общностей и глубинную потребность человека в современном «атомизированном» обществе, в обретении для себя той или иной формы коллективной культурной идентичности. Достаточно указать на два характерных явления. Во-первых, это ярко выраженная тенденция к регионализации общественной и культурной жизни в Европе, где ныне наблюдается возрождение местных языков, обычаев, культуры; всплеск интереса к национальной истории; активизация требований этнорегионального самоуправления. В результате в общественной жизни «старых» европейских наций, казалось бы, давно консолидированных на гражданской основе, все явственнее проявляются этнокультурные компоненты. Во-вторых, это тот неслучайный факт, что в большинстве стран, испытывающих постсоциалистический «переход», политический процесс разворачивается, прежде всего, под знаком гуманитарных доминант – проблем национальной независимости и идентичности, сохранения родного языка и традиций, морально-религиозных ценностей.

Таким образом, перед научным сообществом стоят весьма сложные задачи, которые связаны с необходимостью обеспечить развитие научно-рационалистической традиции социально-гуманитарного познания в его двоякой функции: 1) фактора поддержания этнокультурной экологии региона или конкретной республики; 2) условия органичного усвоения общезначимых элементов социального и культурного опыта современного человечества.

Культур-центристская исследовательская программа, в отличие от вне-научной деятельности в области культуры, сформулировала принципы научной деятельности, способные стать надежной опорой в решении указанных выше задач.

Во-первых, это принцип следования методологии дисциплины. Ныне он связывается не с получением объективного знания в рамках одной единственной истинной концепции, раскрывающей сущность исследуемой реальности, а с сопоставлением различных ее срезов, получаемых при различных подходах, «дополнительных» по отношению друг к другу. Иными словами, он предполагает опору на весь арсенал результатов, концепций и методов,

накопленных в ходе развития отдельных научных дисциплин социально-гуманитарного профиля.

Во-вторых, это принцип адекватности. Он требует, чтобы полученное знание было «понятным» тому, кого оно описывает. Речь идет не об отказе от специализированных научных языков как аналитических средств, а об их принципиальной «переводимости» на язык описываемой культуры или эпохи.

Такая принципиальная переводимость языков культуры не только делает доступным специализированный научный язык для носителей иной культуры, но и способствует более глубокому герменевтическому вхождению в мир этнопсихологии, в мир идей и представлений определенной культуры. Иначе говоря, происходит вестернизация научно-категориального аппарата, которая взята из постмодернистского арсенала конца XX века вместо обычно используемого описания и комментирования хронотопов и концептов из языка самой культуры того или иного народа, с привлечением сложившихся терминов языка той или иной языковой общности, например народов Северного Кавказа.

Вестернизация терминов, в конечном счете, лишь внешне обновляет «локал», приводит к стандартизации, к некоему мультиуниверсуму. Нам кажется целесообразным создание своих описательных словарей культуры, особенно при исследовании мифопоэтики, для сохранения «тонкого слоя» древних верований народной эзотерики и метафизики, которые и составляют ядро и «проидею» каждой культуры.

В-третьих, это принцип понимания. Он нацеливает исследователя на то, чтобы понять и истолковать исследуемое явление. Вне этой процедуры невозможно формирование общезначимого содержания научного знания и невозможен диалог культур, передача и усвоение исторического, социального и культурного опыта. Гуманитарная наука Юга России должна, в частности, выявить и сделать доступным для современного поколения и для окружающего мира общезначимое содержание символов, ценностей и норм традиционной национальной культуры его народов, актуализировать все то, что поддается обобщению и адаптации к качественно иной (по сравнению с периодом ее формирования) культурно-исторической ситуации. Это в немалой степени относится к «Нартиаде» – общекавказскому героическому эпосу, горскому этикету и другим образцам древней духовной культуры народов Кавказа. Но этой цели невозможно достичь, если не стремиться одновременно к пониманию, интерпретации, «перетолкованию» в терминах собственной культуры универсальных символов и значений, выработанных в рамках иных культур.

Современная отечественная гуманитарная наука в качестве приоритетного направления должна изучать не только традиционную философию морали, но также экономическую этику и экологическую культуру, отстаивающую необходимость сохранения природной среды обитания, оказавшейся ныне на грани катастрофы, несущей угрозу существованию человечества. Изучение этого аспекта культуры вносит в гуманитарную науку новые ценностные ориентиры, позволяет находить способы гармонизации человека и природы, двигаясь в русле гуманистических принципов уважения к жизни.

3. Одним из ключевых вопросов глобализации является проблема языка, непосредственно затрагивающая интересы малочисленных народов. Именно поэтому интеллектуальная элита таких этносов в полной мере осознает

необходимость поиска решения этой архиважной проблемы. Среди малочисленных народов существуют и сохранившие почти без изменений чистоту своего языка в языковых архетипах и протоязыке, но насчитывающие менее 500 000 его носителей. Подобные языки, существующие на протяжении сотен и тысяч лет в качестве средства общения, достигшие относительно высокого уровня развития, претерпевшие значительные изменения в течение длительного эволюционного пути, отнесенные по статусу к титульным языкам административных государственных единиц, не должны быть утрачены.

Сосуществование многих групп языков неизбежно, и, как следствие – языки «элитные», «региональные» и «местные».

Интегрирующие функции национальных языков в содержательном плане тесно взаимосвязаны с культурно-исторической общностью народов Кавказа. Сосуществование нескольких этносов в рамках государственного образования в составе Российской Федерации определяет формы функционирования нескольких государственных языков и особенности их взаимодействия с языком межнационального общения. В языковой политике наиболее концентрированно отражаются национальные и социальные принципы, выражающие теоретические и практические отношения той или иной идеологической системы и государства к функционированию, развитию, взаимодействию и сосуществованию языков, к их роли в духовной жизни этих народов.

Современный Кавказ населен людьми разного антропологического типа, относящимися к разным языковым группам, с присущими каждому из этносов ментальными особенностями. Они прошли разный путь, но их объединяет не только соседство – связь глубже, она внутренняя, и корни уходят в «доисторические» времена.

Этот общий знаменатель, кавказский субстрат – подоснову, можно определить по облику, материальной и духовной культуре, по языку, эпосу, этикету и др. Родство коренится между ираноязычным осетином и вайнахоязычным ингушем, или адыгом, представителем кавказской семьи языков и сваном, тюркоязычным балкарцем и карачаевцем. Разумеется, только системный комплексный подход позволит подойти к решению этой архисложной проблемы.

Изучаемые народы образовались в результате этнического симбиоза, креолизации нескольких компонентов. Такое мнение является вполне справедливым. В настоящее время не вызывает сомнения то, что «большинство этносов сложилось в результате смешения различных этнических групп как пришлых, так и автохтонных». Это положение имеет прямое принципиальное отношение к этногенезу многих народов Евразии, в том числе Кавказа, ибо «абсолютно автохтонных народов, так же, как и чистых мигрантов, практически не бывает», отмечают ученые.

4. В последнее время апробируется вопрос о возможности проникновения уникальных элементов культуры малочисленных народов в пласты общечеловеческой, мировой цивилизации и возможности их «отложения» в качестве лучших образцов в «копилке» культуры – банка мировых ценностей. Реализации этой идеи активно способствуют национальные диаспоры, проживающие в передовых странах мира, которые являются проводниками самоценной культуры в «большую цивилизацию». Значительная часть эмигрантов с исторической родины нашла возможность для творческой деятельности в исключительно сложных условиях и подарила человечеству ряд новых достижений в различных сферах материальной и духовной культуры. К примеру, выходцам из Кавказа удалось во многих странах мира

создать благоприятный имидж своего народа далеко за пределами своей родины и тем самым обеспечить шансы проникновения и распространения кавказской культуры во всем мире (Р. Гамзатов, К. Кулиев, Ю. Темирканов, Д. Кугультинов А. Кешоков и др.).

5. Переход национальных республик в составе страны к устойчивому развитию невозможен без обеспечения гарантий сохранения государственных языков титульных народов, их культуры, религии, традиций и обычаев. Безусловно, наблюдаемая во всем мире модернизация жизни должна быть реализована с учетом интересов живущих в регионах народов и их будущих поколений. В решении этих вопросов следует искать новые подходы и методы, нацеленные на консолидацию и интеграцию коренных народов. Это особенно актуально для отдаленных регионов страны и национальных республик, специфичность среды гуманитарного сознания которых открывает потенциал целых, ранее не исследованных областей научного поиска. В этом смысле особенно важными представляются два момента: первый – этноориентированные дисциплины (этнография, фольклористика, языкознание, литературоведение), которые получают выход к общемировым ресурсам информации, ранее реальный лишь в крупных научных центрах; второй – дисциплины, имеющие «глобальный» характер (социология, философия, политология, психология, конфликтология и т. д.), входящие в мировую информационную среду с резко специфичными наблюдениями внутриэтнических процессов. При этом интеграционные междисциплинарные исследования должны стать одним из главных факторов развития академической науки в этих регионах. Стало очевидно, что серьезных результатов современная наука может добиться только объединенными усилиями многих направлений.

Это один из путей решения проблем малочисленных народов в условиях глобализации. Однако для сохранения и развития традиционных культур и национальных языков малочисленных народов необходимо глубокое изучение их самобытной языковой и культурной среды в контексте мировых процессов, наличие специальной программы сохранения и развития языков народов различных регионов России, в том числе – и Кавказа, учитывающей нюансы и приоритеты всех аспектов жизни близкородственных народов, веками проживающих на одной территории (например, адыгов и тюркоязычных народов Юга России).

Частные, этнодетерминированные моменты специфики движения социума в национальных регионах, зафиксированные «региональной» наукой, могут на самом деле являться маркерными точками реализации фундаментальных, базовых явлений и феноменов.

Вопросы языкового развития, деградации, адаптации, устойчивости, этнической самоидентификации, формирования аттрактивных групп по национальному признаку, последовательность социального институирования народа и многое другое требует тщательнейшего и скорейшего изучения. Таким образом, глобализация, консолидация и интеграция в сфере гуманитарных наук для национальных регионов России в первую очередь должны означать не трансформацию национально-специфического знания в направлении всеобщей стандартизации и нивелировки методов и моделей научного поиска, а скорее наоборот – продвижение и развитие в новой научно-информационной среде тех аналитических методов, которые основаны на необычности исследуемого материала.

**О проведении республиканского конкурса
на лучшего классного руководителя
«Самый классный классный – 2008»**

Республиканский конкурс на лучшего классного руководителя «Самый классный классный – 2008» (далее – Конкурс) организован в рамках реализации приоритетного национального проекта «Образование» и направлен на распространение передового педагогического опыта, повышения престижа института классного руководства, и проводился с января по апрель 2008 года.

Конкурс призван способствовать:

- формированию позитивного общественного мнения о приоритетном национальном проекте «Образование» как катализаторе системных позитивных изменений в системе образования;
- выявлению талантливых педагогов, распространению и поддержке передового педагогического опыта в системе образования детей;
- созданию условий для профессиональной и личностной самореализации педагогов;
- совершенствованию механизмов оценки и стимулирования деятельности классного руководителя в современных условиях;
- поиску педагогических идей по обновлению содержания в практике воспитания;
- повышению профессионального мастерства и престижа классного руководителя.

Учредителем Конкурса является Министерство образования и науки Кабардино-Балкарской Республики.

Соучредитель – Реском профсоюзов.

В Конкурсе приняли участие классные руководители общеобразовательных учреждений всех типов и видов, работающие на момент проведения Конкурса не менее одного года с одним ученическим коллективом.

Конкурс предполагал участие классных руководителей в 3-х номинациях:

1-я номинация: классные руководители начального звена;

2-я номинация: классные руководители среднего звена;

3-я номинация: классные руководители старшего звена.

ПОБЕДИТЕЛЯМИ КОНКУРСА СТАЛИ:

Номинация – «Классные руководители начального звена»

1-е место – *Понамарева Мадина Ахмадияевна*, МОУ СОШ с. При-малкинского Прохладненского района;

2-е место – *Бусуркина Наталья Ивановна*, МОУ СОШ № 6 г. Нальчика;

3-е место – *Бахтиева Светлана Леонидовна*, МОУ «Гимназия» г. Тырныауза Эльбрусского района.

Номинация – «Классные руководители среднего звена»

1-е место – *Сирота Лариса Петровна*, МОУ «Лицей № 7 им. Шуры Козуб с. Новоивановского» Майского района;

2-е место – *Шакова Марианна Мухарбиевна* (по паспорту – Мамухова М. М.), МОУ СОШ № 2 с. Куба Баксанского района;

3-е место – *Алейникова Алла Ивановна*, МОУ СОШ № 5 г. Прохладного.

Номинация – «Классные руководители старшего звена»

1-е место – *Эльмесова Луиза Хасанбиевна*, МОУ СОШ № 4 с. Исламей Баксанского района;

2-е место – *Чехмахова Светлана Николаевна* (по паспорту – Коцева С.Н.), МОУ СОШ № 3 с. Сармаково Зольского района;

3-е место – *Жемгуразова Людмила Мурадиновна*, МОУ СОШ № 6 г. Баксана.

Оргкомитет: Л.А. Дорохина, Т.А. Касьянова, Р.М. Алокова, В.Н. Бляшева, С.А. Хоренко, Л.В. Порхун, Л.И. Железняк, И.С. Золотарева, М. Бозиева, З. Дзагаштова.

Учительское счастье

Все, что усваивается человеком впоследствии, никогда не имеет той глубины, какой отличается все усвоенное в детстве. Вот мое педагогическое кредо, о котором я часто говорю с моими воспитанниками, чтобы они знали, что детство – это не только беззаботное время, но и основа будущей жизни. Переступив порог школы в молодые годы, может быть я не осознавала до конца, к чему ведет эта дорога к школе, какая огромная работа начинается для меня каждый день. Нужно было сначала побороть в себе множество недостатков, чтобы прийти к истине: нельзя сделать прекрасной нашу жизнь, не сделав прекрасным человека.

Шестнадцать лет моей жизни отданы детям, и ни минуты я не жалею о выбранной однажды профессии – профессии учителя. Да, трудно, немодно, не престижно. Но так может сказать лишь тот, кто не понимает, что учительство – это не работа, а искусство, урок – это не часы в расписании, а сама жизнь.

За годы работы в школе я выпустила два класса, в которых насчитывалось сорок восемь учащихся. Вот столько жизней прошли через мои руки и сердце. Каждый раз, вспоминая их, я думаю: «На все ли их вопросы я ответила? Увидела ли тревогу и радость в глазах этих детей? Заметила ли движение души моих детей?» Конечно, нет, потому что ребенок – это самый сложный мир, а жизнь, куда мы их отправляем, преподносит

*Эльмесова
Луиза Хасанбиевна*

свои сюрпризы. Но моя связь с ними продолжается. Они приходят ко мне, присутствуют на моих классных часах и помогают мне во многих вопросах.

Мне все по плечу, если рядом «мои» родители. Вместе с ними мы совершаем походы, вечера отдыха, родительские собрания, но, самое главное, мы вместе лепим будущую судьбу.

Иногда мои близкие спрашивают, сколько времени длится мой рабочий день. Не ошибусь, если скажу: я работаю всегда. Во время обеда, во время уборки дома и по пути в школу. Даже во сне меня посещают образы, замыслы, а то и почти готовые уроки. Значит, и во сне продолжается мой рабочий день.

Но сколько счастливых мигов бывает в моей жизни, когда мои дети одерживают победы. Олимпиады, конкурсы, конференции, викторины – эти интеллектуальные состязания не внове для моих детей. Их удачи пробуждают во мне энергию вдохновения и творчества, и хочется брать новые высоты с ними. Этот год стал особым для нас. Мы перешагнули порог новой школы, и все мои двадцать пять детей остались со мной. Преодолевая километры, каждое утро они заходят в свой родной класс. Без моих детей и их родителей, без дорогих коллег не было бы в этом году победы на республиканском конкурсе «Самая классная классная», где мы заняли первое место. Это победа дала мне и моим детям уверенность в своих силах, веру в возможность преодоления трудностей.

Найти свое призвание, утвердиться в нем – источник счастья. Я считаю себя счастливым человеком, ибо в душе живет великое желание учить детей и учиться самой, творить и пробуждать к творчеству. А чему, какому творчеству можно научить ребенка? Пожалуй, всему. Писать стихи, как это делает Фатима, плясать красиво, как это получается у Алима, отважиться и выйти на сцену, как это сделал Абубекир, рукодельничать, как моя Рузанна...

Зарина БЕГИЕВА

Выявление и устройство детей, оставшихся без попечения родителей

Важную роль в защите прав и интересов несовершеннолетних детей играют органы опеки и попечительства. Органами опеки и попечительства являются органы местного самоуправления. Одной из задач органов опеки и попечительства является выявление и устройство детей, оставшихся без попечения родителей. Причины, по которым дети остаются без попечения родителей, могут быть самыми разнообразными, поэтому закон не дает их исчерпывающего перечня. В соответствии со ст. 121 СК РФ [1] к функциям органов опеки и попечительства по защите детей, оставшихся без попечения родителей, относятся:

- выявление детей, оставшихся без попечения родителей;
- учет детей, оставшихся без попечения родителей;
- выбор формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей;
- осуществление последующего контроля за условиями содержания, воспитания и образования детей, оставшихся без попечения родителей.

Указанные функции являются исключительной компетенцией органов опеки и попечительства в силу прямого указания закона (ст. 121 СК РФ). Другие физические и юридические лица могут лишь содействовать органам опеки и попечительства в осуществлении возложенных на них функций по защите детей, оставшихся без попечения родителей. В ст. 122 СК РФ предусмотрена обязанность должностных лиц, учреждений и граждан, которым стало известно о случаях утраты детьми родительского попечения, сообщить об этом органам опеки и попечительства по месту фактического нахождения детей. Получив сведения о детях, оставшихся без попечения родителей, орган опеки и попечительства обязан в течение 3 дней провести обследование условий жизни ребенка, результаты которого отразить в акте обследования. При установлении факта отсутствия попечения ребенка орган опеки и попечительства обеспечивает защиту интересов ребенка до решения вопроса о его устройстве. Данные о детях, оставшихся без попечения родителей, заносятся в журнал первичного учета, и принимаются меры к устройству этих детей.

Если ребенок в течение месяца со дня его первичной регистрации не был устроен, орган опеки и попечительства заполняет на него анкету установленной формы и ее копию передает в орган исполнительной власти соответствующего субъекта РФ для постановки ребенка на региональный учет. В тех случаях, когда органу исполнительной власти субъекта РФ не удалось устроить ребенка, сведения о нем передаются в Министерство образования РФ для постановки ребенка на федеральный учет.

Семейное законодательство закрепляет следующие формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей:

- усыновление;
- передача под опеку или попечительство;
- передача на воспитание в приемную семью,

– устройство в детские воспитательные, лечебные учреждения, учреждения социальной защиты населения и другие аналогичные учреждения.

Формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей

1. Усыновление. Усыновление – определение ребенка лицам (лицу) которым присваиваются права родителей. Указанная форма наиболее предпочтительна для соблюдения интересов ребенка, поскольку воспитание в семье подходит в наибольшей степени для полноценного развития ребенка.

Усыновление – это переход прав и обязанностей от биологических родителей (родителя) ребенка к усыновителям (усыновителю), при котором ребенок в правовом отношении полностью приравнивается к биологическим детям усыновителя. При этом, естественно, утрачиваются все права и обязанности родных (биологических) родителей ребенка.

Под усыновлением понимается и общественное отношение, суть которого сводится к тому, что в семью принимается посторонний ребенок с целью содержания и воспитания его как своего родного сына или дочери.

Согласно действующему законодательству, усыновление возможно в отношении несовершеннолетних детей и только в их интересах – это центральный принцип института усыновления.

Декларацией о социальных и правовых принципах, касающихся усыновления детей на международном уровне, утвержденной резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 3 декабря 1986 г. [2], и ст. 21 Конвенции о правах ребенка, принятой в Нью-Йорке 20 ноября 1989 г. [3], признается, что усыновление в другой стране может рассматриваться лишь в качестве альтернативного способа ухода за ребенком при наличии двух условий: если он не может быть передан на воспитание или помещен в семью в стране происхождения и если обеспечение какого-либо подходящего ухода в стране происхождения ребенка является невозможным.

2. Опекa и попечительство. Опекa и попечительство – одна из правовых форм защиты личных и имущественных прав и интересов детей, а также обеспечения их содержания, воспитания и образования. При установлении опеки и попечительства учитывается возраст несовершеннолетних детей. Опекa устанавливается над малолетними детьми, т. е. не достигшими 14 лет. Попечительство устанавливается над несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет.

Встречаются случаи, когда родители ребенка по тем или иным причинам временно не могут его воспитывать. Например, родители уезжают в длительную командировку или находятся в лечебном учреждении и т.п. Конечно, в этих случаях можно поместить ребенка в детское учреждение, но чаще лучше устроить его в семью родственников, друзей, знакомых. В семье родственников или друзей ребенок нередко остается и в тех случаях, когда он лишился родителей, но его не усыновляют. В такой ситуации необходимо, чтобы было определено лицо, которое несло бы не только моральную, но и правовую ответственность за воспитание ребенка. В этих случаях лицо, выразившее желание воспитывать ребенка, назначают опекуном (если ребенок моложе 14 лет) или попечителем (если речь идет о подростке от 14 до 18 лет) (п. 2 ст. 145 Семейного Кодекса).

Опекуны (попечители) являются представителями подопечных в силу закона и совершают от их имени и в их интересах все необходимые сделки.

Права детей, находящихся под опекой (попечительством), включают в себя:

- воспитание в семье опекуна, заботы со стороны опекуна (попечителя), совместное с ним проживание;
- обеспечение им условий для содержания, воспитания, образования, всестороннего развития и уважение их человеческого достоинства;
- права на причитающиеся им алименты, пенсии, пособия и другие выплаты;
- сохранение права собственности на жилое помещение или права пользования жилым помещением;
- защиту от злоупотреблений со стороны опекуна.

Нужно заметить, что детям, находящимся на полном государственном обеспечении в воспитательных учреждениях социальной защиты, опекуна (попечителя) не устанавливают. Выполнение этих обязанностей возлагается на администрации этих учреждений. В свою очередь, органы опеки и попечительства осуществляют контроль за условиями содержания, воспитания и образования детей [4].

Вследствие принятия решения о назначении опекуна (попечителя), у последних возникает перечень прав и обязанностей по отношению к ребенку.

В случаях ненадлежащего выполнения опекуном (попечителем) лежащих на нем обязанностей орган опеки и попечительства может отстранить его от их исполнения.

3. Приемная семья. Приемная семья – одна из форм устройства в семью на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей, на основании договора о передаче ребенка (детей) на воспитание в семью, заключенного между органами опеки и попечительства и приемными родителями. Субъектами в приемной семье выступают приемные родители и приемные дети. Лица, желающие взять ребенка на воспитание в приемную семью, подают в орган опеки и попечительства по месту жительства заявление, с просьбой дать заключение о возможности быть приемными родителями. Для этого орган опеки и попечительства принимает меры к обследованию условий быта и проживания будущего ребенка в приемной семье. Администрация детского учреждения обязана представить всю имеющуюся у них о ребенке информацию будущим приемным родителям.

После разрешения всех формальных моментов между приемными родителями и органом опеки и попечительства по месту жительства заключается договор о передаче ребенка на воспитание в приемную семью. Приемные родители являются законными представителями ребенка. Ребенок в приемной семье имеет право на контакты с кровными родителями, а так же близкими родственниками, если это не противоречит интересам ребенка, его нормальному развитию и воспитанию. На содержание ребенка в приемной семье из средств бюджета выделяются денежные средства. Размер денежных средств установлен в том же количестве, что и для воспитанников детских домов.

Денежные средства на содержание ребенка ежемесячно перечисляются на банковские счета приемных родителей. Размер денежных средств пересчитывается ежеквартально с учетом изменения цен на товары и услуги.

4. Устройство в детские воспитательные, лечебные учреждения,

учреждения социальной защиты населения и другие аналогичные учреждения. Детей в первую очередь стремятся передать на воспитание в семью: на усыновление, под опеку (попечительство) или в приемную семью.

При отсутствии такой возможности детей помещают на воспитание в различные государственные учреждения: дома ребенка, детские дома, школы-интернаты, дома для инвалидов и т.д. (ст. 123 СК РФ). Тип учреждения определяется в зависимости от возраста и состояния здоровья ребенка.

Нахождение ребенка в любом государственном детском учреждении не исключает в дальнейшем устройства его в семью. В этих целях в России ведется централизованный учет (на местном, региональном и федеральном уровнях) всех детей, которые могут быть переданы на воспитание в семью, и любой гражданин, желающий принять ребенка в свою семью, может воспользоваться этой информацией. На федеральном уровне учет таких детей осуществляет министерство образования РФ. В данном случае все расходы по содержанию, воспитанию и образованию ребенка возлагаются на данные учреждения.

Таким образом, когда ребенок по тем или иным причинам остался без попечения родителей (в случае их смерти, болезни, длительного отсутствия, лишения родителей родительских прав или ограничения их в таких правах, уклонение родителей от его воспитания и т.п.), заботу о нем принимает на себя государство.

Защиту прав и интересов таких детей осуществляют специально уполномоченные государством органы опеки и попечительства.

Необходимо подчеркнуть, что дети, отданные на воспитание опекунам (попечителям), в приемные семьи и воспитательные учреждения, сохраняют все свои имущественные и неимущественные права: право собственности, причитающиеся им алименты и пособия.

Главное, что составляет содержание и смысл возникающих в связи с этим правоотношений – обеспечение переданному на воспитание ребенку нормальных условий его содержания, воспитания, образования, всестороннего развития и уважения его человеческого достоинства.

Библиографический список

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 8 декабря 1995 г. N 223-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 15.11.1997 № 140 – Ф. 3. от 27.06.1998 № 94 – Ф. 3. от 22.08.2004 № 122 – Ф. 3. от 28.12.2004 № 185 – Ф. 3. от 03.06.2006 № 71 – Ф. 3.) // Собрание законодательства Российской Федерации.

2. Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях (принята 03.12.1986 резолюцией 41/95 генеральной ассамблеи ООН) // Сборник международных договоров. Т. 1. Ч. 1. ООН. Нью-Йорк и Женева, 1994.

3. «Конвенция о правах ребенка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров. Т. 1. Ч. 1. ООН. Нью-Йорк и Женева, 1994

4. Федеральный закон Российской Федерации от 21 декабря 1996. № 159 – Ф. 3. «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей – сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (в ред. Федеральных законов от 08.02.1998 № 17 – Ф. 3. от 07.08.2000 № 122 – Ф. 3. от 08.04.2002 № 34 – Ф. 3. от 10.01.2003 № 8 – Ф. 3. от 22.08.2004 № 122 – Ф. 3.) // Собрание законодательства Российской Федерации.

Очарованный странник

Когда мой друг Ахмед Жаманов – ученый-экономист, банкир – десять лет назад покорил вершину Эльбруса, я хотел его спросить: «Зачем, Ахмед, тебе этот Эльбрус нужен, ведь у тебя есть все, а восхождение на него всегда огромный риск?» Спросить не успел: он должен был лететь в Москву. Но прежде чем мы снова встретились в Нальчике, он прислал мне свою книжку «Эльбрусские записки», в которой был ответ и на этот вопрос, да и на многие другие.

И все же: зачем Ахмед поднялся на Эльбрус – самую высокую вершину Европы?

«Эльбрус, как исполин, возвышается над всем окружающим пространством. Выше только небо. Этот вид приводит меня в восторг, – пишет он. – Мысль об Эльбрусе, мною не покоренном, как заноза сидела во мне, много раз ранила душу укором неосуществленного большого желания. Она оставалась важным критерием полноценности моей жизни. Глядя на белоснежные вершины Эльбруса, я каждый раз укреплялся в своем намерении и с нарастающим трепетом говорил сам себе: «Пока я не буду Там, не пройду этот Рубикон, пока не разрублю этот гордиев узел – я не смогу успокоиться».

О чем думает человек, покоривший Эльбрус и находящийся на его вершине, какие мысли одолевают его, как он смотрит на мир, оставленный где-то далеко, там, внизу? Слово Ахмеду: «Чем прекрасен Эльбрус? Он помогает стать чище, мыслить лучше, и в основном – о хорошем, вечном, божественном. Здесь ты освобождаешься от мелочных забот, поднимаешься над суетой. Как Человек, как дитя Природы, именно на большой высоте ты можешь по-настоящему оказаться наедине со своими мыслями. И ты стараешься понять себя и мир глубже и полнее, чем в суете городов и потоках машин... Сейчас ты ближе к небесам, к вечности. Все мелочное отступает. А перед чем-то действительно великим чувствуешь священный трепет и желание причаститься».

Так и тянет меня пересказывать отдельные отрывки «Эльбрусских записок». От них невозможно оторваться, как от родниковой воды в летний зной, как от материнского грудного молока в детстве. Это непринужденный увлекательный рассказ нашего современника, глубоко мыслящего и широко эрудированного человека об истории Кабардино-Балкарии, ее наиболее значительных событиях и фактах, размышления о жизни и смысле бытия, повседневных заботах, проблемах и чаяниях своих земляков.

В данной статье я не ставлю перед собой целью подробно анализировать глубоко публицистическую документальную повесть Ахмеда Жаманова «Эльбрусские записки» (кстати, кроме Нальчика она вышла в Москве и Монголии). Каждый вдумчивый читатель найдет в ней для себя немало любопытного. Мне приятно констатировать, что и в сфере публицистики мой друг показал мастерское владение пером. Как и

ранее, когда своим профессиональным владением темы и ораторским искусством он очаровывал каждую аудиторию, где бы ни выступал: перед студентами, руководителями предприятий и организаций, чабанами на горных пастбищах... Впрочем, как видно из настоящих «Записок», Ахмед Билялевич еще и успевал при этом впитывать в себя богатый и своеобразный литературный материал, во многом определивший успех его повествования.

Своим произведением А. Жаманов привнес свежую, оригинальную струю в литературный процесс Кабардино-Балкарии. Его описание собственного восхождения на Эльбрус можно смело считать путеводителем для любого туриста и альпиниста, собирающегося в Приэльбрусье. Нравы, традиции и обычаи горских народов, дела давно минувших дней и портреты современников обрисованы автором красочно и убедительно, в причудливом переплетении с событиями и явлениями планетарного характера и значения.

Прочитав «Эльбрусские записки» даже самый несведущий о Кавказе человек получит емкое представление о жизни наших народов, богатой во всех измерениях. А это чрезвычайно важно в сегодняшнем многоликом, взаимосвязанном и быстро изменяющемся мире, где так непросто найти себя индивиду и целым народам, где извечные вопросы добра и справедливости, чести и достоинства довлеют над нами так же, как и в свое время – над великими нартами, Гераклом и Прометеем...

Вершины – природно-географические и жизненные – никогда не оставляли Ахмеда Билялевича в покое, не давали ему, как говорится, спать спокойно. Они для него как своеобразная идефикс. Не потому ли он покорил в 2007 г. первым их кабардинцев гору Килиманджаро? (Она находится в Танзании. Высочайшая вершина Африки – 5 895 метров. Выше Эльбруса на 253 метра.)

Я еще не спросил Ахмеда: «Зачем тебе Килиманджаро?» Но обязательно спрошу, заодно напомнив ему о том, что есть еще Эверест, который он еще не покорил. Про Эверест он, наверное, скажет: «Оставь мне хотя бы эту высоту на будущее, ведь у человека впереди должна всегда маячить вершина – мечта. А без мечты как жить? Скучно будет...»

Когда-то легендарного английского альпиниста Д. Мэлора, погибшего недалеко от вершины Эвереста, спросили: «Почему вы идете на Эверест, заранее зная, что за победу над ним, возможно, вам придется расплатиться собственной жизнью?» На что тот ответил: «Иду, потому что Эверест существует». Может, и Ахмед даст мне такой же ответ. Не знаю.

Знаю другое: много вершин покорил мальчишка из селения Каменномостского, приютившегося в горах на берегу бурной Малки. Он закончил с отличием экономический факультет Ростовского государственного университета, там же защитил кандидатскую диссертацию. Преподавал в КБГУ, работал в аппаратах обкома КПСС и правительства КБР. Создал и возглавлял в 1992–1997 годах один из первых акционерных банков в нашей республики «Кавказ-Инкомбанк». В те годы он спонсировал выпуск нескольких социально значимых книг местных авторов.

С 1997 г., успешно пройдя множество служебных лестниц, сначала он дорос до директора административного департамента московского Банка Реконструкции и Развития, а недавно ему оказали высокое доверие, назначив на ответственный пост вице-президента этого банка. Ахмед Биляевич, будучи доцентом, ведет большую научно-педагогическую работу в одном из престижнейших вузов Москвы – в Российской экономической академии имени Г. В. Плеханова. Он член Союза журналистов России, проявил себя талантливым публицистом.

Почему именно в эти дни я вспомнил о своем друге Ахмеди и нашем Эльбрусе? Совсем не случайно. Как и многие тысячи людей, я принимал активное участие во всероссийском конкурсе «Семь чудес России», радуюсь и горжусь тем, что Эльбрус оказался в числе его победителей. Он отныне признан одним из самых интересных и примечательных мест России. Победа Эльбруса – это в перспективе новые инвестиции в экономику республики, так как благодаря ей значительно повысится туристический статус и имидж всей Кабардино-Балкарии. Правда, лично для меня, независимо от того, победил в конкурсе Эльбрус или нет, он был, есть и всегда останется одной из самых любимых точек на все земном шаре, ибо на протяжении многих лет каждое утро встречал с ним. Ошхамахо – Гора Счастья. А оно так необходимо каждому во все времена!

А книга Ахмеда Жаманова, с которой я начал свой рассказ, – гимн Эльбрусу, родной земле и людям, на ней живущим. Поэтому и хочу закончить небольшую статью несколькими фразами из «Эльбрусских записок»: «Я снова вернулся к тебе, наш седой патриарх, наш любимый дедушка Эльбрус! Один из твоих детей – тобой навеки очарованный странник. И пока ты есть, мы будем чувствовать твоё мудрое покровительство, а долг чести велит жить достойно твоей великой славы, красоты и величия».

Ахмед Жаманов на вершине горы Килиманджаро.
2007 г.

Полифункциональность антропонимов в романной прозе С. Мафедзева

На протяжении многих веков имени уделяется пристальное внимание. Исследования в этой области восходят к античным временам. Антропонимии (от греч. *antropos* «человек», *onoma* «имя») составляют личные и фамильные имена, прозвища людей, наречения, вторые имена. Большой интерес для исследователей представляет и литературная антропонимика. Как утверждает профессор Дж. Н. Коков, антропонимия связана с «бытом самих носителей имен и доносит до нас информацию первостепенной важности» [1; 3]. Имя в литературе из-за своей мотивированности понимается шире, чем имя в жизни. Литературная антропонимика всегда опирается на общенародную ономастику. Имя в литературе отличается своей полифункциональностью.

Опираясь на традиции русской литературы, где имя играет существенную роль, национальная литература создает многогранную литературную антропонимику. Имя в литературе включает в себя комплекс: персонаж, сюжет, структура, литературный контекст. Полифункциональность антропонимов в литературе прослеживается и в кабардинской прозе, в частности, в романах С. Мафедзева «Достойны печальной песни» (1992) и «Медвежьих когти» (1998).

В данной статье мы попытаемся определить роль антропонимов, показать их значимость и полифункциональность в построении художественной ткани произведения. Мы считаем, что выбор антропонимов в романной прозе С. Мафедзева не случаен. Писатель возлагает на них определенные задачи. Они выполняют: содержательную, информативную, эстетическую, этническую, фольклорную, комическую, историческую, социальную, идентифицирующую функции. Непосредственную связь с ними имеют: наличие прототипов, имен-цитат, фиктонимов, преемственности антропонима, принципа ассоциации и др.

Уже с первых страниц романа «Достойны печальной песни» мы сталкиваемся с образом народного певца – гегуако. Символичным является выбор автором имени певца – «Бэгъзуш», дословно означающий «будящий народ». Основная функция любого народного певца в том, чтобы нести людям правду и свет, «пробуждать» их умы. Писатель в образе Багауша также раскрывает социальные вопросы – противопоставление князей и крестьян.

Интересную историю имеет такое имя, как Канмыгас Герандуко. Чтобы познакомить нас с этим героем, автор вводит легенду о роде Герандуко. Мужчины в его роду считались лучшими воспитателями. Когда-то они носили фамилию «Касей». Писатель рассказывает нам историю Касея, который взял на воспитание маленького мальчика. В летнее время, как и любой крестьянин, он выехал на полевые работы. Мать оставила двух мальчиков спящими на несколько минут, чтобы сходить к колодцу. Возвращаясь, она увидела горящий дом. Женщина бросилась в огонь и в первую очередь спасла кана, жертвуя собственным ребенком. С тех пор эту семью начали именовать «Канмыгас», что означает «сберегающий кана от огня». Этот антропоним можно понимать еще шире. Так, каны, воспитывавшиеся в роду Канмыгас, отличались сдержанностью, толерантностью. Данную фамилию можно понимать как «сберегающий от горячности».

К антропонимам с принципом преемственности следует отнести, по нашему мнению, имя кузнеца Дабеча. Еще раньше в кабардинской литературе мы встречаемся с кузнецом Дабечем (А. Шортанов «Горцы»). Но, в отличие от своего предшественника, С. Мафедзев лишь упоминает о нем. И тем не менее, этот герой играет положительную роль уже потому, что имеет достойного предшественника. «Дэбэч» состоит из двух кабардинских слов «дэ» и «бэ», которые, на наш взгляд, означают «мы» и «народ». Кузнец всегда на стороне народа, защищает его интересы.

Символичными являются имена двух антагонистических героев: Хашемахо (ХьэщГэмахуэ) и Онджироко (Уэнджырокьуэ). Первое имя носит седобородый, мудрый старик. «Хашемахо» означает «счастливый гость». Каждое его слово наполнено мудростью. В жизни, считает Хашемахо, самым главным является способность приносить людям счастье, ориентироваться на нравственно-этические нормы. Его зять носит имя «Онджироко». Антропоним «Уэнджырокьуэ» состоит из трех элементов: «уэн» – ударить, «жыр» – сталь, «кьуэ» – сын. Элемент «ко» означает термин родства. А сам антропоним, на наш взгляд, означает «стальной удар». Имя в данном случае имеет прогностическую функцию. Жизнь Онджироко прошла в противоборстве со всем миром: собственным отцом, тестем, супругой. И имя героя показывает его агрессивную сущность, внутренний мир и враждебность ко всему окружению.

Интересны антропонимы двух братьев «Шалауат» (Щэлэуат) и «Билостан» (Бильостэн). Имя Шалауат, начальный элемент которого «щэ», в кабардинском языке имеет два значения: «жир» и «сто». Шалауат, как показывает писатель, очень жадный человек. Наличие в имени числительного «сто» подтверждает его стремление к богатству и наживе. Брат Билостан является его антиподом. Богатство для него ничего не значит. Его имя имеет иноязычную основу. Постпозитивный элемент «стан» происходит из иранского «страна». Это является символичным, так как Билостан воплощает лучшие человеческие качества. Прежде всего, он – патриот родины, защитник своего народа.

При выборе писателем определенных антропонимов наблюдаются национальные особенности. Так, в семье существовал обычай давать вторые или сокращенные имена, «избегать» употребления личных имен. Интересно отметить, что в романе сокращенные имена даются только положительным героям: Хашемахо – Махо, Герандуко – Дуко, Даханаго – Наго, Дахауос – Уос, Билостан – Тан, Гуашагафа – Гуаша, Нохата – Хата, Диганаху – Дига, и др.

В романах также встречаются имена-фигуранты, то есть имеющие фольклорные корни. Автор вводит имена из нартского эпоса: Бырымбух, Имыс, Даханаго, Сосуко, Ашемез... В романе они составляют маленькую группу, но приближают нас к жизни и быту адыгов.

Большой интерес представляют и женские имена, в которых реализована эстетическая функция. Они имеют уменьшительно-ласкательный оттенок, помимо этого обращают внимание на некоторые физические качества. Самая маленькая героиня С. Мафедзева носит прекрасное имя Дыганах, буквально означающее «солнечный свет». Интересно, что другой антропоним с уменьшительно-ласкательным значением Дыгацук, означающий «солнышко», принадлежит женщине в возрасте. Но автор, скорее всего, этим хочет подчеркнуть внутреннюю сущность героини, которая, как луч солнца, светит остальным героям и поддерживает их в беде. Другое имя, также имеющее отношение к

природе – Дахауос. Данный антропоним подчеркивает внешнюю красоту его носителя. Дословно означает «красивый снег», «красивый, белый».

Другую группу имен составляют антропонимы, обозначающие части тела: Жанпаго, Нограш, Даханаго. Как считает Дж. Н. Коков, в слове Жанпаго присутствует персидский элемент джан – «душа». Но в кабардинском языке он утрачивает исконное значение и означает «Жан курносая». Во втором имени содержится препозитивный элемент «нэ» (глаза) или «нэгу» (лицо). Эта героиня противостоит всем ударам судьбы. Она живет без маски на лице. Нограш справляется с трудностями и с чистым лицом добивается собственного счастья. Она восстает против социальных законов, утверждающих, что князь не имеет права вступать в брак с нижестоящей девушкой. Имя «Даханаго» дословно означает «красивая, кареглазая» и заключает в себе эстетические ценности народа.

Писатель при выборе женских антропонимов не обошел вниманием и социальные особенности. Так, имя-теоним «гуаша» имели право носить только представительницы знати. «Гуаша» имеет несколько значений: госпожа, княгиня, хозяйка дома, свекровь и кукла. В романной прозе С. Мафедзева мы встречаемся с такими антропонимами, как Гуашагафа, Гуашана, Гуашааф, Жылагуаша. Имя «Гуашагафа» означает ласковая, взлелеянная. Действительно, девушка с таким именем была единственным ребенком в семье. Ее растили и лелеяли в отчем доме. В дальнейшем на долю этой героини выпадет много трудностей. Гуашана – хозяйка домашнего очага большого князя Кабарды. Автор при выборе имени остается верным социальным особенностям. Гуашана может иметь двойное толкование. С одной стороны, в имени имеются слова, обозначающие части тела – «нэ» (глаза). С другой – данный антропоним понимается шире. Элементы «гуаша» + «ана» имеют более широкое значение – хозяйка-мать. Только ее одну как женщину и мать почитает эгоистичный Онжироко. А в антропониме Жылагуаша наблюдается соответствие семантики имени литературному контексту. Его обладательницей является хозяйка селения Хатакшуко. «Жылагуаша» дословно означает хозяйка народа. Особняком среди женских имен, имеющих социальное значение, стоит антропоним Шахугуей (Щэхугъуей), дословно означающий «бесценная, очень дорогая». Это имя принадлежит хозяйке домашнего очага большого князя Кабарды Кушука.

В романе встречаются также имена-цитаты: Бонапарт, Алексей Ермолов, Алексей Бекович-Черкасский, фиктонимы Сосуруко, Ашемез и др. Имена-цитаты – это имена, встречающиеся в истории, культуре различных народов. В них писатели дают определенную генетическую информацию.

Таким образом, проведенный анализ позволяет говорить о том, что выбор антропонимов неслучаен. С. Мафедзев посредством выбора различных имен и фамилии характеризует время и его представителей. Антропонимы в романной прозе С. Мафедзева отличаются полифункциональностью. Они несут в себе огромную смысловую нагрузку, воссоздают социально-исторические, этнофольклорные, эстетические особенности.

Литература

1. Коков Дж. Н. Вопросы адыгской (черкесской) антропонимии. Нальчик, 1973.
2. Мафедзев С. Достойные печальной песни (на каб. яз.). Нальчик, 1991.
3. Мафедзев С. Медвежьи когти (на каб. яз.). Нальчик, 1998.

**Кашиф УНЕЖЕВ,
Аниуар ЭТУЕВ**

Национально-культурный компонент в образовательной программе КБР

История развития каждого народа представляет собой взаимодействие общечеловеческого и национального в духовном, материальном и морально-этическом плане. Национальная школа как социальный институт строит свою деятельность на основе этого взаимодействия.

А в условиях многонационального государства особое значение приобретают представления об оптимальном решении сложного комплекса проблем, связанных с развитием и функционированием национальных языков и национальных культур, сохранением национально-этнических компонентов духовной культуры, уклада жизни и быта, народных промыслов. Все это не может не сказаться на вновь формируемых национальных системах образования, призванных обеспечить, с одной стороны, целостность и единство образовательного пространства России, высокий уровень готовности выпускников национальных школ к жизни в условиях федеративного государства и современной цивилизации, а с другой – приобщение выпускников национальных школ к духовному наследию своего народа, к его традициям, к оптимизации взаимодействия личности с окружающей природой и социальной средой.

В этих условиях становится актуальной проблема установления стандартов образования, обязательных для всех типов образовательных учреждений независимо от их форм. Речь идет о национально-культурном компоненте образования. Его своеобразие должно быть отражено в содержании предметов гуманитарного цикла.

Целью образования в национальной школе должно стать воспроизводство и развитие культуры общества, нации, народности во всем многообразии ее общечеловеческого и национального богатства. Образование строится на основе этнической культуры, связанной с народной педагогикой, вплывающей влияние окружающей среды, в которой происходит процесс социализации подрастающих поколений.

Каждая национальная школа имеет специфику, как по содержанию, так и по структуре учебного плана и обладает самостоятельным статусом, но по уровню общеобразовательных базовых предметов стандарты образования как в русской, так и в национальной школе должны быть максимально приближены. Это обусловлено единством образовательного пространства Российской Федерации.

Самое ценное, что человечество до сих пор создало, это и есть разнообразие национальных культур, обогащающих друг друга, создающих общечеловеческие нормы и одновременно приобретающих новые черты.

Национальная культура кабардинцев и балкарцев многообразна, демократична, доступна и поэтому содержит в себе большой потенциал благотворного воздействия на всех, кто приобщается к ней. Вот почему

сегодня так важно как можно полнее использовать национально-культурный компонент в духовном развитии детей. В Кабардино-Балкарии созданы условия для развития школ с этнокультурным компонентом, способствующие приобщению ребенка к традиционным духовным ценностям своего народа. Это отражено и в Законе КБР «Об образовании» (1994). Кабардино-Балкарская Республика провозглашает область образования приоритетной.

Государственная политика в области образования основывается на следующих принципах: гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности. Воспитание гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, Родине, семье; единство республиканского и федерального культурного и образовательного пространства; защита и развитие системой образования национальных культур и культурных традиций народов, проживающих на территории Кабардино-Балкарской Республики; единство процесса обучения и воспитания; обеспечение через систему образования национального возрождения и развития коренных народов Кабардино-Балкарской Республики и т. д.¹

Граждане Кабардино-Балкарской Республики имеют право на получение образования на родном языке, а также на выбор языка обучения в пределах возможностей, предоставляемых им системой образования. Неотъемлемой частью деятельности образовательных учреждений Кабардино-Балкарской Республики является воспитание гражданственности, нравственных качеств обучаемых. Основной формой воспитательной деятельности в системе образования является воспитывающее обучение с использованием нравственного потенциала культуры, литературы, истории, традиций и обычаев народов.

В общеобразовательных, начальных, средних и высших профессиональных образовательных учреждениях, расположенных на территории Кабардино-Балкарской Республики, в учебные программы вводятся специальные дисциплины, направленные на глубокое изучение и развитие культурных и духовно-нравственных ценностей, а также национальной литературы и фольклора коренных и других народов Кабардино-Балкарской Республики.² Следовательно, национальный и региональный компоненты содержания достаточно широки и многоаспектны в образовательной программе КБР.

При составлении учебных планов с учетом рационального соотношения федерального и национально-регионального компонентов необходимо обратить особое внимание на одно важное обстоятельство, заключающееся в том, что «в учебном плане объем допустимой учебной нагрузки строго лимитирован. Поэтому возможности увеличения количества учебных предметов, вводимых дополнительно сверх тех, которые удовлетворяют требованиям федерального компонента содержания образования и которые

¹ Государственная политика в области образования // КБП. 1994. 22 июня.

² Там же.

обеспечивают уровень образованности, соответствующий требованиям федерального стандарта и целям обучения, воспитания и развития подрастающего поколения в соответствии с мировым уровнем и уровнем развития современной цивилизации крайне ограничен»¹. В частности, новые учебные планы, разработанные под руководством Н. Х. Байчекуевой, по которым работает в настоящее время Кабардино-Балкарский педагогический колледж, составлены на основе государственных образовательных стандартов и включают в себя и федеральный, и национально-региональные компоненты.

Федеральный компонент представлен в учебных планах набором соответствующих образовательных дисциплин и интегрированных курсов, которые обеспечивают фундаментальную, психолого-педагогическую и профессиональную подготовку будущих учителей. Этот компонент занимает 70–75 % объема времени, отведенного на освоение учебного материала. Остальные 25–30 % времени отведено на освоение национально-регионального образовательного компонента.² В учебных планах последний представлен курсами по выбору и дисциплинами, отражающими национальные особенности духовной культуры народов Кабардино-Балкарии.

Одной из важнейших составных частей национально-этнического компонента является курс истории этноса и его культуры. Для воспитания любви к своей родине, ее прошлому и настоящему, своему народу, своим предкам, при возросшем национальном самосознании, необходимо ускорить создание концепции национальной системы образования.

В связи с этим во всех учебных заведениях КБР в начале 90-х гг. XX в. был введен курс «История и культура народов КБР». В Кабардино-Балкарском государственном университете им. Х. М. Бербекова в 1990 г. на историческом факультете открылась кафедра «Истории и этнографии народов КБР». Цель этой кафедры – способствовать формированию гуманистической культуры, сохранению культурно-исторической преемственности поколений, возрождению и развитию национальной культуры кабардинцев и балкарцев, а также других народов Северного Кавказа.

На историческом факультете кроме основных дисциплин «История народов КБР», «Культура народов КБР», «История Северного Кавказа», разработаны и читаются более 30-ти спецкурсов и спецсеминаров. Теперь исторический факультет готовит специалистов не только по истории России и всеобщей истории, но и по истории народов КБР. Но основная заслуга университета заключается в том, что учебные курсы кафедры «Истории и этнографии народов КБР» изучаются на всех факультетах.

Не вызывает сомнения, что ознакомление с национальной культурой на раннем этапе развития ребенка является важнейшим фактором в системе развивающего обучения. Очень важно уже в дошкольном возрасте

¹ Сукунов Х. Х., Величук А. П. О разработке типовой модели национальной школы (для школ Северного Кавказа). М., 1996. С. 35.

² Байчекуева Н. Х. Возрождение традиционной культуры воспитания в Кабардино-Балкарии. М., 1996. С. 40.

воспитать интерес, а затем и любовь к родному языку, истории, культуре. Для решения этой проблемы требуется создание материально-технических условий, использование эффективных методов обучения национальной культуре, пополнение дидактическим инструментарием, научной, методической и детской художественной литературой, иллюстративным материалом, развивающими и обучающими играми, способствующими более успешному усвоению и развитию родной речи и т. д. Поскольку формирование личности ребенка начинается в семье и именно здесь закладывается изначальная база в деле сохранения и передачи национальной культуры, необходимо тесное взаимодействие педагога с родителями. Использование таких форм работы с родителями, как круглый стол, музыкально-литературные викторины, проводимые вместе с детьми, народные праздники, дни открытых дверей и т.д., наполненные душевным спокойствием, добротой, глубоким уважением к старшему поколению и вниманием к младшему, актуализируют нравственно-ценностные истоки национальной культуры кабардинцев и балкарцев. Человек, воспитанный на национально-культурных ценностях, впитает в себя патриотические чувства и будет открыт к изучению и осознанию значимости культуры других народов, уважения к ним.

Принятие Закона РФ «Об образовании» (1992) создало благоприятные предпосылки для обновления школы на принципах гуманизации, демократизации, вариативности. Этот процесс осложняется и сдерживается из-за развала экономики, политической нестабильности и социальной напряженности, недостаточного финансирования системы образования. Например, если взять Северный Кавказ, то в сфере дошкольного образования идет сокращение сети детских учреждений. Исключение составляют только Ингушетия и Кабардино-Балкария, где они полностью сохранены. В КБР дошкольное образование становится вариативным: растет число учреждений и центров развития, в которых комплексно решаются проблемы здоровья ребенка, его интеллектуального, эстетического, физического развития; создаются специализированные заведения для детей с нарушениями в развитии. Позитивным нововведением является создание образовательных комплексов «начальная школа – детский сад». С 1995 по 1998 г. количество таких комплексов увеличилось в республике с 11 до 22.

Сегодня основная задача детского сада – приобщение детей к родному языку, истории, этнокультуре, духовным ценностям, воспитание у них культуры межнационального общения; создание условий, в которых дети разных национальностей с ранних лет приобрели бы представление о равенстве, справедливости и добре, достоинстве и дружбе.

Представляет интерес разработанная педагогическим коллективом дошкольного образовательного учреждения № 49 «Золушка» г. Нальчика программа развития национально-культурного компонента, включающая: открытие кабинета кабардинского и балкарского языков; организацию дополнительных занятий с детьми по краеведению; обучение детей национальным танцам на дополнительных кружковых занятиях; ознакомление воспитанников с произведениями местных художников и народных умельцев, с национальной росписью, используя возможности изостудии;

включение, наряду с программным материалом, национальной тематики на всех занятиях, независимо от используемых методик; углубление знаний детей о национальном фольклоре, о героическом нартском эпосе; приглашение в ДОО актеров кабардинского и балкарского драмтеатров, а также республиканского театра кукол с показом спектаклей на сюжеты национальных сказок; постановку инсценировок на родном языке с участием детей; обучение девочек золотошвейному делу – вышиванию.¹

Анализ работы показал, что в своей деятельности ДОО № 49 опирается на принцип культуросообразности и ориентации на основы многогранной и самобытной национальной культуры.

В условиях модернизации общества такие позитивные перемены наблюдаются и в общеобразовательных учреждениях. Во многих школах республики созданы различные творческие коллективы: хореографический, драматический, функционируют кружки дополнительного образования. В целях возрождения и развития традиций и обычаев народов КБР возникла идея проведения фольклорно-этнографического конкурса «Мои истоки», организуемого Департаментом по образованию и науке г. Нальчика.

Фестиваль-конкурс проводится в три этапа: первый тур (отборочный) проводится в каждом из ОУ; второй тур (полуфинал) – среди групп школ, объединенных по территориальному признаку; третий тур – финал.

В фестивале принимают участие учащиеся 1–11 классов школ г. Нальчика, в него включены следующие жанры: танцевальный; вокальный; театральный; фольклорный; литературный (на историческом материале).

При подготовке к фестивалю-конкурсу учащиеся ведут большую поисковую работу не только по изучению истории народов КБР, обычаев и традиций, фольклора, но и знакомятся с историей возникновения танцев, песен и передают все это на сцене, показывая свое художественное мастерство, сценическую культуру.

Таким образом, национально-культурный компонент образования, как главный принцип национального воспитания сегодня приобретает необычайную актуальность.

¹ Пшемурзова З. С. Приобщая к народной мудрости. // Педагогический вестник. Нальчик. 2002. Вып. 5. С. 82.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ МНЕМОНЕМА И ХРОНОТОП

Художественная литература вольно или невольно является отражением всеобщих закономерностей развития объективного мира, но в ее основе – познающе-образное мышление, которое формируется на базе обыденного познания окружающей действительности, когда сливается материальное и идеальное, достоверное и чувственное, подсознательное и подлинное.

Рассуждения о том, что реализм в художественной литературе – иллюзия (Р. Барт), приводят к осознанию более сложной функции слова в тексте, чем просто отображение, фотографирование (для этого существуют точные науки – история, статистика, экономика и пр.), пусть и наиболее типичных образов или ситуаций. Ведь не для того только, чтобы еще раз увидеть точно то, что «совершается вокруг», писатель берется за перо.

Видимо, и не для того, чтобы просто выразить критическую оценку действительности, все авторские сплетения, составленные из реально существующего (даже в фантастическом плане), являют когнитивную мобилизацию информации для решения различного рода разумно формируемых задач. «Самые» мнемонические действия – языковая деятельность, память, восприятие, представление, интерпретация – связаны с мышлением, познанием и воображением, которые получают право «голоса» только с помощью слов, выстраиваемых соответствующим образом. Главной и направляющей силой является автор, как сложная мнемоническая система, совершающая определенные целенаправленные эстетические процессы. Когда говорят о художественности текста, эта система представляет собой сложное многоуровневое понятие, включающее ментальность и целеполагание автора, интеллект читателя, состояние общества и пр. Но главный мнемонический механизм – это язык. Именно художественное произведение переводит «жизненное» содержание в иной, фактически формальный план, произведение оказывается как бы приподнятым над действительностью (об этом говорил М. Бахтин), вынесенным из сферы непосредственной реальности в область исторических, философских, эстетических и прочих ценностей, то есть совершается эстетическое единение искусства и жизни, возможное прежде всего благодаря образности и полисемичности языка.

Стремясь преодолеть односторонность традиционного анализа художественных текстов, Л. В. Щерба в своих «Опытах лингвистического толкования стихотворений» предложил методику синтетического изучения литературного произведения. Он назвал ее лингвистическим толкованием текста, целью которого являлся показ тех лексических средств, благодаря которым выражается идейное и эмоциональное содержание литературных произведений, это путь разыскания значений слов, оборотов, ударений, ритмов, точнее, инвентаря выразительных средств русского литературного языка.

Лингвистика же текста, широко распространившаяся в последние десятилетия, – одно из магистральных направлений науки о языке, основательно поколебавших аксиоматику литературоведения, так как кар-

динально менялись ориентиры исследования. Мы полагаем, что именно содержание произведения и характер языкового повествования диктует направление интерпретации и способ его изучения, то есть на базисном уровне категоризации должно срабатывать глубинное соответствие систем познания и отображения действительности закономерностям восприятия созданного художественного мира.

Функциональная гетерогенность языка литературного произведения определяется тем вариантом, той частью культурно-эмоционального уровня индивидуума, которую он выбирает, извлекает из общекультурного объема (запаса), накопленного человечеством, и выстраивает, отталкиваясь от поставленных целей и объективного окружения, прежде всего свою языковую систему, формирующую конкретный концептуальный художественный мир.

При этом закономерно возникает вопрос – каким образом локализируются мнемонические модели, схемы и механизмы их реализации в общем объеме художественного текста? В попытках ответить на него мы обратились к текстам различной – прежде всего эволюционно-стадиальной генерации.

Литература

1. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М., 1994.
2. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М., 1994.
3. Гацук В. М. Текстологическое изучение эпоса. М, 1971.

МНЕМОНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В «НАРТИАДЕ»

В дошедших до нас текстах кавказской «Нартиады» мы повсеместно сталкиваемся с простейшими формами параллелизмов – аналоговыми и простыми номинативными синтагмами. В функциональном плане ряды синтагм прямой номинации абсолютно обычны для любых эпических систем, что можно предполагать, так сказать, априори – исходя из канонических представлений об «эпической объективности» соответствующих текстов. Попросту говоря фольклорный, точнее, эпический, текст лишен авторства – не в буквальном смысле этого слова, а в функциональном. Тем не менее, восприятие подобного текста предполагает существование некой дифференциальной черты в сознании реципиента – вот текст одной формации, он «объективен», вот иной тип словесного произведения, он предполагает «соучастие» читателя-слушателя в творческом процессе. Мысль о самостоятельном развитии двух разных функциональных пластов словесного творчества давно высказывалась учеными. Полемизируя с А. Н. Веселовским, В. Я. Пропп по этому поводу пишет: «...Нельзя отрицать... правомерности гипотезы, что обрядовая поэзия, основанная на стремлении усилить продуктивность труда, есть древнейший вид народной поэзии... Но когда Веселовский возводит сюда же лирику и эпос, мы не можем за ним последовать. На русской почве между обрядовой поэзией... с одной стороны, и эпосом, с другой, нет ничего общего ни генетически, ни формально, хотя определенные точки соприкосновения и имеются... Эпос не возникает ни из обрядовой, ни из внеобрядовой лирики и не возводится к ней, а имеет самостоятельное, независимое от лирики развитие». Добавим лишь, что, на наш взгляд, речь можно вести

о поэтических образцах, имеющих ритуальное происхождение в целом, а обрядовая поэзия, или «внеобрядовая лирика», – суть частные проявления общего потока словесных конструкций, восходящих к ритуалу, а стало быть – к эзотерике и магии с их неперенным тяготением к косвенным характеристикам объектов.

Это – к вопросу о генезисе различных структур в объеме эпических и шире – фольклорных произведений. Для нас же существенным является то, что отсутствие авторства проявляется в эпическом тексте в форме полного отсутствия аксеологической стратификации объектов, кроме тех частных проявлений последней, которые обусловлены актуальными идеолого-политическими маркерами текста.

Тем не менее, раз существует текст, должна каким-то образом быть обеспечена и его эстетическая и этническая составляющие. Идеологические маркеры дают нам наглядную картину работы мнемонических механизмов, и понятно, что выявление их будет связано в областях аксеологической идентификации эпического объекта.

Эпические тексты, как принадлежащие народам Северного Кавказа, так и любые другие, в этом аспекте совпадают вплоть до мелочей. Мнемонические процессы протекают в каждом тексте – точнее, даже в каждой эпической системе – по абсолютно одинаковым схемам, при этом бывает задействован одинаковый инструментарий. Положительность-отрицательность героя соотносится с субстратной информацией, т. е. герой изначально хорош или изначально плох, его конкретные описываемые действия никак не влияют на его стратификационные позиции.

Несут ли синтаксические и лексические структуры эстетического представления какую либо иную нагрузку, кроме сугубо «технологической»? Иначе говоря – идет ли речь только лишь о маркировании эстетических процессов в общем объеме нерасчлененного и неинституированного восприятия текста, или же механизмы мнемонической реализации и здесь задают общее направление аксеологического осмысления объекта?

Существование устойчивых эпических формул, причем формул «разнесенных» по положительным и отрицательным героям, вскрывает для нас принципы работы акустических (кинематических) механизмов эстетической мнемоники.

Так, у адыгов седло положительного героя – чаще всего либо черное, либо серебряное. Описание Сосруко – центрального героя адыгской «Нартиады» – в значительной части текстов звучит одинаково:

...Сосруко смуглый,
Муж черный, с железным взглядом...
...Ой, Сосруко смуглый,
Ой, муж черный, железноглазый,
Наш грозный всадник!

Литература

1. Нарты. Адыгский героический эпос. М., 1974.
2. Протт В. Л. Основные этапы развития русского героического эпоса. М., 1958.
3. Платон. Кратил. Собр. соч. в 3 т., Т 1. М., 1968.
4. Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., 1965.
5. Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л., 1982.
6. Воронин С. В. Словообразование и ономотопея. В кн.: Исследования по английской филологии. Л., 1974.

Фатима ДУДАРОВА

Необычная история одной
швейной машинки «Zinger»

Заинтригованы? Не торопитесь, узнаете обо всем по порядку... Катя Курашева, о которой пойдет речь, родилась и выросла в Нальчике. «Мой прапрадед по материнской линии отца Степан Касьяненко жил в Семипалатинске, – рассказывает она. – И чтобы прокормить свою большую семью (у него было шестеро детей), он купил швейную машинку «Zinger» 1907 г. Нигде он этому ремеслу не обучался, но умел и шил на ней все: от одежды любой до обуви. Его дочь Августа, младшая сестра моей прабабушки Василисы, продолжила дело отца, шила на профессиональном уровне, извлекая из этого занятия средства к существованию.

Шло время. Василиса выросла и поехала в Москву учиться. Она поступила на театроведческий факультет ГИТИСа. Там познакомилась с будущим мужем Хаджи-Мусой Мидовым, который привез ее в Нальчик, где они до конца своих дней занимались становлением национальной культуры.

В конце тридцатых годов родилась у них дочь, наша бабушка Танзиль, в честь которой названа моя сестра, живущая в Италии. Незадолго до войны Василиса Степановна позвала к себе жить сестру Августу с сыном. Так швейная машинка попала в Нальчик. Перед фашистской оккупацией «Zinger» перевезли в Кенже и закопали на участке близкой родственницы Мидовых Шагидат Казанчевой. Хаджи-Муса воевал, а прабабушка вместе с дочкой и Августом с сыном были эвакуированы до мая 1943 г. в Азербайджан. После возвращения в Нальчик за год до окончания войны Августа умерла. Таким образом швейная машинка осталась в квартире Хаджи-Мусы. Рано из жизни ушла и прабабушка Василиса Степановна.

Она сама хоть и не имела возможности шить из-за чрезмерной занятости на работе, но смогла передать накопленный семейный опыт подрастающей дочери Танзиль. С ее помощью мой отец Александр Курашев в четырнадцать лет перекроил на себя отцовские зауженные брюки 50-го размера в модные уже тогда в начале семидесятых брюки клеш с подрезом под коленом. К слову сказать, эта модель находит своих обладателей вне времени и тенденций и сегодня. Следующим изделием папы стала дубленка, при изготовлении которой он убедился в безграничных возможностях швейной машинки «Zinger». Сблэзн одеваться в пору всеобщего дефицита так, как ты хочешь, подтолкнул к новым знаниям. Мой отец с благодарностью вспоминает маму своего друга Нальжан Каранашеву и модельера-конструктора Нальчикской швейной фабрики Зою Хажуеву, помогавшим ему в освоении секретов швейного мастерства. Другим

*Екатерина
Курашева*

бесценным учителем стали «фирменные» вещи. Распарывая их, нужно было понять обратный процесс – технологию их изготовления. Только так можно было приблизиться к западным стандартам. В шестнадцать лет Александр Курашев шил прилично, а к восемнадцати – уже профессионально и содержал семью, которой рано обзавелся. Он учился на отделении механизации сельского хозяйства сельскохозяйственного факультета КБГУ, а по ночам шил джинсы, куртки, плащи, как из джинсовой ткани, так и из брезента, которым накрывают машины.

Когда мне было три-четыре года, я часто крутилась около папы: играла с лоскуточками, распутывала нитки. У моей мамы Надежды тоже склонность к шитью, хотя она программист по образованию. Всегда одевалась в качественно сшитые и связанные ей самой вещи сложных конструкций, что не осталось незамеченным моим будущим отцом при их знакомстве. И сколько я себя помню, вся наша семья носит одежду только собственного изготовления. Еще у меня была талантливая бабушка по материнской линии, уроженка Украины Галина Ивановна. Она сшила мне тряпичную куклу, для которой мы вместе создавали наряды. Также от бабушки мне передалось умение вышивать крестиком и делать мережку. Когда училась в старших классах, появился интерес и к макраме. Можно сказать, основы ручной работы усвоила от бабушки, а от папы – машинные технологии изготовления и вторичного пошива изделий из кожи, дубленочного материала, самых разных тканей. И с тринадцати лет сама себе шила вещи, но никогда не думала, что это станет моей профессией».

С красным дипломом Катя закончила медицинский факультет, затем ординатуру по челюстно-лицевой хирургии, где благодаря профессору Магомеду Шабазовичу Мустафаеву получила высокопрофессиональную подготовку. Через год Катя поехала в Италию проведать сестру Танзиль, которая училась в Институте гостиничного и туристического бизнеса в Сенигаллии, да так там и осталась. Начала работать ассистенткой стоматолога. Пару лет спустя Танзиль познакомила Катю с Маурицио Брешини, известным в Италии и за ее пределами художником-портретистом. Картины он пишет масляными красками, цветными мелками, есть графические листы. На Мальте есть постоянная экспозиция работ М. Брешини, и он является почетным гражданином этой страны.

Как-то, сидя за чашкой чая с Маурицио, сестры узнали, что он к тому же известный профессиональный дизайнер женской одежды, а Брешини, в свою очередь, открыл для себя, что Катя умеет шить. Оказывается, более десяти лет Маурицио принимает участие в выставках, показах мод области Марке, а его дипломная работа выиграла региональный конкурс.

Однажды Брешини сделал Танзиль подарок: он разработал для нее модель – топ с длинной юбкой, а для воплощения в жизнь дал льняную ткань грубого плетения от Валентино. Это был своего рода экзамен для Кати, который она с честью выдержала, хотя далось тяжело – было много ручной работы. Маурицио остался доволен изделием.

Так Курашева стала сотрудничать с Брешини. В общей сложности ими совместно создано двадцать моделей. Это вечерние и свадебные платья, деловые костюмы, верхняя одежда.

Отец Кати шутит, что и челюстно-лицевая хирургия, и шитье, в конечном итоге, заняты одним и тем же – придадим более эстетического облика человеку. И в каждом случае требуется твердость руки, глазомер, чувство формы, пропорции...

Из военного ведомства Италии к Брешини как-то обратились с просьбой – принять участие в выпуске календаря на 2008 г. с целью популяризации контрактной службы в военной авиации (в Италии служат в армии и парни, и девушки). Идея оказалась очень интересной. В этом календаре есть много фотографий, где совмещены боевая техника одной из авиационных баз и молодые люди в одежде от Брешини, три модели из них выполнены Катей. И в данном случае тоже было много ручной работы, надо сказать, что эта тенденция прослеживается в настоящее время в мировой моде.

На протяжении последних нескольких лет Маурицио сотрудничает с тремя Домами мод – Шанель, Валентино и Унгаро. Их представители привозят Брешини ткани и каталоги. Однажды Катя показала им обим фотографии моделей одежды, выполненных из кожи в сочетании со льном, замшей, джинсовой тканью, изготовленных в их семейной «Kurash studio d' imagine». Работы привлекли внимание, и была поддержана идея сотрудничества.

Катя привезла в Нальчик каталоги весенне-летней женской коллекции *prêt-a-porter deluxe* и *haute couture* от Унгаро и Валентино. Теперь и в Кабардино-Балкарии желающие могут получить индивидуально изготовленную одежду по эскизам знаменитых кутюрье, к которым представлено несколько вариантов тканей-компаньонов. Это очень сложные модели, изысканно выработанные натуральные лен, шелк, хлопок и шерсть, часто вытканые с купонами изумительной вышивки, отделанные бисером и кружевами, во многих случаях малопригодны для массового (машинного) производства. Именно, такой подход, считает модельер одежды в пятом поколении Курашева, поможет реализовать принцип, сложившийся в моде сегодняшнего дня. Актуально все, что подчеркивает индивидуальность и не портит ее...

В настоящее время Маурицио Брешини собирается открывать салон, где в одной половине здания будет предлагаться дегустация вин с его виноградников, в другой – расположится мастерская по производству одежды, где будет работать и Катя.

Жамал ЖАШУЕВ,
старший научный сотрудник
ГНУ КБНИИСХ Россельхозакадемии

НАРАЩИВАЕМ ПРОДУКТИВНОСТЬ, УВЕЛИЧИВАЕМ ПОГОЛОВЬЕ

Недостаток белка животного происхождения в питании людей заставляет обратить внимание на развитие всех отраслей животноводства, особенно молочного и мясного. Пример тому – принятие нацпроекта «Развитие АПК», в котором предусмотрено интенсивное развитие животноводства и поддержка малых форм предпринимательства.

Кабардино-Балкария – благодатный край с хорошими природно-климатическими условиями: высокогорные пастбища с богатым травостоем и горными родниками, что благоприятствуют развитию молочного и мясного животноводства. Рациональное использование этих кормовых ресурсов, не нанося вреда окружающей среде, – одна из важных задач, стоящих перед животноводцами республики.

Благодаря финансовой поддержке (на поддержку малых форм хозяйствования выделено 150 млн. рублей), предусмотренной нацпроектом, с каждым годом растет количество фермерских и семейных хозяйств, занимающихся производством животноводческой продукции. Растут поголовье и продуктивность в этих хозяйствах. Так, в республике общее поголовье крупного рогатого скота в текущем году составило 111 %, овец и коз 128,4 % лошадей 115,8 % к уровню 2007 г. Производство молока составит 5,5 тыс. тонн или на 1100 т больше уровня прошлого пастбищного периода, а производство мяса возрастет на 10–12 %.

За последние годы в мире прогрессирует тенденция к увеличению удельного веса продуктов животного происхождения. Ставится задача обеспечить общую потребность в мясе, молоке и молочных продуктах и таким образом максимально приблизить к научно-обоснованным нормам питания, рекомендуемых институтом питания АМН. На современном этапе развития молочного животноводства спрос на молочный жир имеет устойчивую тенденцию к снижению потребления. Повышается спрос на цельное молоко и молочные продукты. В связи с этим большее количество молока используется на производство питьевого молока с низким содержанием жира 1-2%, сыра, творога, кефира и др. Высокая питательная ценность молочных белков, получаемых на разнотравных горных пастбищах, объясняется не только хорошей усвояемостью, но и удачным сочетанием их аминокислотного и минерального состава. Полноценные белки, молочный сахар, минеральные соли, витамины, другие ферменты молока являются важнейшими составляющими качества молока, а для детского населения и молодняка животных единственным источником питания, дарящим энергию и здоровье.

Именно такую высококачественную продукцию получают на 98 фермах животноводы урочищ «Хаймаша», «Аурсентх», «Хумалан», «Черек»,

«Домбей», «Экипцоко», «Мазеха», «Кая-Баши», расположенных на высоте над уровнем моря от 800 до 2000 м и более.

На этих пастбищах содержатся 28 тыс. голов КРС, в т. ч. 6 830 коров, 98 тыс. овец и коз, 4,6 тыс. лошадей и более 2 тыс. яков. На всех этих пастбищах трудятся 1 900 животноводов разных форм собственности. В их распоряжении 142,6 тыс. га сельхозугодий, 122,6 тыс. га пастбищ.

В текущем году сроки отгона животных всех форм собственности отодвинулись из-за холода и дождей. Обильные весенние дожди способствовали бурному росту трав и это, по мнению животноводов, позволит наверстать упущенное повышением молочной и мясной продуктивности. На лучших фермах удои в эти дни составляют 15–17 литров на корову.

Здесь помнят об уникальных особенностях жвачных животных, заключающихся в том, что переваривание и выработка продукции происходит круглосуточно. Это требует создания комфортных условий пастбы, водопооя, подкормки, доения.

Как говорят горцы, тот, кто не жил и не работал в горах, тот не знает проблем, с которыми сталкиваются животноводы на высокогорных пастбищах.

Горы славятся не только своей щедростью и красотой, но и суровостью, они ошибок не прощают. Многие думают, что животноводы на горных пастбищах больше отдыхают, наслаждаясь этой красотой, но не надо забывать о том, что они за сутки сталкиваются со всеми сезонами года.

Утренний влажный туман с обильной росой, с холодным пронизывающим ветерком сменяется ласковыми, теплыми лучами восходящего из-за горы солнца, а к полудню становится даже жарко, и это способствует бронзовому загару. Животноводов горных пастбищ не зря узнают по загару на их лицах.

Нашим специалистам все это известно, и они научились принимать решения первостепенной важности, необходимые для сохранения здоровья животноводов и повышения продуктивности животных.

Руководством республики, министерством сельского хозяйства и продовольствия принимаются меры по обеспечению работников отрасли товарами первой необходимости и медико-ветеринарным обслуживанием, по снабжению продовольствием и электроэнергией, по поддержанию в исправном состоянии дорог.

Молочными заводами закупается молоко от производителей всех форм собственности по цене 8–9 руб. за 1 кг. Зарплата животноводов в среднем составляет 9 тыс. руб.

Действует круглосуточный пост с дежурством правоохранительных и ветеринарных специалистов.

В самом крупном государственном учреждении «Хаймаша» начальником пастбищ на конкурсной основе избран Шурдумов Борис Исмаилович, опытный организатор животноводства в горной зоне. У него 65 арендаторов пастбищ, которые содержат 13 100 голов КРС, в т. ч. 1 680 коров, 46 тыс. овец. Обслуживают это поголовье 600 животноводов разных возрастов, от 16 до 70 лет.

Животноводы г. Баксана и района произведут 1 800 тонн высокока-

чественного, экологически чистого молока, на 350 тонн больше уровня пастбищного периода 2007 г. С утра до вечера пасутся тучные стада коров разных пород на склонах и в балках пастбищ, покрытых зеленым ковром. К вечеру, насытившись питательным разнотравьем, в котором много лекарственных трав, обеспечивающих все потребности коров в питательных веществах, животные мирно жуют жвачку, довольные своей коровьей «судьбой» – служить человеку, давать ему в ответ на его заботу лучший из продуктов питания – прекрасное молоко.

Приоритетным направлением в развитии животноводства на данном этапе является использование малозатратных технологий производства животноводческой продукции, особенно в горной зоне. Таковым, на наш взгляд, является производство говядины и баранины. Это позволяет лучше использовать экономический, земельный и трудовой потенциал крестьянской семьи, чем другие виды животноводства.

Создание мясных ферм не требует больших капитальных вложений по сравнению с молочными. Это больше привлекает сельскую молодежь. Экологически безопасная продукция, вырабатываемая в горной зоне, всегда пользовалась большим спросом. И ныне местное население старается заготовить на зиму продукты, получаемые из летнего пастбищного молока и мяса. Баранина на Северном Кавказе издавна является любимым продуктом, в свежем, копченном, сушеном виде. Благодаря высоким вкусовым качествам, мясо местных овец, как в прошлом, так и в настоящее время пользуется повышенным спросом.

**Мухамедин ХОЛАЕВ,
Жамал ЖАШУЕВ,
Александр ДУБРОВИН**

КАК ОБЕСПЕЧИТЬ НАСЕЛЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ ПРОДУКТАМИ ЖИВОТНОВОДСТВА?

Агропромышленный комплекс является одной из основных составляющих экономики Кабардино-Балкарской Республики. На его долю приходится около 40 % валового регионального продукта республики. В республике 41 % сельского населения и основным (а зачастую и единственным) приложением труда, и источником доходов для них остается земля.

Объемы и эффективность государственной поддержки сельского хозяйства республики за счет средств федерального и республиканского бюджетов на сегодня не соответствуют масштабам проблем в отрасли и ее социально-экономическому значению. Финансовая неустойчивость и кризис в большинстве сельскохозяйственных организаций отразился и на уровне доходов работников отрасли. Среднемесячная заработная плата выросла за последние 5 лет с 897 до 3 229 руб., но реальное содержание доходов населения, занятого в сельском хозяйстве, за этот период существенно не изменилось и остается ниже, чем в других отраслях экономики.

Эти факторы обусловили снижение до минимума привлекательности сельского хозяйства как сферы занятости, повлекли за собой сокращение в разы численности занятых в крупных и средних сельскохозяйственных предприятиях, а также в значительной степени негативно сказались на процессе преемственности кадров, сохранении и развитии квалифицированного уровня трудовых ресурсов в отрасли.

Для удовлетворения потребности отрасли животноводства в кормах и получения запланированной продукции необходимо к 2010 г. производить всего зерновых кормов – 361,1 тыс. тонн, силоса 905 тыс. тонн, сена и сенажа – 293,8 тыс. тонн.

Специфика кормопроизводства в КБР заключается в том, что географические условия дают возможность использовать обширные горные пастбища в летние месяцы года. Природные же условия позволяют широко использовать культурные пастбища и сенокосы равнинной зоны, иметь посевы кормовых культур на зеленый корм, сенаж, сено и силос.

Обеспечение всего поголовья животных кормами достигается при отводе в структуре посевных площадей до 30–35 % пашни под кормовые культуры и их урожайности 35–50 ц кормовых единиц с гектара, с тем чтобы увеличить заготовку сена и особенно сенажа из многолетних бобовых трав (люцерна, клевер, эспарцет). Они должны составлять не менее 45–50 % объема заготовки кормов стойлового периода и 30–35 % в балансе кормов пастбищного сезона, что обеспечит потребность животных в протеине на 75–80 %. Возрастающая потребность в зеленых и сочных

кормах обеспечивается не только увеличением площади посевов кормовых культур и трав, но и повышением продуктивности пашни.

Молочное животноводство и свиноводство не могут быть продуктивными без достаточного количества в рационе животных корнеплодов (кормовая свекла и тыква). Для обеспечения потребности в них как молочного животноводства, так и поголовья свиней всех форм хозяйств республики, следует ежегодно производить кормовой свеклы в количестве 135,0–168,0 тыс. тонн, бахчевых – 195,0–205,0 тыс. тонн. Эти культуры должны возделываться ежегодно на площади не менее 3,6 и 5,8 тыс. га кормового клина.

Для обеспечения потребности поголовья скота и птицы сельхозтоваропроизводителей всех форм собственности высокобелковыми кормами необходимо производить ежегодно до 8,4 и 4,2 тыс. тонн зерна сои и гороха соответственно.

Основной задачей в развитии животноводства является обеспечение устойчивого продовольственного снабжения населения республики с ориентацией на научно-обоснованные медицинские нормы среднечеловеческого потребления молока – 380 кг, мяса всех видов – 68,8 кг, в т. ч. говядины – 34,2 кг. Исходя из этих данных, производство мяса всех видов следует довести во всех категориях хозяйств до 62,0 тыс. тонн, в т. ч. говядину до 31 тыс. тонн, молока до 342 тыс. тонн.

При рыночной экономике произвести такое количество продуктов питания возможно только при условии, если производство этих продуктов будет рентабельным. А для производства этой продукции республика располагает всеми возможностями, особенно для мясного и молочного животноводства. Так, общая площадь естественных пастбищ и сенокосов составляет около 340 тыс. га, в том числе 246 тыс. га расположены на уровне, доступном для молочного и мясного скота. Изобилие этих пастбищных угодий позволило в свое время стать животноводству одной из традиционных и ведущих отраслей нашего сельского хозяйства с внедрением ресурсо- и энергосберегающей технологии.

Анализ производства продуктов животноводства показывает, что производство молока рентабельно при продуктивности коровы не менее 2 700 кг молока, мясо крупного рогатого скота – свыше 500 г среднесуточного прироста живой массы молодняка. Такую продуктивность животных можно достичь только при хорошо организованной кормовой базе и выборе научно-обоснованной технологии ведения животноводства. Исходя из этого положения телятам до 6-месячного возраста следует скормить: молоко цельное – 350 кг; обрат – 500 кг; комбикорм – 200 кг; сено, сенаж, силос – по потребности.

Желательный состав комбикормов для телят: кукуруза желтозерная – 28,5 %; отруби пшеничные – 15,0 %; овес – 25,0 %; шрот подсолнечный, соевый – 30,0 %; дикальций фосфат – 1,0 %; соль йодированная – 0,5 %; сернокислый кобальт CoSo_4 – 2 г/т.

После 6-месячного возраста кормление телок надо организовать с учетом направленного выращивания – в рационах телок должны преоб-

ладать объемистые корма. Живая масса в 1 год – 255–260 кг, в 18 месяцев – 350–370 кг.

Состав комбикормов для дойных коров: кукуруза желтозерная – 32,5 %; пшеница или ячмень – 20,0 %; отруби пшеничные – 10,0 %; овес – 27,5 %; соевый, подсолнечный шрот – 8,0 %; дикальций фосфат – 1,0 %; соль йодированная – 1,0 %.

Кормление коров проводят с учетом их продуктивности и физиологического состояния.

При соблюдении этих условий плановые породы способны дать продуктивность 4,0–4,5 тыс. кг молока в год. Так, в хозяйствах «Новоивановское», «Красная Нива», «Прималкинский», «Петровых» более 700 лучших коров имели удой 4,5–5,0 тыс. кг молока на корову в год.

При расчете численности крупного рогатого скота принято, что коровы в структуре общественного стада составляют 28–31 %, а в частном секторе – 46,4 % (так сложилось за ряд последних лет).

Исходя из того, что к 2010 г. численность молодняка молочного скота достигнет 154,1 тыс. голов и выход мяса в убойном весе составит 17,7 тыс. тонн, до 300 тонн будет мясо яков. В этом случае мы будем иметь 18 тыс. тонн говядины. Дефицит в мясном балансе говядины составит 13 тыс. тонн. Это количество следует планировать получить от разведения мясного скота.

С учетом перспективы развития мясного скотоводства в республике к 2010 г. должно быть 53 тыс. голов мясного скота, из них – до 10 тыс. коров. Это значительно повысит нагрузку на высокогорные пастбища и эффективность использования растительных ресурсов горных массивов.

Увеличение численности мясного скота должно осуществляться, в первую очередь, за счет расширенного воспроизводства имеющегося поголовья мясных пород и создания новых хозяйств в традиционных зонах, располагающих площадями естественных пастбищ.

В целях обеспечения закупки сельскохозяйственными товаропроизводителями республики высокопродуктивного племенного скота, с учетом его высокой стоимости, необходимо субсидирование за счет средств республиканского бюджета части затрат на приобретение скота (30 % от стоимости). На эти цели требуется 5 млн. рублей, в т. ч. 3,5 млн. руб. – на субсидирование затрат, на приобретение крупного рогатого скота, что позволит дополнительно обеспечить уже в следующем году прирост производства молока в размере 1 300 тонн.

Приобретение по национальному проекту 3 662 голов высокопродуктивных коров позволит обеспечить дополнительное производство не менее 7,5 тонн молока

Широкое внедрение искусственного осеменения в животноводстве, завоз чистопородных животных, а также целенаправленное применение современных методов селекции позволит достичь заметных успехов в повышении продуктивных качеств скота и на этой основе создать собственную базу племенного животноводства.

При повышении уровня молочной продуктивности в хозяйствах всех форм собственности велика роль селекционно-племенной работы.

Суть этой работы заключается в том, что с каждым поколением вводится в стадо возможно большее количество молодых животных с повышенными, против исходных родительских особей, хозяйственно-полезными качествами.

В основе повышения молочной продуктивности коров должны лежать научно-обоснованный отбор и подбор семени быков-улучшателей перспективных линий англеской, датской, красной степной пород и бурой молочной американской селекции. Это позволит объединить ценные генотипы высокопродуктивных импортных молочных пород, сохранив хорошую приспособленность красной степной породы к кормовым, природно-климатическим условиям, стрессам и болезням.

Для хозяйств всех форм собственности восстановление маточного поголовья и закупка телок начинающими фермерами на данном этапе экономического положения очень важны. Хорошим подспорьем решения этого вопроса является использование внутренних резервов, т. е. закупка телочек плановых пород на рынках, это выгодно в экономическом и зоотехническом отношении.

Завоз племенных телок и использование внутренних резервов могут дополнять друг друга и способствовать решению вопросов национального проекта по развитию животноводства.

Изначальным, ключевым фактором продуктивности и увеличения поголовья крупного рогатого скота является отел. Будущее молочного животноводства закладывается сегодня, – это телята с их высоким генетическим потенциалом, полученные от коров и телок, осемененных семенем быков-улучшателей. Недоработки в этих вопросах будут годами отражаться на молочной продуктивности, породности и экономической эффективности ведения молочного скотоводства.

Важнейшей задачей современного молочного скотоводства является продление сроков хозяйственного использования коров. Длительная эксплуатация животных позволяет лучше организовать и проводить селекционную работу со стадом, повысить эффективность ведения отрасли животноводства.

Животноводам всех форм собственности следует помнить, что эксплуатация высокопродуктивных животных в первые лактации без сбалансированного кормления и ухода приводит к резкому снижению продуктивности в последующие лактации, а затем – и к снижению продолжительности хозяйственного использования коров.

В настоящее время продолжительность хозяйственного использования коров в среднем по стране составляет 3,2 лактации, а по КБР еще ниже – 1,7–2,6 лактации. Такой низкий уровень продолжительности хозяйственного использования приводит к повышению себестоимости молока, так как по разным данным на выращивание одной телки до возраста первого отела расходуется от 16 до 19 тыс. руб. и выбраковывать молодых животных после 1-ой и 2-ой лактации убыточно.

Благодаря развитию племенного животноводства республика станет независимой в продуктах животноводства. Реализация племенного скота станет весомым источником денежных доходов.

Увеличение производства мяса в КБР в значительной мере связано с использованием высокогорных пастбищ. В республике имеется более 260 тыс. га таких пастбищ, в т. ч. с крутыми склонами свыше $35-40^\circ$ – 105 тыс. га, расположенных выше 1 900 м над уровнем моря и неиспользуемых домашними породами скота. Немалую роль в увеличении производства мяса сыграет дальнейшее развитие новой отрасли животноводства – яководство.

Естественные пастбища явились источником кормов для яков. Веками не используемые, они стали основным резервом получения сотен тонн дешевого экологически чистого мяса.

На 1 октября 2007 г. в КБР содержится около 2,5 тыс. голов яков, в т. ч. – 930 голов коров. Хозяйства, содержащие яков, ежегодно получают от 75 до 95 телят на 100 ячих. Общее поголовье яков к 2010 г. увеличится в 2,1 раза.

Обеспеченность кормами удовлетворяется на субальпийских пастбищах из расчета 45 кг зеленой массы с апреля по ноябрь (245 дней) на 1 условную голову, что составляет 13,5 кормовых единиц в сутки. С декабря по апрель (120 дней) сухая масса из расчета 11,2 кг, т. е. 4,5 кормовых единиц на 1 условную голову при круглогодичном содержании.

В расчетах экономической эффективности видно, что отрасль яководства будет иметь высокую рентабельность.

В целях обеспечения информационно-консультационной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей, в первую очередь малых форм хозяйствования, в вопросах организации и научно обоснованной, прогрессивной технологии сельскохозяйственного производства создан научно-консультационный центр на базе Кабардино-Балкарского НИИСХ. Одним из направлений повышения эффективности функционирования сельскохозяйственных товаропроизводителей станут мероприятия по повышению квалификации (переподготовке) руководителей и специалистов сельскохозяйственных предприятий и организаций.

«Что мудрость – наивысшая награда...»

(о новой книге Хасана Тхазеплова «Зерна для сада»)

Постсоветская кабардинская литература, основанная на новой концепции мира и человека, раздвинула горизонты художественного освоения современной действительности. После 1991 года, когда распалась старая общественно-политическая система, имевшая свою строго очерченную идеологию, ее место заняли рыночные отношения. Идеологическая пустота не была ничем заполнена. Это привело к духовному и культурному кризису. Однако высвобождение из-под диктата имело свою положительную сторону: это способствовало тому, что в литературе, например, стали рождаться не только новые имена, но стали возникать новые жанры. Впервые в кабардинской литературе появились стихи, написанные в форме рубаи. Известный кабардинский поэт Хасан Тхазеплов, который в последние годы печатается под псевдонимом Хасани, написал более 700 рубаи, унаследовав традиции великих восточных поэтов: Авиценны, Низами, Рудаки, Саади, Амира Хусрава, Хафиза Ширазия, Алишера Навои, и главным образом, Омар Хайяма, доведшего до совершенства четверостишие рубаи.

Кабардинскому поэту Хасани удалось, быть может, нарушить великую истину, заключенную в изречении Гераклита Эфесского: «Дважды в одну реку не войдешь. Все течет, все изменяется». Войдя в реку Истории, реку незабвенного Омара Хайяма, кабардинский автор создал более 700 рубаи, а точнее, на сегодня 745, нет, все же Хасани не нарушил глубокую мудрость древнего грека: в его четверостишиях – поиск собственных путей в поэзии рубаи, свой собственный взгляд на поступки людей, явления и события в современной ему действительности, свои тонкие, порой очень глубокие наблюдения, философские выводы. Несомненно, на поэзию Хасани наложили свой отпечаток этнонациональная специфика, эпоха (очень далекая от эпохи О. Хайяма), геополитическая культура адыгов. Но так же, как и его великий предшественник, Хасани не приемлет пороков общества, ханжества, злословии, лжи, жестокости, жадности, меркантильности и т. д.

Книга Хасани – это и возрождение рубаи, и рождение нового жанра одновременно, на новом витке истории литературы. Мы не берем на себя смелость дать точную характеристику всем находящимся рубаи в книге «Зерна для сада». Это очень сложная задача, которая по плечу не одному исследователю, а многим. Мы лишь попытаемся дать характеристику некоторой части рубаи, объединенных нами по своей тематике, и сделаем из этого некоторые выводы.

Итак, важное место в мироощущении Хасани занимает тема отношения человека к Всевышнему, к Богу. Как и его великий предшественник Омар Хайям, он пантеист. В «Первом круге» Омар Хайям пишет:

«Если хочешь узнать человека – найди в душе его противоречия: среди них – найди главное; попробуй представить это главное противоречие как зеркало; загляни в него – и, может быть, тебе повезет – ты увидишь тень истинного человека, как он есть». Хасани называет бога – Всевышний, Господь, Бог, Аллах, но чаще – наш Отец, единый Отец: он – вечная загадка, величайшая из тайн:

*Мой Аллах и твой Бог – наш единый Отец.
И Отец завершает Вселенский венец.
Если помнишь о том, – ты любовью богат,
Ты в семье человеческой благостный брат.*

Однако Бог – это Абсолют и вечное противоречие, непостижимое для человека:

*Кто за правдой бежит, кто расправу читит,
Кто становится к миру спиною,
И, похоже, что Бог никого не щадит
Из живущих, довольных собою.*

Тема Бога как Отца, как Универсалия для всех людей – людей, равных и неразличимых в своих пороках, – звучит еще явственней в следующем четверостишии:

*В грешном мире, в котором людьми мы зовемся,
Кто со злом, кто с добром до могилы деремся,
Не могу распознать я отличий меж нами,
Если все родились мы от Бога – сынами.*

Человек обречен бесплодно думать, для чего он рожден. Ведь он временно на этой земле, он знает, что придет всему конец, и человек уйдет в небытие. В этом состоит абсолютность Всевышнего, его тайна и его насмешка над человеком. И поэтому не каждый может обрести веру во Всевышнего:

*Путь к Всевышнему – в мученьях; веру трудно обрести.
И не милость, не награда могут к вере привести, –
Опыт всех перерождений по крупицам возрастет,
И тогда во тьме идущей к вере истинной придет.*

В контексте «Бог-Абсолют, Отец для всех людей» очень важную роль играет проблема веры и прозрения души человека. Ведь дорога к Богу не для каждого открыта, путь к Истине, к Богу требует мужества, страданий и великого прозрения, и потому слепцу этот путь недоступен. Шаг к Богу, это шаг к Истине и великому откровению. Однако и над этой дорогой только Бог. Он – Универсум, Абсолют, и потому постижение веры человеком только в его власти:

*Слепцу душой идти до Бога навряд ли в жизни суждено,
Пока ему не будет свыше соизволение дано.*

*Ты можешь верить или не верить, но все же будет этот миг,
Когда душа поймет: прозревший, ты откровение постиг!*

Удивительна и несравнима гармония Единого в его бесконечном разнообразии, порождающем целостность. Одновременно великие законы Единого Бога обуславливают фатальную предопределенность и человеческого мира, и человеческой жизни.

Человек не способен противостоять этой тотальности Единого. Он всецело во власти его, он относительно свободен. И все, чем наделен Универсум человека – рабством, свободой, гневом или позором, величием, или ничтожностью, – все во власти Единого Абсолюта – непонятными для человека путями. Он драматизирует его жизнь:

*Дал Господь нам всем свободу, но и рабство создал Он,
Непонятными путями приведя нас в свой закон.
Быть смиренным дал кому-то, а кому-то – гнев и срам,
Чтоб моральные ступени превращались в поступь драм.*

К абсолютно сложному и невероятно загадочному Единому Отцу автор обращается с мольбой, глубокой верой, не скрывая при этом своей скрытой обреченности перед его никогда неизвестными в полном объеме великими законами, обуславливающими фатальную предопределенность и человеческого мира, и человеческой жизни:

*Собирать грехи землян не дано любому,
Это подвиг – врачевать грешную истому.
Жизнь земная так трудна, а грехи повсюду,
И не дай нам, наш Отец, воскресить Иуду.*

Всепокорность и смирение перед Единым Богом звучат в таких стихах Хасани:

*Молитвенные свечи, горя перед иконой,
Дают огромной силы нам свечот от Творца.
Душа парит в том свете, гордясь судьбой исконной,
И повторяет нежно молитвы для Отца.*

Однако пантеизм, мировоззрение кабардинского рубаиста заметно отличается от пантеизма мировоззрения его великого предшественника Омара Хайяма. Для великого поэта-философа Бог не просто проявляет себя в гармонии мира и любви. Для него Аллах – это прежде всего загадка и вечный вызов: играющий Бог, и в игре через человека устремляющийся к познанию самого себя. Человек окружен бесчисленными, бесконечными мирами – реальными, полуреальными и возможными. И эти миры, как и другие, невыразимые и странные, всего лишь один из срезов проявления тотального Бога, он бесконечен во времени и пространстве:

*Бог – в жилах дней. Вся жизнь – его игра.
Из ртути он – живого серебра.
Блеснет луной, засеребрится рыбкой...
Он – гибкий весь, и смерть – его игра.*

Величие человека определяется тем, – считает Омар Хайям, – что только он знает о существовании тайны Бога, что только он может ощутить Единого и принять его вызов. То есть, по О. Хайяму только человек сравним с тотальностью Всевышнего:

*Цель творца и вершина творения – мы,
Мудрость, разум, источник прозрения – мы,
Этот круг мироздания перстню подобен –
В нем граненый алмаз, без сомнения, мы.*

Тема отблеска таинственности, идущей от Абсолютного Бога, не дающей покоя каждодневному мышлению человека, впрочем, звучит и в стихах Хасани:

*Коль дана тебе природой щедрой мерой доброта,
Значит, Бог лелеет душу в этом мире неспроста.
Может, Он задумал нечто, что подвигнет нас, землян,
Через доброе начало вразумить астральный план.*

Всепроникающий, без иллюзий, трезвый релятивизм Хасани является следствием этой таинственности Абсолюта и его недоступности для человеческого сознания:

*По земле мы проходим как странники,
И наш образ уныл и согбен.
На пути – аморальные стражники
Из земных разношерстных племен.*

Та же мысль, с еще большей обреченностью и безысходность звучит в таком рубаи:

*События и лица у памяти – как зерна,
А зерна прорастают: их сущность непокорна.
Идущие проходят, с добром или со злом,
Без мысли о грядущем, где ждет нас общий дом.*

Другая сторона релятивизма Хасани в том, что все в этом мире находится в постоянном изменении, и вера в чудо – обман, все превращается в прах: нет ничего абсолютного, вечного. И все же вера в чудо дает силы человеку, хотя и временно (ведь чуда нет и быть не может!):

*Не потому ли мы сильны, что все же верим в чудо
В размытой жизни, где обман все превращает в худо.
И как же чудо может быть в среде растленной мощи,
Когда миражна жизнь у нас, в душевной нашей ноше.*

Нельзя сказать, что Хасани во всем подражает Омару Хайяму. Да, он, как и его великий предшественник, пишет четверостишием рубаи. Да,

можно приложить некоторые усилия, и найти общие темы. Сам Хасани признается в этом:

*Говорили о Хайяме, что он был знаток вина,
И что чаша золотая у него была полна.
Может, он и был кутилой, прославляя кутежи,
Но подобного Хайяму мне поэта покажи!*

У Хасани свой собственный взгляд на жизнь, на явления, на события, которые происходят в современной ему действительности.

Время накладывает свой неизгладимый отпечаток на творчество любого творца. Так, например, у великого Омара Хайяма вопросы, расшатывающие одну из главнейших догм ислама – монотеизм, в стихах подчеркнута заострены. Хайям-поэт вскрывает вопиющие логические противоречия в самом понятии «Бог».

Бог – абсолютный разум и высшая справедливость? – спрашивает О. Хайям. – Почему же так неразумно устроен мир, так жесток с его постоянными бедами. Почему так хрупко и уязвимо самое совершенное его творение – человек, приговоренный со дня его рождения к смерти? Гончар, разбивающий свои творения, – искусный или безумный? Вот какое олицетворение находит О. Хайям богу:

*Изваял эту чашу искусный резец
Не затем, чтоб разбил ее пьяный глупец.
Сколько светлых голов и прекрасных сердец
Между тем разбивает напрасно творец.*

Поэт не находит оправдания этой бессмысленной жестокости:

*Вразуми, всемогущее небо, невежд,
Где исток, где основа всех наших надежд?
Сколько пламенных душ без остатка сгорело!
Где же дым? Где же смысл? Оправдание – где ж?*

Важнейшим принципом ислама является догмат о божественном предопределении. Если так, спрашивает поэт, то должен ли человек нести ответственность за свои поступки? Исходя из простой китайской логики, у бога нет права карать человека за прегрешения – кто как не бог и предопределил слабость и греховность человеческой природы?

*Глину мою замесил мой творец, что я поделать могу?
Пряжу он выпрял и ткань мою сшил, что я поделать могу?
Зло ли вершу я, творю ли добро – все, что ни делаю я,
Все за меня он давно предрешил, – что я поделать могу?*

Иное дело у кабардинского поэта-рубаиста Хасани (Хасана Тхазеплова). У него собственное, глубоко самобытное видение мира. Источником всех грехов и проступков он считает самого человека. Вся ответственность за свои поступки, вся греховность и слабость – внутри самого человека,

он – источник и зла, и добра. Человек – всемогущ, он способен остановить любое зло и способен на самые добрые поступки, – это в его власти:

*Если кризис в обществе и больна эпоха,
То виним в трагедии от чертей до Бога.
А суда самим себе даже и не мыслим,
Потому что все себя агнцами мы числим.*

Идея высшей справедливости, считает Хасани, заключена в душе, в сердце, в сознании человека, в его сути и в его плоти. Он сам выбирает свой путь и сам решает, каким ему быть:

*Наши собственные мысли нас ведут к добру и злу,
А что выбрать – сердце скажет, сердцу верим, как послу.
Наше сердце не двулично – чтит добро и зло в родстве:
Сердце ненависть не любит – в нем добро, как в волшебстве.*

Хасани верит, что силы человеку дает, прежде всего, высшая справедливость Творца:

*Молитвенные свечи, горя перед иконой,
Дают огромной силы нам светоч от Творца.
Душа парит в том свете, гордясь судьбой исконной,
И повторяет нежно молитвы для Отца.*

Противоположная точка зрения у О. Хайяма. Еще тысячу лет назад спрашивал: кто, как не Бог окружил человека со всех сторон ловушками соблазнов? Следовательно, Бог и есть коварный искуситель и первопричина грехопадений. С него должен быть спрос:

*Мир – свирепый ловец – к западне и приманке прибеж,
Дичь поймал в западню и ее «человеком» нареж.
В жизни зло и добро от него одного происходят.
Почему же зовется причиною зла человек?*

А вот как Омар Хайям высмеивает самую идею высшей справедливости творца: Где она, справедливость?

Если оглянуться кругом, мир устроен как раз наоборот: дураки и подлецы ни за что получают в дар от неба роскошные дворцы, а достойный идет в кабалу из-за куска хлеба. Если это называется справедливостью, то «Мне плевать на твою справедливость, творец!» – говорит Омар Хайям в одном из своих рубаи.

И если Хайям бунтует, возмущается против несправедливости Абсолютного Творца, то Хасани принимает его таким, как он есть, более того, он возлагает надежду, веру в его справедливость. В своих рубаи Хасани скорее мудро подмечает несправедливости в жизни, кого-то осуждает, а кого-то восхваляет, делает философские выводы из жизненных наблюдений:

*Мне чужого не надо – я свое раздаю,
И обиды на злобных людей не таю.
Коль ходим под Богом, пусть судит нас Бог,
Пусть будет и щедр, пусть будет и строг.*

Более того, Хасани считает, что Всевышний Абсолютный Творец справедлив, он решает, кому быть умным, а кому – глупым:

*Что мудрость – наивысшая награда,
Поймет лишь тот, кто в поисках страдал.
От мудрых слов и мудрецу отрада,
Да и глупцу Всевышний выбор дал.*

Или:

*Я не лезу в вашу душу – не топчите вы мою.
Я и сам без вашей казни перед совестью горю.
О Великий Вседержитель, Всемогущий мой Аллах,
Дай заблудшим душам снова испытанья на весах.*

У Хасани много рубаи и на другие темы, темы человеческого бытия, автор воспринимает бытие как часть бытия универсального:

*По земле мы проходим как странники,
И наш образ уныл и согбен.
На пути – аморальные стражники
Из земных разношерстных племен.*

События и лица, хвала и добродетель, печаль, радость и любовь, слепота и прозрение, ошибки и раскаяние, прошлое, настоящее и будущее – тематика стихов Хасани разнообразна и всеохватна: «Но место и значение истинного поэта определяется не количеством сочиненных стихотворений, а масштабностью и самобытностью его поэтического видения, самостоятельностью голоса, открытием в национальной литературе новых возможностей и перспектив. В четверостишиях Хасани, как и в других его книгах, продолжается поиск собственного направления, собственных тем, передающих глубинные состояния души, внутреннюю жизнь человека», – пишет доктор философских наук, академик АМАН Салих Эфендиев в предисловии к книге «Зерна для сада». И это так. Сравните, к примеру, два рубаи Хасани:

*Ханжи и лицемера личину не прикроешь
Тем, что ты праздно в небо ступеньки к Богу строишь.
Какие же преграды в себе преодолеть,
Дабы личину сбросить, а позже не жалеть?*

Или:

*Где ликует хвала, добродетель смеется,
И, борясь, добродетель в итоге сдается.
Так лукава хвала, неотвязчивой лъстицей
Среди нас проживает, как бы падшей девицей.*

Талант души поэта позволяет создавать ему в стихах пестроту ценностных ориентаций, и в каждом из этих четверостиший он выражает свой взгляд на мир.

У Хасани своя, особая шкала ценностей:

*Есть люди, неспособные стать другом иль врагом,
Они такие милые с улыбками кругом,
У них враждебность скрытая, а доброта кисла,
И даже прозорливому невнятны их дела.*

Хасани способен взглянуть на общемировые проблемы, как бы выискиваясь над этим миром:

*Мир понять никому не под силу опять.
Эта мысль не дает человечеству спать.
Видно, разум хитрит, охраняя простор,
Чтобы мы не подняли на небо раздор.*

Хасани крепкими узами связан с родной землей и своим народом. В его нравоучительных рубаи подчас звучит народная мудрость, подмеченная тонко и глубоко:

*Обманув подлеца, сам обманывать стал.
Так зачем же тогда перед ним ты восстал?
Ты хотел обличать – сам же в сети попал...
Как тогда осуждать, кто и ниже упал?*

Трогательная доброта и грусть по народному герою Хадже звучит в таком его рубаи:

*Ах, Хаджа, Хаджа, мой друг, где ты ходишь вечно?
О тебе судачит люд в мире бесконечно.
Нам тебя недостает, чтоб ходить в народе,
Обнажая скрытый лик в смешанной породе.*

В читателе Хасани хочет видеть друга, собеседника. Из его стихов следует, что если поэт перестал видеть своего собеседника, значит, такому поэту легко сбиться с пути. Одно бесспорно, феномену рубаи в кабардинской, да и во всей российской литературе на сегодняшний день нет аналога. Книга Хасани (Хасана Тхазеплова) будет, возможно, способствовать возрождению жанра рубаи, но уже в новом качестве, на новом витке истории. Книга «Зерна для сада» – свидетельство тому, что идет ломка старых форм и методов стихосложения. Более того, книга Хасани будет способствовать рождению новых жанров в постсоветской кабардинской литературе и литературе России в целом.

Экология на кухне

Питание должно иметь правильный режим.

Энергозатраты человека зависят от образа жизни, трудовой деятельности, возраста, пола, морфофизиологических показателей. Соответственно их компенсация, выражающаяся в первую очередь в потреблении пищевых продуктов, также различна.

В зависимости от состава пребывания пищевых продуктов в желудке различно. Так, вода, овощные и фруктовые соки, чай, какао, кофе без примесей, молоко, бульон находятся в желудке 1–2 часа; кофе и какао с молоком или сметаной, яйца, сваренные вкрутую, тушеная рыба, белый хлеб – 2–3 часа; вареный картофель, черный хлеб, яблоки – 3–4 часа; печень, жареное мясо и дичь, сельдь, пюре гороха и фасоли – 4–5 часов.

Рациональное и сбалансированное питание зависит не только от качества и количества пищи, но и от совместимости ее отдельных компонентов.

Если есть возможность, лучше избегать жидкой высококалорийной пищи типа супа, борща и тому подобного. Это объясняется тем, что она поглощается без пережевывания, а это в конце концов приводит к болезням пищевого тракта, так как пища поступает в желудок без слюны, содержащей необходимые ферменты. Вследствие этого любую пищу необходимо тщательно и достаточно долго пережевывать (в среднем 20–30 раз).

Нужно есть совместимые продукты, иначе до 80 процентов пищи, полезной при раздельном питании, не усваивается, и образующиеся при этом токсины отравляют организм. Избыток белковой пищи

приводит к нарушению азотистого равновесия, что также опасно для здоровья.

Правила сочетания пищевых продуктов, разработанные американским ученым Г. Шелтоном, включают следующие требования:

1. Кислые продукты не употреблять с крахмалистыми (каши, хлебобулочные изделия), так как кислая среда препятствует перевариванию крахмала.

2. Белковые продукты (сыр, мясо, рыба) лучше употреблять перед крахмалистыми, а не вместе. Тогда выделится преимущественно более кислый желудочный сок с меньшей переваривающей силой в области тела и дна желудка.

3. Сочетание двух белковых продуктов (мясо и рыба) нецелесообразно в одном приеме пищи, так как на них выделяется сок разной переваривающей силы и кислотности.

4. Кислые продукты угнетают выделение соляной кислоты, поэтому переваривание белков будет замедляться.

5. Жиры не сочетаются с белками и углеводами (хлеб с маслом и сыром) из-за угнетающего действия жира на секрецию пищеварительных желез.

Некоторые диетологи советуют отдельно употреблять сахаристые продукты (сладкие фрукты, особенно дыни, арбузы, а также мед, сироп и тому подобное). Простые сахара (глюкоза, фруктоза) усваиваются в основном в кишечнике. Поэтому их употребление с белковой и крахмалистой пищей нарушает ее переваривание, вызывает повышенное брожение углеводов.

Материал подготовила О. Малюга

Расход энергии при разной физической активности			
Тип деятельности	Расход энергии, ккал/ч	Тип деятельности	Расход энергии, ккал/ч
Сон	50	Спокойная ходьба	190
Отдых без сна	65	Быстрая ходьба	300
Чтение вслух	90	Бег трусцой	360
Делопроизводство	100	Ходьба на лыжах	420
Работа в лаборатории (сидя)	110	Гребля	150–360
Домашняя работа (мытьё посуды, глажение, уборка)	120–240	Плавание	180–400
Работа в лаборатории (стоя)	160–170	Езда на велосипеде	210–540
		Катание на коньках	180–600

В номере:

Асламурза Гедгафов. К 300-летию победоносной битвы кабардинцев против крымских татар на высокогорном плато горы Кинжал и на равнинных берегах реки Гунделен в 1708 году. <i>Исторический очерк</i>	3
Памятные даты. П. Э. Кимова, Т. Э. Кимов, А. К. Пшеноков, М. Т. Пшеноков, Н. А. Цагов, М. Т. Кануков	10
Наши юбиляры. К 75-летию Ранисы Хашхожевой	15
Адам Готов. До и сейчас. <i>Очерк</i>	18
Светлана Алхасова. «Бесценные познания плоды...». <i>Очерк</i>	19
Салих Эфендиев. К 85-летию со дня рождения Р. Гамзатова. <i>Очерк</i>	21
Наши юбиляры. К 70-летию Хамида Кажарова. <i>Стихи</i>	22
Анатолий Вершигора. К вопросам биографии Хан-Гирея. <i>Статья</i>	28
Николай Шиков. Двадцать лет спустя, или Шаги к забвению. <i>Статья</i>	43
Хусейн Занкишиев. Генерал из Холама. <i>Документальная повесть</i>	48
Фоусат Балкарова. Ищу тебя, отец. <i>Поэма</i>	74
Хасан Шогенов. Два друга. <i>Глава из повести</i>	78
Заудин Маремов. Война глазами подростка. <i>Главы из повести</i>	86
Тамара Чаниева. <i>Стихи</i>	91
Ахмед Мизов. Два голубя. <i>Рассказ</i>	93
Лев Холай. «Горная» афера. <i>Рассказ</i>	101
Борис Чипчиков. Меж крестом и полумесяцем. Дворец мой в безлюдной степи. <i>Рассказы</i>	112
Татьяна Астахова. <i>Стихи</i>	125
Валентина Шуваева. <i>Стихи</i>	127
Борис Кагермазов. <i>Басни в прозе</i>	129
Владимир Черкесов. Коней на переправе не меняют. Соседские байки. <i>Юмористические рассказы</i>	132
Кашиф Унежев. Место и роль религии в духовной культуре общества. <i>Статья</i>	137
Хасан Тхазеплов. <i>Стихи</i>	140
Махти Улаков. Новые подходы и современные методы изучения материальной и духовной культуры народов Северного Кавказа. <i>Статья</i>	145
Рита Алокова. «Самый классный классный – 2008». <i>Статья</i>	150
Зарина Бегиева. Выявление и устройство детей, оставшихся без попечения родителей. <i>Статья</i>	153
Тазал Машуков. Очарованный странник. <i>Очерк</i>	157
Рамета Татарова. Полифункциональность антропонимов в романной прозе С. Мафедзева. <i>Статья</i>	160
Кашиф Унежев, Аниуар Этуев. Национально-культурный компонент в образовательной программе КБР. <i>Статья</i>	163
Елена Губашиева. Эстетическая мнемонема и хронотоп. Мнемонические процессы в «Нартиаде». <i>Статья</i>	168
Фатима Дударова. Необычная история одной швейной машинки “Zinger”. <i>Очерк</i>	171
Жамал Жашуев. Нарращиваем продуктивность, увеличиваем поголовье. <i>Статья</i>	174
Мухамадин Холаев, Жамал Жашуев, Александр Дубровин. Как обеспечить население республики продуктами животноводства? <i>Статья</i>	177
Светлана Алхасова. «Что мудрость – наивысшая награда...» <i>Статья</i>	182
Красота. Здоровье. Жизнь. Экология на кухне	190

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации
№ Н-0150 от 16.12.98
Подписной индекс 78452

Технический редактор, компьютерная верстка: *О. Ф. Малюга*

Подписано в печать 14.07.08. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman PS MT. Печать офсетная. Усл. п. л. 12.

Тираж 2000 экз. Заказ № 119.

360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5. тел.: 47-74-02, 42-75-22.

Отпечатано ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат
им. Революции 1905 года».

КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публикаций может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением дискеты и личных данных (копии: ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, сберкнижка «Сбербанка РФ», номер контактного телефона).
